

По благословению митрополита
Екатеринодарского и Кубанского Исидора
Российское Дворянское Собрание
Дворянское Собрание Кубани
Екатеринодарская и Кубанская епархия

«Гром победы, раздавайся!»

Материалы XI Международных Дворянских чтений,
посвященных 285-летию со дня рождения великого русского
полководца А.В. Суворова и 270-летию со дня рождения
выдающегося русского флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова

(31 октября – 1 ноября 2015 г.)

г. Краснодар (Екатеринодар) 2015

УДК 94(470)«18/19»
ББК 63.3(2)524
Г87

Научный редактор:

Матвеев Олег Владимирович,
доктор исторических наук, профессор
Кубанского государственного университета

Ответственный редактор:

Сухачева Елена Максимовна,
предводитель Дворянского Собрания Кубани,
член Совета Объединенного дворянства
Российского Дворянского Собрания,
член Союза писателей Украины

Рецензенты:

Клычников Юрий Юрьевич,
доктор исторических наук, профессор
Пятигорского лингвистического университета

Чикаева Карина Суреновна,
доктор исторических наук, профессор кафедры социологии
и культурологии ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный
аграрный университет»

Г87 «Гром победы, раздавайся!»: материалы XI Междуна-
родных Дворянских чтений. – Краснодар: Экоинвест, 2015. –
246 с.

ISBN 978-5-94215-266-6

**УДК 94(470)«18/19»
ББК 63.3(2)524**

ISBN 978-5-94215-266-6

© Дворянское Собрание Кубани, 2015
© Экоинвест, 2015

Раздел I.

.....

**Наследие великого русского полководца,
генералиссимуса Александра Васильевича Суворова,
князя Италийского, графа Рымникского,
и выдающегося русского флотоводца,
Святого праведного воина адмирала
Фёдора Фёдоровича Ушакова:
история и современность**

.....

*Е.М. Сухачева
(г. Краснодар, Россия)*

**«Жизнь – Родине, душа – Богу»:
Святой праведный воин Фёдор Ушаков**

«Благодарение Богу, при всех означенных боях с неприятелем и во всю бытность онаго флота под моим начальством на море, сохранением Всевысочайшей Благости ни одно судно из онаго не потеряно и пленными ни один человек из наших служителей неприятелю не достался» – из записки Ф.Ф. Ушакова от 1804 года [1].

В плеяде блистательных имён российских флотоводцев звездой первой величины сияет имя адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова. Своими победами он приумножил и утвердил славу Российского военно–морского флота. «Жизнь – Родине, душа – Богу», – эти слова как нельзя более полно характеризуют житие и деяния адмирала Российского флота.

Родился будущий адмирал в селе Бурнаково Романовского уезда Ярославской губернии 13 февраля 1745 года (стар. ст.) [2] в небогатой дворянской семье лейб-гвардии Пре-

ображенского полка сержанта Фёдора Игнатьевича Ушакова. Имя ему было выбрано не случайно: рождение пришлось между днями памяти воинов-великомученников – Феодора Стратилата (8 февраля) и Феодора Тирона (17 февраля).

Когда мальчику исполнилось 3 года, принял монашество его родной дядя Иоанн Игнатьевич Ушаков, будущий преподобный Феодор Санаксарский. Необыкновенные обстоятельства его пострига оказали большое влияние на племянника. Многочисленные члены семейства Ушаковых были прихожанами храма Богоявления-на-Острове, находившегося в трёх верстах от их села на левом берегу Волги.

В этом храме Феодора крестили; здесь же, в школе для дворянских детей при мужском Островском Богоявленском монастыре он обучался грамоте и счёту. Обладая врождённым бесстрашием, отрок Фёдор нередко отваживался на подвиги не по летам, например, со старостою своей деревни он хаживал на медведя. Смелость была присуща ему всю жизнь. Скромный и уступчивый в обычных условиях, он как бы перерождался в минуты опасности и без страха смотрел ей прямо в лицо. Шестнадцати лет юноша был представлен на смотр в герольдмейстерскую контору Сената, где показал, что «российской грамоте и писать обучен ... желает-де он, Феодор, в Морской кадетский корпус в кадеты».

Морской шляхетский кадетский корпус располагался в Санкт-Петербурге на углу набережной Большой Невы и 12-й линии Васильевского острова. Директором его в то время был Иван Логинович Голенищев-Кутузов, высокообразованный, опытный моряк. Юный кадет прилежно постигал преподаваемые ему науки, особую склонность проявляя к арифметике, навигации и истории, и через пять лет одним из лучших окончил корпус, получил офицерский чин мичмана и был приведён к присяге: «Аз, Феодор Ушаков, обещаюся и клянуся всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием в том, что хочу и должен Ея Императорскому Величеству моей Всемиловитвейшей Государыне Императрице Екатерине Алексеевне Самодержице и Ея Императорскаго Величества любезнейшему Сыну Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу, законному Всероссийскаго

престола Наследнику, верно и нелицемерно служить и во всём повиноваться, не щадя живота своего до последней капли крови ...»[3].

Всю свою жизнь он ни в чём этой присяге не изменил. Служил на Балтийском флоте. Первым дальним плаванием (15 месяцев) совершил поход вокруг Скандинавии до Архангельска и обратно. С 1769 года в Донской (Азовской) флотилии, участвовал в русско-турецкой войне 1768–1774 годов.

С 1775 года был командиром фрегата, в 1780–1782 годах – командиром линейного корабля «Виктор». В начале русско-турецкой войны 1781–1791 годов был командиром линейного корабля «Святой Павел». В сражении (1788 г.) у острова Федониси (ныне Змеиный) командовал авангардом русской эскадры.

С 1790 года командовал Черноморским флотом. Одержал крупные победы над турецким флотом в Керченском сражении (1790 г.), у острова Тендра (1790 г.) и мыса Калиакрия (1791 г.). Во время Средиземноморского похода 1798–1800 годов после блокады штурмом овладел крепостью Корфу (1799 г.).

Проявил себя как искусный политик и дипломат при создании греческой Республики Семи Островов. Умело организовал взаимодействие армии и флота при овладении Ионическими островами, освобождении от французов Италии. Ф.Ф. Ушаков – основоположник маневренной тактики парусного флота, сторонник Суворовских принципов обучения и воспитания военных моряков. 17 января 1807 года Ф.Ф. Ушаков ушёл в отставку.

О морской службе и заслугах выдающегося русского флотоводца – адмирала Ф.Ф. Ушакова широко известно, имеется обширная литература [4], сняты художественные и документальные фильмы (х/ф «Адмирал Ушаков», х/ф «Корабли штурмуют бастионы», СССР, 1953 г., режиссёр – Михаил Ромм; д/ф «Полководцы России. Федор Ушаков», Россия, 2014 г., режиссер: Е. Лосева; д/ф «Адмирал Ушаков», Россия, 2013г., режиссер: Д. Красильников). В значительно меньшей степени отражены последние годы его жизни, которые и дали повод к канонизации.

Отдав всю жизнь службе, Федор Федорович Ушаков никогда не имел ни семьи, ни детей, он вел монашеский об-

раз жизни. После отставки он поселился в тихой деревушке Алексеевка Темниковского района Мордовии. Сохранилось свидетельство тогдашнего настоятеля Санаксарского монастыря иеромонаха Нафанаила: «Онный адмирал Ушаков... и знаменитый благотворитель Санаксарской обители по прибытии своём из Санкт-Петербурга около восьми лет вёл жизнь уединённую в собственном своём доме, в своей деревне Алексеевке, расстояние от монастыря через лес версты три, который по воскресным и праздничным дням приезжал для богомоления в монастырь к служителям Божьим во всякое время, а в Великий пост живал в монастыре в келье для своего посещения... по целой седмице и всякую продолжительную службу с братией в церкви выстаивал неукоснительно, слушая благоговейно. В послушаниях же в монастырских ни в каких не обращался, но по временам жертвовал от усердия своего значительным благотворением, тем же бедным и нищим творил всегдашние милостивые подаяния в всепомощи. В честь и память благодетельного имени своего сделал в обитель в Соборную церковь дорогие сосуды, важное Евангелие и дорогой парчи одежды на престол и на жертвенник. Препровождал остатки дней своих крайне воздержанно и окончил жизнь свою, как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви»[5].

В Отечественную войну 1812 года местное дворянство избрало адмирала Ушакова начальником Тамбовского ополчения. Но здоровье не позволило ему принять эту почетную обязанность. «С отличным усердием и ревностию желал бы я принять на себя сию должность и служить Отечеству, но с крайним сожалением за болезнью и великой слабостью здоровья принять ее на себя и исполнить никак не в состоянии и не могу»[6], – отвечал адмирал губернскому дворянству.

Но от дел, связанных с отпором врагу, он не отошел. Дал деньги на устройство госпиталя для раненых, внес две тысячи рублей на формирование Тамбовского пехотного полка. Все, что имел, отдавал он «на вспомоществование ближним, страждущим от разорения злобствующего врага»[7].

К нему приезжали не только крестьяне окрестных деревень и жители города Темникова, но и из отдаленных мест.

Со страдальцами, лишившимися имущества, делился он тем, что имел; обремененных скорбью и унынием утешал непоколебимой надеждой на благость Небесного Промысла. «Не отчаивайтесь! – говорил он. – Сии грозные бури обратятся к славе России. Вера, любовь к Отечеству и приверженность к Престолу восторжествуют. Мне немного остается жить; не страшусь смерти, желаю только увидеть новую славу любезного Отечества!».

Остаток дней своих, по словам иеромонаха Нафанаила, адмирал провел «крайне воздержанно и окончил жизнь свою как следует истинному христианину и верному сыну Святой Церкви 1817 года октября 2-го дня и погребен по желанию его в монастыре подле сродника его из дворян, первоначальника обители сия иеромонаха Феодора по фамилии Ушакова же»[8].

Отпевал Феодора Феодоровича в Спасо-Преображенской церкви города Темникова протоиерей Асинкрит Иванов, который за день до кончины праведника, в праздник Покрова Пресвятой Владычицы нашей Богородицы, принимал его последнюю исповедь и причащал Святых Тайн. Когда гроб с телом усопшего адмирала при большом стечении народа был вынесен на руках из города, его хотели положить на подводу, но народ продолжал нести его до самой Санаксарской обители. Там встретила благоверного воина Феодора монастырская братия. Феодор Феодорович был погребен у стены соборного храма рядом с родным ему преподобным Старцем, чтобы быть им отныне вместе навеки.

После праведной кончины Феодора Феодоровича прошло почти два столетия. Его подвижническая и высокодуховная жизнь, его добродетели не были забыты в родном Отечестве. Его заветами жили русские воины и флотоводцы, ученики и продолжатели его идей и идеалов преумножали славу русского флота.

Когда наступили времена гонений на Русскую Православную Церковь, Санаксарский монастырь, где упокоился Феодор Феодорович, был закрыт. Часовня, выстроенная над его могилой, была до основания разрушена, честные его останки в 1930-е годы были осквернены безбожниками.

В годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов воинская слава Феодора Феодоровича Ушакова была вспомнута, его имя, наряду с именами святых благоверных князей Александра Невского и Дмитрия Донского, великого русского полководца Александра Суворова вдохновляло на подвиг защитников Родины. Были учреждены орден и медаль адмирала Ушакова, которые стали высшими наградами для воинов-моряков.

В это же время возник вопрос о месте погребения адмирала. Была создана государственная комиссия, которая произвела вскрытие могилы адмирала на территории монастыря у стены соборного храма. Останки оказались нетленны, что является доказательством святости человека. Этот факт был зафиксирован в соответствующем документе комиссии. Могила адмирала была восстановлена и вместе с остатками монастырского комплекса взята под охрану государства. Так и после своей смерти Ф.Ф. Ушаков послужил, хоть и частично, сохранению монастыря, который в 1991 году был возвращен Русской Православной Церкви.

Отныне могила Феодора Ушакова и, как следствие, весь Санаксарский монастырь находились под присмотром государственной власти, и это предотвратило разрушение чтимой праведником обители. Почитание святого праведника год от году возрастало. На его могиле служились панихиды, многочисленные паломники – духовенство, монашествующие, благочестивые миряне, среди которых часто можно было видеть воинов-моряков, – приходили поклониться Феодору Феодоровичу Ушакову, светлый облик которого оказался необычайно близок и воинству, и народу, побуждая к столь же ревностному служению военному и гражданскому, «дабы увидеть новую славу любезного Отечества».

Синодальная комиссия по канонизации святых Русской Православной Церкви, внимательно изучив подвижнические труды Ф.Ф. Ушакова в служении Отечеству, благочестивую жизнь, праведность, милосердие и самоотверженный подвиг благотворительности, не нашла препятствий к канонизации. В декабре 2000 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II благословил прославить адми-

рала Российского флота Феодора Ушакова в лике праведных местночтимых святых Саранской епархии.

5 августа 2001 года адмирал Ушаков был канонизирован Русской православной церковью как местночтимый святой Саранской и Мордовской епархии.

Причисление Ф.Ф. Ушакова к лику местночтимых святых вышло за рамки церковного обряда. На торжества, связанные с канонизацией адмирала, в Санаксарский монастырь приехали руководители ВМФ России и Украины, командующие флотами, государственные чиновники, делегация из Греции и около 6 тысяч паломников.

Необычен был состоявшийся тогда Крестный Ход. Оркестр ВМФ встретил раку с мощами адмирала Ушакова военными маршами. Шествие возглавляли морские офицеры с Андреевскими флагами; почетный караул составляли матросы и кадеты; оркестр исполнил Государственный гимн России. Церковный обряд превратился в своеобразный военно-морской праздник.

В 2001 г. Русская Православная Церковь и ВМФ предусмотрели комплекс мероприятий по прославлению святого адмирала. Была составлена особая служба святому праведному Феодору, написаны иконы, создано житие[9], к небольшому монастырю началось паломничество, в Саранске заложили кафедральный собор в честь святого Федора Ушакова, а во многих местах, особенно связанных с флотом, освятили или начали строительство посвященных ему церквей и часовен.

С особым торжеством обретение своего святого покровителя отметили в ВМФ России. На флотах прошли Крестные Ходы. Причем, в Крестный поход по Черному морю с мощами святого адмирала и его иконами совместно вышли десантные корабли Черноморского флота России и ВМС Украины: «Ямал» и «Константин Ольшанский». Теперь на кораблях, в частях и соединениях ВМФ икону с изображением первого отечественного «военно-морского» святого можно увидеть и в матросском кубрике, и в кабинете главкома.

6 октября 2004 года Архиерейский собор Русской православной церкви причислил адмирала Фёдора Федоровича Ушакова к лику святых, как праведного воина Феодора Уша-

кова и включил в Месяцеслов (память 23 июля/5 августа и 2/15 октября).

Так русские военные моряки после совершения чина церковного прославления адмирала Российского флота благоверного боярина Федора Ушакова обрели своего небесного покровителя, предстателя и ходатая перед Престолом Божиим о многострадальном Отечестве нашем[10]. Впервые в истории христианства в лике святых был прославлен флотоводец. Мощи его покоятся в соборе Рождества Богородицы Санаксарского монастыря в раке, имеющей форму корабля.

Своей праведной земной жизнью Федор Ушаков явил миру ярчайший образец беззаветного служения Отечеству и своему народу, как на поле брани, так и на ниве благотворительности и милосердия, пример православного воина, которому была ниспослана помощь Божия... Адмирал, воспитанный в благочестии, сам воспитал целую плеяду талантливых флотоводцев, офицеров и просто верных сынов своей Родины – воинов Христовых, всегда, не щадя живота своего, до конца стоявших за Веру, Царя и Отечество.

По нравственным заповедям адмирала Ушакова и при его небесном покровительстве Российский Военно-морской флот живет и ныне.

Примечания

1. Адмирал Ушаков: письма, записки. / Сост. и предисловие И. И. Бочарова. М, 2004. С. 251.

2. Запись в Метрической книге см.: Филиал Госархива Ярославской обл. г. Ростов. Ф. 197. Оп. 1. Д. 781. Л. 14. Опубликовано Овчинников В. Д. В служении Отечеству (Адмирал Ф. Ф. Ушаков: неизвестные страницы жизни). Ярославль, 1993. С. 11.

3. Овчинников В. Д. Фёдор Фёдорович Ушаков. М, 1995. С. 27 .

4. Скаловский Р. К. Жизнь адмирала Фёдора Фёдоровича Ушакова. СПб., 2006; Зонин А. И. Фёдор Фёдорович Ушаков. М., 1944; Снегирёв В. Л. Адмирал Ушаков. М., 1947; Ганичев В. Н. Ушаков. М., 1990; Шторм Г. Ф. Ф. Ушаков. М., 1947.

5. Овчинников В. Д. Святой праведный Адмирал Ушаков. М, 2001. С.152.

6. Адмирал Ушаков: письма, записки. Письмо адмирала Ф. Ф. Ушакова Тамбовскому дворянскому собранию от 29 июля 1812 г. С.438.

7. Там же. Письмо Ф. Ф. Ушакова обер-прокурору Синода А. Н. Голицыну о пожертвовании денег в помощь пострадавшим от неприятеля в Отечественную войну 1812 г. от 11 апреля 1813 г. С.439.

8. Там же. Метрическая выпись из *соборной* книги Спасо-Преображенской церкви города Тёмникова о смерти Ф. Ф. Ушакова (от 2 октября 1817 года). С.441.

9. Житие святого праведного воина-адмирала Феодора Ушакова. / Собрал иеромонах Константин (Новгородцев) // Мир Православия. № 11 (80), ноябрь 2004. www.baltwillinfo.ru

10. Адмирал Ушаков стал небесным покровителем военных моряков // pravoslavie.ru. 2001.08.07.

*А.А. Кудрявцев
(г. Ставрополь, Россия)*

Роль Александра Васильевича Суворова в защите и укреплении южных рубежей России

Кучук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией 1774г. значительно усилил российское влияние на ее южных рубежах и стал важным этапом в присоединении Крымского ханства к Российской империи. Турция передала России «ключи от Крыма»—Керчь и Ениколе, обеспечивших ей выход из Азовского в Черное море. Однако, несмотря на ратификацию мирного договора, Турция стремилась не соблюдать его, а султан активно поддерживал антироссийские настроения в Крыму, сохраняя свое влияние на значительную часть местной феодальной элиты.

Турецкие эмиссары смогли склонить на свою сторону большую часть светской и религиозной верхушки Крымского ханства, недовольных правлением хана Сагиб-Гирея, активного поклонника европеизации и весьма недалекого политика.

В начале 1775г. Сагиб-Гирей был свергнут с престола, а в июле крымским ханом был объявлен Девлет-Гирей, утвержденный на правление турецким султаном и прибывший в Крым с турецким десантом, высадившимся недалеко от Алушты. Но продвижение турок было блокировано русскими войсками, а фельдмаршал П.А. Румянцев, командировавший русской армией на Юге, предложил ханский престол Шагин-Гирею, брату Сагиб-Гирея и Девлет-Гирея, признав его правителем как крымских татар, так и ногайцев Предкавказья (Шагин-Гирей был калгой-командующим войсками Ногайской орды).

К осени 1776г. на территории, прилегающие к Крыму и Кубани, были стянуты значительные силы русской армии, включающие корпус генерал-поручика А.А. Прозоровского, находящиеся в крепости Святого Дмитрия (соврем. Ростов-на-Дону), корпус бригадира И.Ф. Бринка, расположенного в районе Азова и войска генерал-майора Н.В. Борзова, занимавшие Еникеле в самом Крыму.

Однако Россия, стремясь отстаивать свои интересы в Крыму, пыталась избежать открытых широкомасштабных столкновений с Турцией. Необходим был опытный и осторожный стратег и дипломат, военачальник, который, не допустив новой войны с Османской империей, смог бы отстаивать русские интересы в Крыму и подготовить почву для присоединения последнего к России. Выбор Г.А. Потемкина, распорядившегося всеми делами в Причерноморье и Предкавказье, пал на А.В. Суворова, командовавшего в это время Московской дивизией, расположенной в Коломне.

Получив приказ А.В. Суворов, вслед за частями Московской дивизии, 17 декабря 1776г. прибыл в Крым, где поступил под начальство А.А. Прозоровского. Последний был рад переложить тяжелый груз ответственности за решение военных вопросов в этой сложной и запутанной обстановке на плечи талантливого и решительного генерал-поручика, которому он в своем распоряжении в связи с назначением командующим корпусом писал: «об искусстве ж и храбрости вашей всякому уже известно, в чем и я удостоверен».

17 января 1777 г. А. В. Суворов вступил во временное командование двадцатитысячным корпусом. Однако, опасаясь боевой активности и военного натиска инициативного коман-

дующего, А. А. Прозоровский, за которым в армию утвердилось прозвище «генерал Сиречь», поспешил обезопасить себя, запретив А.В. Суворову решительные действия, потребовал «прогнав неприятеля, далеко за ним не преследовать».

В этой обстановке Шагин-Гирею удалось получить поддержку феодальной знати Кубани и Ногайской орды, которые признали его своим правителем и ханом Крыма. В конце января 1777г. Шагин-Гирей, поддержанный русскими войсками, овладел крепостью Темрюк и очистил от турок Тамань. Турецкий командующий, подкупленный русским генералом И.Ф. Бринком, отступил без сопротивления и по договорённости с русским командованием через Крым ушёл в Очаков.

К началу февраля 1777г. весь Таманский полуостров находился в подчинении Шагин-Гирея, который через Ениколе, занятый Н.В. Борзовым, вошёл в Крым. Узнав, что Шагин-Гирей, провозглашенный на Кубани крымским ханом, движется на столицу Крымского ханства Бахчисарай, его брат Девлет-Гирей собрал верных ему мурз и мулл, и, получив их заверения в верности и преданности, приказал начать военные действия против русских войск, поддерживавших Шагин-Гирея.

Однако попытка разгромить русских провалилась, и А.В. Суворов одним тактическим манёвром рассёк отряды татарских мурз и обратил в бегство. 10 марта он рапортовал А.А. Прозоровскому, что отряды сторонников Девлет-Гирея распушенные покинули Бахчисарай, а Шагин-Гирей, обосновавшийся в Ениколе, вступил в переговоры с феодальной верхушкой Крымского ханства и вскоре был признан татарскими мурзами ханом. Девлет-Гирей 3 апреля 1777г. бежал на торговом корабле из Крыма в Стамбул.

Смута в Крымской ханстве улеглась и здесь наступило затишье, тяготившее деятельную натуру А.В. Суворова, которого досаждало вынужденное бездействие, неопределённость его положения и статуса в Крыму. Особенно же нервировали бесконечные придирки и мелочная опека генерала А.А. Прозоровского, недовольного твердым характером и прямоотой генерал-поручика.

Тяготы армейской жизни усугубились лихорадкой, которая приносила большие страдания Александру Васильевичу, что и заставило его в июне 1777г. написать прошение о

краткосрочном отпуске и уехать к семье в Полтаву. Домашнее окружение и особенно младшая дочь Наташа, к которой А.В. Суворов был очень привязан, оказали благоприятное влияние на настроение и здоровье полководца. 3 октября 1777 г. он с гордостью писал генерал-аншефу В.И. Храповицкому из Полтавы, что его дочь растет крепкой и закаленной «вся в меня – бегаёт в холод и грязи». Однако перспектива дальнейшей службы под командованием А.А. Прозоровского не прельщает А.В. Суворова и он сообщает последнему о своей болезни и необходимости лечения, в связи с чем вынужден переехать «для перемены воздуха» в село под Полтавой [1].

Одновременно А.В. Суворов обратился к генерал-губернатору Новороссийскому, Азовскому, Астраханскому Г.А. Потемкину с прошением о своем новом назначении, дипломатично указав, что «в службе благополучие мое зависит от Вас!». «Светлейший» благосклонно отнесся к рапорту А.В. Суворова и отдал приказ командующему армией в Крыму и на Кубани фельдмаршалу П.А. Румянцеву о переводе его на новое место службы. 29 ноября 1777г. А.В. Суворов получил от последнего приказ, в котором сообщалось, что «с получением сего ехать для принятия команды над корпусом на Кубани»[2].

К этому времени обстановка в Крыму вновь резко обострилась, что было связано с внутренней политикой нового крымского хана Шагин-Гирея, во многом повторявшего ошибки своего брата, бежавшего к турецкому султану. Опираясь на поддержку русских войск, хан стал проводить европейские реформы, к которым его подданные оказались не готовы. Он отошел от многих национальных традиций и мусульманских обычаев: ездил в карете, носил европейское платье, завел повара-француза, обставил свои покои во дворце европейской мебелью, не проявлял особого религиозного рвения в соблюдении законов шариата и местных адатов. Европейские новации Шагин-Гирея требовали больших расходов, которые хан стремился возмещать за счет повышения налогового бремени и системы откупа русским купцам. Это вызывало возмущение всех слоев местного общества – от светской ирелигиозной феодальной верхушки до городского люда и сельского населения. Татарские мурзы и муллы для компроматации Шагин-Гереедаже распустили среди народа слух о том, что хан принял христианство и крестил-

ся под именем Ивана Павловича. Все это привело к восстанию против Шагин-Гирея, во главе которого встал его брат Селим. Хан вынужден был бежать к русским, бросив на произвол судьбы свой дворец, свиту и даже гарем, доставшиеся мятежникам.

Выжидательная политика и излишняя осторожность А.А.Прозоровского, который в отсутствие А.В. Суворова воздерживался от любых решительных действий, привели к быстрому разрастанию восстания и резкому обострению обстановки в Крыму, которая стала угрожать безопасности русских войск на полуострове. И хотя в октябре 1777г. восставшие были разгромлены, потеряв в решающем сражении более двух тысяч человек, волнения докатились до Кубани и грозили перерасти в новые беспорядки.

Приняв 5 января 1778г. Кубанский корпус, А.В. Суворов постарался предпринять все меры для предотвращения волнений на Кубани и полного вывода корпуса из подчинения А.А. Прозоровскому, необходимость которого Суворов аргументировал в рапорте фельдмаршалу П.А. Румянцеву «немалой от Крымского полуострова здешнего места отдаленности»[3]. И хотя Румянцев не дал ответа на обращение А.В. Суворова, последний воспринял молчание фельдмаршала как согласие, и со всей свойственной ему энергией уже без оглядки на Крым начал укреплять русские позиции на Кубани, достигнув всего за три месяца впечатляющих успехов. Подобные результаты были следствием не только полководческих и организаторских талантов А.В. Суворова, но и его подлинной заботы о своих подчинённых от офицера до рядового.

О его человеческих достоинствах свидетельствует случай произошедший в его инспекционной поездке по Кубанской линии. Командующий корпусом ночью приехал инкогнито на первую на пути следования станцию и долго разговаривал с её комендантом, согласился поужинать и даже выпить водки со старым служакой, не подозревавшим кто его собеседник, а утром комендант получил записку: «Суворов проехал, благодарит за ужин и просит о продолжении дружбы»[4].

Подобные инспекционные поездки командира Кубанского корпуса были его обязательной повседневностью, так как «за первый долг себе», как сообщал А.В. Суворов, он считал

необходимость «самолично обозревать положение сей земли, всех в ней учрежденных постов»[5]. Для укрепления границы А. В. Суворов предложил возвести цепь фортификационных укреплений вверх по Кубани и соединить их с уже существующей Моздокской линией в единую оборонительную систему.

Сформировав необходимый трудовой ресурс, Суворов начал возведение системы сторожевых укреплений, явившихся основой Кубанской кордонной линии протяженностью более 540 верст, включавший 9 крепостей и 20 фельдшанцев от побережья Черного моря до Ставрополя[6]. В конце декабря 1777 года Суворов приехал с инспекцией на Ставрополье, где осмотрел строящуюся Ставропольскую крепость и дал ряд ценных рекомендаций по ее возведению [7].

Несмотря на неблагоприятные погодные условия: снегопады, дожди, морозы, с января 1777 года А.В. Суворов активно возводит крепости и фельдшансы, намечая места расположения каждой постройки и постоянно контролируя инженерные работы. К апрелю 1778 года весь край, благодаря неутомимой деятельности А. В. Суворова, был хорошо укреплен целой системой оборонительных сооружений и надёжно охранялся.

Это способствовало прекращению набегов горцев, становлению мирной жизни и возвращению на эти земли мирных ногайцев. В противоположность Кубани, в Крыму положение было значительно хуже и в любой момент волнения могли вспыхнуть с новой силой, что в значительной мере было связано с рядом ошибок и нерешительностью действий командующего Крымским корпусом А.А. Прозоровского. За свою бездеятельность он был смещен с поста командующего в марте 1778 г. и отправлен в длительный отпуск. 23 марта 1778 г. по рекомендации П.А. Румянцева А.В. Суворов был назначен командующим Крымским корпусом.

Приняв командование, А.В. Суворов объехал все существующие на полуострове русские укрепления, наметил необходимое возведение новых и усиление старых. Положение в Крыму стабилизировалось, но на Ахтиарском (позднее Севастопольском) рейде продолжали стоять турецкие суда, а турецкие эмиссары продолжали вести антирусскую агитацию среди татарского населения.

Для лучшего взаимодействия русских отрядов в Крыму и более четкого контроля за турками А.В. Суворов разделил территорию Крымского полуострова на четыре стратегических района, выделив бригаду генерал-майора И.В. Багратиона в главный резерв и разместив ее с северной стороны Перекопа, т.е. закрыв ворота в Крым. Учитывая возможность высадки в Крыму турецкого десанта, А.В. Суворов укрепил береговую линию, устроил вдоль нее цепь русских постов, ввел для взаимодействия сухопутных и морских сил специальную сигнальную систему и распорядился обучать солдат различать российские и турецкие корабли.

Наряду с военными делами он успешно занимался политикой и дипломатией. Прежде всего, командующий Крымским корпусом начал налаживать отношения с татарским населением полуострова и попытался найти общий язык с крымским ханом. Шагин-Гирей, ведущий свой род от Чингисхана, получил образование в Венеции, любил восточную и европейскую поэзию, сам писал стихи на арабском и татарском языках, свободно говорил по-итальянски, гречески, арабски, русски. В 1771 г. Шагин-Гирей приезжал в Петербург и встречался с Императрицей Екатериной II, произведя на нее большое впечатление своей начитанностью, европейской образованностью и изяществом манер.

По возвращению из Петербурга он провёл ряд прогрессивных реформ, не одобренных, однако, татарскими феодалами и мусульманским духовенством. Хан не побоялся уравнять в правах проживавших в Крыму греков и армян с мусульманским населением полуострова, освободил пленных русских, начал чеканить медную серебряную монету.

Вот с таким правителем и незаурядной личностью решил сблизиться и установить дружеские отношения А.В. Суворов. Большую помощь в этом ему оказал его давний приятель Константинов, имевший хорошие связи с татарами, знавший их обычаи и традиции, и имевший знакомых в окружении хана. С первого же визита между А.В. Суворовым и Шагин-Гиреем сложились взаимопонимание и доверительные отношения, способствующие улучшению контактов между татарами и русскими. Понимая необходимость и важность подобных отношений, А.В. Суворов 16 мая 1778 г. из-

дал специальную инструкцию, где войскам предписывалось «соблюдать полную дружбу и утверждать обоюдное согласие между россиян и разных званием обывателей»[8].

Подобная политика, основанная на «человеколюбии», несомненно, дала свои положительные результаты. В мирном присоединении Крыма в 1783 г. к России был большой вклад и великого русского полководца, командующего Крымским корпусом Александра Васильевича Суворова.

Примечания

1. *Рыбкин Н.* Генералиссимус Суворов, жизнь его в своих вотчинах и хозяйственная деятельность. М., 1874. С. 91.

2. *Масловский Д.* Письма и бумаги А.В. Суворова, Г.А. Потемкина и П.А. Румянцева. СПб., 1893. С. 133

3. Там же. С.142.

4. *Страхов Я.* Рассказы старого воина о Суворове. М., 1847. С. 63.

5. РГВИА. Ф. ВУА. Д. 208. Л. 409.

6. Энциклопедический словарь по истории Кубани./ Науч. ред. Б.А. Трехбратов. Краснодар, 1997. С. 444.

7. Энциклопедический словарь Ставропольского края. Ставрополь, 2006. С. 373.

8. *Алексеев В.* Письма и бумаги Суворова. 1764-1781. Т.1. Пг., 1916. С. 288.

В.Н. Ратушняк
(г. Краснодар, Россия)

Военный гений на берегах Кубани (1778 – 1779 гг.)

«Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно» – писал А.С. Пушкин. К плеяде замечательных людей XVIII века, которыми по праву гордится наш народ, относится великий русский полководец А.В. Суворов. Современников удивляла эта яркая, самобытная личность. Внешне не импозантный, тщедушный и узкоплечий, он отличался неукротимостью духа, силой воли, неумемной энергией. Он

не был поэтом, но писал стихи, а эпистолярное его наследие удивительно образно и поэтично. Он не был философом, но простотой античных мудрецов проникнуты его приказы и диспозиции. Один из образованнейших людей своего века он без остатка отдавал свой талант делу, которому посвятил себя. « Я заключал доброе мое имя в славе моего Отечества и все успехи относил к его благодеянию» – писал А.В. Суворов. Когда требовали обстоятельства, он становился строителем, инженером, политиком, дипломатом. И всегда оставался солдатом и военачальником.

Первый, кто обратил внимание на военное призвание А.В. Суворова, был известный деятель петровской эпохи, прадед А.С. Пушкина, генерал А.П. Ганнибал. По его совету Суворов еще 12-летним мальчиком был зачислен в лейб-гвардии Семеновский полк, где в 1748 г. на восемнадцатом году жизни он начал действительную службу капралом. По тем временам для представителя довольно известного дворянского рода свою военную карьеру он начал сравнительно поздно и это, казалось, не предвещало ему значительных восхождений по службе. В его возрасте такие его современники, как П.А. Румянцев, Н.И. Салтыков, З.Г. Чернышев и многие другие были уже полковниками. Но А.В. Суворов был настойчив, талантлив, его тактику отличала новизна, а его отношение к солдату было иным, чем у многих его сослуживцев. Сын своего времени и своего класса, он был помещиком, владельцем крепостных крестьян, но из солдат он стремился создать не «артикулом предусмотренный механизм», как того требовал Император Павел I, а смелых, инициативных, «знающих свой маневр» воинов-патриотов. Чуждый праздных придворных развлечений, А.В. Суворов был прост в обхождении и быту, спал на соломе, не гнушался солдатской пищи. Высокие морально-боевые качества суворовских чудо-богатырей в сочетании с полководческим искусством А.В. Суворова обеспечили ряд блестящих побед русского оружия в последней трети XVIII в., а сражения у Кинбурна, Фокшан, при Рымнике, штурм Измаила, Итальянский и Швейцарский походы А.В. Суворова стали хрестоматийными. 26 октября 1799 г. А.В. Суворов пятым и последним в истории императорской России получил высший воинский чин генералиссимуса.

Пятым – не означает равным. Несомненно, среди своих предшественников А.В. Суворов отличался наибольшими военными заслугами. Так, первым этого высшего воинского чина (звания) в России был удостоен Федор Юрьевич Ромодановский, отличавшийся исключительной преданностью Императору Петру I. Он фактически правил страной во время отсутствия последнего. Так, он носил этот чин в 1695 – 1696 гг., когда Император Петр I находился в Азовских походах.

Вторым – Алексей Семенович Шеин, талантливый полководец, во втором Азовском походе 1696 г. возглавлявший сухопутные войска в чине генералиссимуса. В 1727 г. этот высший воинский чин получил Александр Данилович Меншиков. В 1740–1741 гг. этот чин носил принц Антон Ульрих Брауншвейгский – отец Царя-младенца Ивана VI. Этот «полководец» вообще не имел никаких военных заслуг, но мог получить его согласно Воинскому уставу 1716 г., в котором в частности говорилось, что «сей чин коронованным главам и великим владеющим принцам только надлежит, а наипаче тому, чье есть войско». А.В. Суворов получил генералиссимуса не только потому, что командовал победоносным войском, возвращавшимся из Швейцарии, но и потому, что за его плечами было 7 войн и походов, 60 сражений и крупных боев. Его имя ставили в одном ряду с такими выдающимися полководцами как Александр Македонский, Ганнибал, Юлий Цезарь, Карл XII, Фридрих II, Наполеон. Но все они наряду с громкими победами знали и отступления и поражения. И лишь один А.В. Суворов не знал горечи военных неудач – явление исключительное в военной истории. Слава его была велика! Им гордилась Россия, перед ним преклонялась Европа. Еще при жизни выдающегося полководца о нем стали сочинять легенды, писать стихи, изучать его военное искусство. К нашему времени литература о жизни и деятельности полководца стала необозримой, она насчитывает несколько тысяч наименований. Выявлено и опубликовано значительное число суворовских документов. Однако и сейчас во многих архивохранилищах нашей страны и за рубежом можно найти малоизвестные или совсем неизвестные лаконичные письма и рапорты А.В. Суворова. « Где не был этот человек, где не оставил он следов своих, имени своего?» – восклицал

декабрист Н.И. Лорер, осматривая развалины одной из суворовских крепостей на Кубани.

Не один раз приходилось А.В. Суворову бывать на территории нашего края и каждый его приезд был связан с важнейшими политическими событиями, которыми была так богата история Кубани в последней четверти XVIII века. Впервые А.В. Суворов появился на Кубани в начале 1778 года. 16 января он рапортовал своему непосредственному начальнику П.А. Румянцеву о своем вступлении в должность командира Кубанского корпуса из Копыльского укрепления.

Новый командир корпуса немедленно выясняет положение дел на Кубани, настроение ногайцев и закубанских горцев, встречается с кубанским сераскиром (командующим военными силами ногайцев) Арслан-Гиреем, братом крымского хана Шагин-Гирея. Его и другого брата, популярного среди закубанцев, султана Батыр-Гирея А.В. Суворов одаривает подарками, предлагает им жить в мире и согласии с Россией.

Приняв дела от бывшего командира корпуса генерал-майора И.Ф. Бринка, А.В. Суворов выехал из Копыла для осмотра края. Он посетил Темрюк, Тамань, проехал до устья р. Кубани, а затем возвратился в Копыл. Во время поездки он наметил пункты для строительства новых военных укреплений в дополнение к старым в низовьях р. Кубани. Однако обстановка на Кубани продолжала осложняться. Восстание, поднятое Селим-Гиреем, находило отклики на Кубани. А.В. Суворов понимал, что для упрочения влияния России в Прикубанье требовались более действенные меры. Он приходит к выводу о том, что лучшим средством изолирования ногайцев от турецких эмиссаров и пресечения совместных действий с закубанскими феодалами в сложившейся военно-политической ситуации является система военных, укреплений. Полководец решил продолжить намеченную им кордонную линию в низовьях р. Кубани дальше, через степь, вплоть до р. Ташлы, где строилась Ставропольская крепость (или, как она тогда называлась, – крепость № 8 Азовско-Моздокской оборонительной линии).

Создание кордонной линии, по мнению А. В. Суворова, во-первых, «учинит преграду» между ногайцами и горцами, во-вторых, обеспечит регулярную связь между Кубанью

и Астраханским (впоследствии Кавказским) корпусом, что диктовалось политическими и военными соображениями, в-третьих, линия будет препятствовать влиянию Турции на ногайцев и, наоборот, усилит русское влияние среди них. Наконец, в-четвертых, не было необходимости продолжать строительство Моздокской линии к Азову, что уменьшало материальные затраты. К тому же река Кубань являлась дополнительной естественной преградой на пути любого противника и в соединении с укреплениями делала кордон, особенно летом, труднопроходимым.

Как дальновидный политик А.В. Суворов понимал, что притязания российского престола не останутся на границах с полувоенным агрессивным Крымским ханством, довольствуясь его пресловутой независимостью, тем более, что Турция не собиралась мириться с его потерей. Он получал сведения о приготовлениях Порты к войне, о переговорах татарских мурз с турецким султаном, которым последний недвусмысленно заявил, что скорее «лишится своего престола, нежели татар оставит при вольности под российской протекцией» [1]. Поэтому, составляя план кубанских военных укреплений, А.В. Суворов был уверен, что рано или поздно они станут пограничным форпостом России на Северо-Западном Кавказе. План был полностью одобрен П.А. Румянцевым – его непосредственным военным начальником.

Во время осмотра Кубани А.В. Суворов решает и ряд других задач. Между старыми укреплениями он приказывает поставить наблюдательные посты и очистить берега р. Кубани от камышей, чтобы пресечь внезапные нападения противника. Стараясь привлечь на сторону России местную феодальную знать, он ведет с ней переговоры о мире и дружбе, одаривает ее ценными подарками. Встречался А.В. Суворов и с казаками-некрасовцами. За несколько месяцев до его приезда на Кубань генерал И.Ф. Бринк разорил некрасовские селения в низовьях р. Кубани. Отмечая их тяжелое положение после карательных акций, А.В. Суворов просил князя Г.А. Потемкина ходатайствовать перед Императрицей Екатериной II о выдаче некрасовцам Царского манифеста о прощении. Но некрасовцы так и не дождались его, и вскоре ушли в Турцию.

Между тем строительство военных поселений на правом берегу р. Кубани продолжалось. А.В. Суворов лично руководил строительством. К концу февраля уже были построены укрепления в нижней части р. Кубани до Копыла, развернулись работы по строительству крепости Марьинской (в районе нынешней ст. Марьянской). Феодалская верхушка закубанских племен, недовольная возводимыми укреплениями и подстрекаемая Турцией, организовывала нападения на строителей. Так, при строительстве фельдшанца (временного укрепления) Архангельского (в районе современного г. Краснодара) отряд подполковника Фока подвергся 'внезапному нападению закубанцев. Два отряда горцев напали на русскую пехоту, но в разгар боя подоспела суворовская конница, и противник отступил. А.В. Суворов, уважавший смелость и бесстрашие даже в неприятеле, по достоинству оценил противника, его смелую рукопашную схватку. В то же время другая группа горцев стремительно атаковала казачий пикет возле строившейся крепости Марьинской, но тоже безуспешно. Сообщая о 7 захваченных в плен горцах, А.В. Суворов писал, что это «здесь есть редкость, ибо имеют привычку драться в смерть» [2]. Стремительный и смелый закубанский противник вынуждал к максимальной осторожности, о чем неоднократно напоминал кубанским командирам А. В. Суворов.

В марте 1778 г. строительство укреплений продвинулось к устью р. Лабы, где возводилась крепость Александровская (ныне г. Усть-Лабинск). А.В. Суворов торопил строителей и 19 марта 1778 г. уже сообщил командующему, что крепости и фельдшанцы по Кубани подошли к урочищу Темишбек. В середине апреля он предполагал соединить Кубанскую кордонную линию с Моздокской. В связи с этим А.В. Суворов предлагал П.А. Румянцеву с окончанием строительства военной кордонной линии перенести границу России к р. Кубани. Эта мысль была созвучна планам П.А. Румянцева, но царское правительство пока не решалось на такой шаг, выжидая более подходящий момент. Строительство линии продолжалось. В конце марта 1778 г. в урочище Темишбек была заложена крепость Павловская (в районе нынешней станицы Кавказской). Одновременно А.В. Суворов наметил

места для строительства редутов по коммуникационным линиям от кубанских укреплений к Азову для лучшей связи с Россией. К июню 1778 г. были намечены к строительству все военные укрепления, часть из которых успешно строились. Кубанская кордонная линия протянулась почти на 540 верст (свыше 575 км) от Тамани до Ставрополя. П.А. Румянцев высоко оценил фортификационную деятельность А.В. Суворова на Кубани, называл его знатоком инженерного искусства. Говоря о стратегическом значении построенной линии, П.А. Румянцев писал А.В. Суворову: «...в сделанных Вами по Кубани укреплениях не только для обуздания беспокойных орд нахожу я немалую пользу, но и для будущего положения в том краю вновь границы великую удобность и желал бы с стороны сей и весьма там войска удержать» [3].

Всего было намечено построить 10 крепостей, 10 постоянных редутов и 8 фельдшанцев, но построены были в основном фельдшанцы да заложен ряд крепостей и редутов. Бесперывные набеги закубанцев, волнения ногайцев, напряженные русско-турецкие отношения ставили на повестку дня быстрое строительство временных военных укреплений, которые впоследствии А.В. Суворов предполагал «превратить в редуты и крепости».

Кипучая деятельность А.В. Суворова на Кубани обратила на него внимание правительства – он был назначен командующим всеми войсками в Крыму и на Кубани. Получив в конце апреля предписание, А.В. Суворов сдает Кубанский корпус полковнику Одоевскому, оставляя край «в полной тишине и в удовольственном упражнении ногайцев хлебопашеством и иной домашней экономии» [4]. Он отмечал с удовлетворением, что «к тамошним укреплениям подлежащие народы имеют частое с войсками российскими обращение и начинают помалу производить уже торги лошадьми, скотом, маслом, молоком и другими товарами» [5].

Находясь в Крыму, А.В. Суворов продолжал руководить Кубанским корпусом, постоянно интересовался политической обстановкой на Кубани. Обобщая свой военный опыт и военно-теоретические знания, с учетом местных специфических условий, А.В. Суворов еще в бытность свою на Кубани составил 20 февраля 1778 г. краткое поучительное наставление для войск Кубанского корпуса, которое позже было им включено

в известный приказ от 16 мая 1778 г. по войскам Крымского и Кубанского корпусов. Это наставление и приказ явились ценным практическим руководством в боевой подготовке, организации службы и быта солдат на Северном Кавказе. Они давали в руки корпусных, полковых и других командиров инициативу для разумного использования правил военного устава 1763 г., к этому времени уже значительно устаревшему.

По приказу А.В. Суворова на Кубани летом 1778 г. открываются провиантские магазины в крепостях Темрюкской, Благовещенской, Александровской, Павловской и Ейском редуте, он неустанно заботится и о сохранении природных богатств Кубани, запрещая «выжигание драгополезных лесов».

В январе 1779 г. А.В. Суворов вновь посетил Кубань. Осмотрев Кубанскую кордонную линию, он через крепость Павловскую проехал в Азов, затем в крепость Святого Дмитрия (нынешний г. Ростов–на-Дону), и возвратился в Крым. Во время объезда Кубани А.В. Суворов встречался со многими ногайскими султанами и мурзами, выяснил их отношение к России, давал советы кубанским командирам по улучшению организации обороны кордонной линии. Стремясь установить добрососедские отношения с горцами, он требовал, чтобы на Кубани создавались меновые: дворы для торговли с закубанцами, подчеркивал, что «благомудрое великодушие иногда более полезно, нежели стремглавый военный меч».

А. В. Суворов, учитывая сложную военно-политическую обстановку на Кубани и возможность военного столкновения с Турцией, использовал весь свой авторитет и дипломатическое искусство, чтобы привлечь на сторону России ногайские и горские народы, пытаясь путем экономических и дружеских связей усилить влияние России на Северном Кавказе.

Примечания

1. А.В. Суворов. Сб. документов. Т. 2. Док. № 13. М., 1951.
2. А.В. Суворов. Сб. документов. Док. № 18.
3. П.А. Румянцев. Сб. документов. Док. № 115. М., 1959.
4. А.В. Суворов. Сб. документов. Док. № 31.
5. Там же. Док. № 32.

*О.В. Матвеев
(г. Краснодар, Россия)*

**«Был мал, был велик...»:
Закубанский поход А.В. Суворова
в исторических судьбах ногайского народа**

Проблема «Суворов и ногайцы» относится сегодня к трудным вопросам отечественной истории. Версии о жестокости полководца, осуществлявшего депортацию и геноцид ногайского народа, имевшего за плечами великое историческое наследие, противостоит идея о разбойном образе жизни одного из последних осколков Золотой Орды, от которого Россия оборонялась и с которым, наконец, покончила на Кавказе, исходя из принципа: лучший способ обороны – наступление.

Так, видный исследователь из Карачаево-Черкесии Р.Х. Керейтов, напомнив о 600-летнем периоде существования Ногайской Орды со столицей в городе Сарайчик, о том, что изящным слогом ногайских поэтов и философов Асана Кайгылы, Шал-Кийиза и Каз-Тувгана восхищались многие народы, а послов Ногайского государства принимали не только при Российском дворе, но и в Литве, Венгрии, Византии, Болгарии и Турции, пишет: «Под предлогом «переселения» правительство Екатерины II подготовило и хладнокровно осуществило план массового истребления ногайского народа. Ногайцев, не имевших собственного регулярного войска, уничтожали хорошо обученные профессиональные войска во главе с именитыми генералами Российской империи. Депортация и геноцид ногайского народа даже в то время противоречили нормам морали, гуманизма, а также правовым обязательствам России <...>. Трагедии тех лет отрицательно отразились на национальном развитии народа, на его генофонде» [1].

С другой стороны, советские и современные российские историки постоянно указывали, что разбойничьи набеги на русские порубежные земли стали основой государственной политики Гиреев и Османов. Россия шла на разорительные траты, держа засечные черты – системы укреплений стра-

тегически важных пунктов по всему порубежью. Гиреев за-
дабривали «поминками» (подарками), по сути дела данью и
немалой. «Поминки» принимались, но набеги и разорения
сёл и городов продолжались; только за первую половину
XVII столетия татары и ногайцы угнали из пределов Рус-
ского государства около 200 тыс. человек [2]. Отсюда делал-
ся вывод о движении на юг как закономерности российской
внешней политики. В этом оборонительно-наступательном
контексте и рассматривалась деятельность А.В. Суворова
на Кубани [3]. Объективнее других подходила к проблеме
одна из моих Учителей, кубанская исследовательница Т.М.
Феофилактова, скрупулёзно изучавшая документы Архива
внешней политики России. Она пришла к выводу, что в це-
лом деятельность полководца была направлена на решение
ногайской проблемы «мирным путём и на установление до-
брожелательных отношений с местным населением» [4].

Представляется, что крайности, направленные на вы-
яснение виновных в трагедии ногайского народа или идеа-
лизацию деятельности Суворова в регионе, представляют
собой исчерпанные направления в изучении проблемы. Се-
годня, по мысли выдающегося отечественного кавказоведа
В.В. Дегоева, необходимо преодолеть труднопреодолимое ис-
кушение «судить и осуждать, хвалить или хулить, любить
или ненавидеть, героизировать или умалять там, где нуж-
но учиться думать и понимать, унимая гнев и пристрастие,
находя в себе мужество трезво взглянуть на милые сердцу
лестные предания старины» [5]. Изучение факторов несовме-
стимости, кризисов взаимопознания позволяет ответить на
вопрос, почему «империя, как бы того не хотела, уже не мог-
ла оставить в покое тех, кто сам не давал ей покоя» [6].

Наименование «ногайцы» восходит к имени темника Но-
гая, который решил отложиться от Золотой Орды. Эта борь-
ба окончилась поражением и ликвидацией Ногайского улу-
са, но имя Ногая не исчезло в памяти его обитателей. Когда
в XIV в. государство монголов стало приходить в упадок, из
него выделилась Ногайская Орда. Её ядром стали мангыты,
монгольские тюркизированные племена и кыпчаки. Орда де-
лилась на улусы – феодальные образования, возглавляемые
наследственными правителями – мурзами.

В середине XVI в. Орда разделилась на две части – Большие и Малые Ногаи. Кочевья Малой Ногайской Орды располагались в Приазовье и в Предкавказье. В XVII в. в состав кубанских ногайцев влились их соплеменники с Поволжья, вытесненные оттуда калмыками. Вплоть до конца XVIII в. ногайцы входили в орбиту политики Крымского ханства и стоявшей за ним Османской Порты. Стоящие во главе феодальной иерархии султаны и мурзы, имели подвластных узденей и беев, владели зависимыми «чёрными людьми» и рабами [7]. С присоединением Крыма и Правобережья Кубани к России ногайское общество, оказавшееся в условиях новой политической реальности, раздираемое социальными и межплеменными противоречиями, пророссийской и протурецкой ориентациями, должно было сделать свой нелёгкий выбор.

В июне 1783 г. А.В. Суворов, назначенный в очередной раз командиром Кубанского корпуса, успешно привёл к присяге на верность России ногайские орды. Обратим внимание на рапорт военачальника Г.А. Потёмкину от 28 июня 1783 г., где Суворов сообщает: «При восклицаниях наших ура и алла, [бывших] началом здесь производства высочайших намерений, спешу вашу светлость всенижайше поздравить, от обеих народов, соединяющихся в единой (выделено нами. – О.М.)» [8].

Именно так воспринималась русскими властями и командованием мирная интеграция ногайцев в многонациональное пространство империи, «единого» российского народа. В ордере генерал-майору Ф.П. Филисову от 25 июня 1783 г. Суворов предписывает: «Ваше превосходительство ежевременно вводите в войсках обычай с татарами обращаться как с истинными собратиями их (выделено нами. – О.М.)» [9].

В рескрипте Императрицы Екатерины II Г.А. Потёмкину от 8 апреля 1783 г. также ставилась задача «на Кубане устраивать как порядочное и образу мыслей и жития новых наших подданных земское правление, так особливо достаточную военную стражу и оборону, в чём мы совершенно на вас полагаемся» [10]. Т.е., главное для империи в этот период в крае – посредничество, примирение, объединение. Действия Суворова в регионе способствовали тому, что образ врага по-

степенно утрачивал свои классические формы, вызывая смешанные чувства и тягу к взаимопознания.

Сама церемония принятия присяги не могла служить прочной гарантией верности ногайцев. Князь А.А. Вяземский, граф И.А. Остерман, А.А. Безбородко и П.В. Бакунин во Всеподданейшем докладе Императрице 28 августа 1783 г. сообщали: «Единоверие их и соседство с Портою Оттоманскою, были поводом, что они попеременно изменяли то одному, то другому государству, и вместо ожидаемой общественной пользы, более доставляли беспокойства» [11]. К докладу прилагалось прошение «главного Ногайских орд начальника» Халиль-Эфенди-Аги, подписанное муллами и мурзами, которые просили отвести ногайцам земли на Урале. Авторы Всеподданейшего доклада считали возможным удовлетворить прошение и «татарам, избравшим образ жизни кочевой, назначить степи, лежащая между рек Волги и Урала» [12]. Рассмотрев донесение «о желани подданных наших, ногайских народов переселиться на уральскую степь, приложенной при том выписки с прошений от начальствующего ими Халил-Эфенди-Аги», Императрица Екатерина II признала «такое их переселение выгодным и полезным» [13].

Само перемещение на другие земли не было чем-то непривычным для кочевого мира ногайцев. Идея переселения с Волги на Кубань, затем с Кубани на родину предков – на Урал, постоянно присутствует в народных песнях ногайцев. В одном из таких текстов говорится: «Когда я поднимаюсь на Эльбрус, / Я вижу светлый стан великой Волги, / Я с Волги до Кубани доберусь / И там ногайский воин выйдет гордый. / С Кубани на Урал отправлюсь я, / И там народ живёт мой до Арала. / Куда не глянь, везде земля моя / Ногайский юрт от Волги до Урала» [14].

В песне о войнах с калмыцким ханом Аюкой ногайцы выражали надежду: «Такой настанет день, / Когда ногайцы хана Аюке, / Ревущего, как медведь, / Огонь изрыгающего, как Дракон, / Погонят с родной земли. / И на великой матери Волге / Свободно расселится / Ногайский мой народ» [15].

Таким образом, определение переселения как «депортации» и «геноцида» ногайского народа вырывает это событие

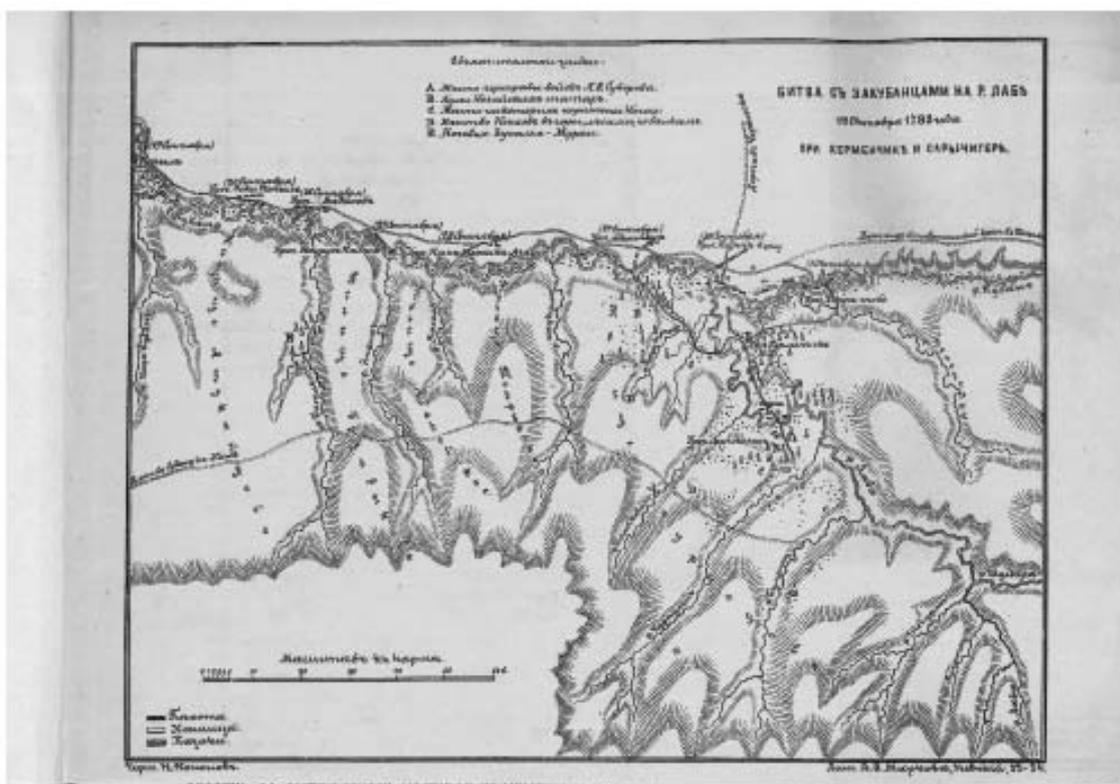
из контекста эпохи. Эти термины XX века неприменимы к историческим реалиям ногайской проблемы XVIII столетия [16]. В письме, отправленном Императрице Екатерине II мурзой Халил-ага-эфенди, ведавшим Едисанской, Едичкульской, Джембойлукской и частью Буджакской орды, ногайское прошение о перекочёвке было определено как политическое обязательство. Наряду с поддавшимися турецкой пропаганде противниками переселения имелись активные сторонники перекочёвки. Среди последних – Муса-бей, султан Джембойлукской орды и приятель А.В. Суворова [17]. Последний в ордере генерал-майору Ф.П. Филисову сообщал и о другом стороннике переселения: «Благонамеренный Джан-Мамбет-мурза пред сим подавал письменно прошение о его со владением желании к перекочеванию на их старину, Уральскую степь! Не переменил он мыслей, то с помощью божиею благословите его туда следование» [18].

Драму кубанских ногайцев предопределило не предполагаемое переселение, а междоусобица, вызванная непримиримостью отдельных мурз. В песне ногайского поэта XVIII в. Саркынбая Крымлы осуждались «продажные мурзы»: «Жили мы здесь, / Как гости Всевышнего. / Продажные мурзы / Копились на злато врага <...>. / Соберём джигитов, / Целую армию / И продажных мурз / Вместе с турками / Погоним с родной земли» [19].

Роковую роль сыграла и наивная легковёрность рядовых ордынцев, поверивших распускаемым турецкими агентами слухам о том, что русские ведут ногайцев в Поволжье, чтобы уничтожить. Тайно прибывший на Кубань бывший хан Шагин-Гирей также рассылал по ордам «мятежные письма». Ногайскую степь охватили волнения. Часть кочевников напала на русские воинские команды и преданных России ногайцев. Тав-султан, «человек, – по словам Суворова, – богатой, хитрой, неверной, сколько легкомысленный» [20], с сильным отрядом попытался взять Ейское укрепление, но потеряв 600 человек, ушёл за Кубань.

Бегство ногайцев в Закубанье грозило возникновением нового антироссийского плацдарма. Добытая с таким трудом стабильность на южных рубежах империи, как говорилось

в Манифесте Императрицы Екатерины II о присоединении Крыма и Кубани, «из мятежа и неустройства в мир, тишину и порядок законный» [21], вновь оказались под вопросом. И здесь судить Суворова с позиций исторических обид бессмысленно. Как человек военный, он раздумывал недолго. Собрав 16 рот пехоты, 16 эскадронов драгун, 6 казачьих полков при 6 орудиях, 19 сентября 1783 г. А.В. Суворов скрытно двинулся за ногайцами. К условленному месту должен был ещё прибыть атаман Донского казачьего войска Иловайский с 10-ю казачьими полками. Чтобы ввести противника в заблуждение, Суворовым «через конфиденентов слух был пропущен закубанским племенам, как и в Суджук-Кале, что войски обращены внутрь России для войны с немцами, что их малая часть следует к Кавказскому корпусу для войны с персами, что строго повелено закубанским племенам ни малейших видов к неудовольствию не подавать, что нагайских татар повелено оставить в покое» [22]. Войска шли по ночам. Для проведения организованной переправы войск военачальник ещё с марша направил инженерную разведку и специально подготовленное подразделение для отыскания удобного места для переправы через Кубань [23].

31 сентября 1783 г., взобравшись на вал древнего городища западнее современного г. Усть-Лабинска, А.В. Суворов, опасавшийся ухода ногайцев в леса предгорий, осмотрел в подзорную трубу поля Кубанско-Лабинского междуречья. Ногайцы, успокоенные ложной информацией об уходе армии, косили сено, виднелись многочисленные дымы их становищ [24]. В ночь на 1 октября при урочище Токус-Тобе была совершена переправа. В переводе с ногайского это название означает «девять холмов» – курганов, которые и сегодня видны на восточной окраине хутора Двубратского [25]. Переправа, по словам А.В. Суворова, «была наитруднейшая, широтою более семидесяти пяти сажень, едва не вплавь, противной берег весьма крутой, высокий и толлику твёрд, что шанцевым инструментом в быстроте движения мало способствовать можно было, артиллерия в тягости подымаемы были на канатах, картузы и патронные веки переносили в руках, в студеной ночи пехота переходила нагая» [26]. При переправе к войскам А.В. Суворова присоединились казаки Иловайского. Преодолев 6 вёрст по открытой местности, войскам пришлось переходить «через топкое место до урочища Керменчик» – болотистой лощине, по которой протекала речка Малый Зеленчук. Взятый в плен казаками неприятельский разъезд показал, что ногайцы стояли вдоль Лабы, начиная от городища Керменчик и вверх по Лабе вёрст на десять [27]. Александр Васильевич принимает решение послать степью к Лабе все казачьи полки, чтобы отрезать ногайцам путь к горам. «Донское войско, – докладывал потом Суворов, – под предводительством войскового атамана г. генерал-майора Иловайского, авангардные драгуны в команде г. подполковника и кавалера Лешкевича и резервный баталион при подполковнике Кропфе на рассвете ударили на бунтовщиков с великою храбростию, и в десять часов пополудня открылась полная победа!» [28].

Резня была жестокая. В сражении, происходившем на месте современной станицы Новолабинской, русских вдохновляло желание покончить с ногайской конницей, принесшей столько горя жителям южнорусского порубежья. Ногайцы отчаянно дрались за свой мир и привычный способ существования. Тав-султан, пользуясь малочисленностью русской пехоты, смог прорвать кольцо окружения и уйти вверх по Лабе.

Лошади и люди были сильно утомлены, и А.В. Суворов дал войскам двухчасовой отдых. Убитых ногайцев насчитали до 1800 человек, в том числе 11 почётных мурз и главных наездников Едичкульской Орды [29]. Потери русских были неизмеримо меньше: убито 2 казака, 1 мушкетёр, 1 драгун, несколько десятков были ранены и пропали без вести.

После отдыха Иловайский с казаками и драгунами отправился по правому берегу Лабы, чтобы предупредить переправу ногайской конницы. Суворов с пехотой и частью конницы пошёл вдоль левого берега. При урочище Сарычигер в районе современной станицы Дондуковской ногайцам было нанесено ещё одно поражение. Ногайская конница как военная сила, постоянно угрожавшая южным рубежам империи, перестала существовать.

Закубанский поход, сражения при Керменчике и Сарычигере обнаруживают уникальность замысла и стратегического решения этой военной операции, долго остававшейся в тени блистательного полководческого наследия А.В. Суворова. Велико было и политическое значение этой акции. Многие ногайцы выходили из Закубанья и присягали русскому правительству. «В знак покорности, – писал дореволюционный историк П. Бобровский, – ногаи присылали к Суворову белые знамёна и просили как милости вернуться в степи при-Азовския» [30].

Британский историк Джон Баддели, желая выпятить стремление русского правительства уничтожить несчастных ногайцев, отметил: «За эту операцию Суворов был пожалован орденом Святого Владимира I степени» [31]. Но на самом деле А.В. Суворов был награждён этим орденом рескриптом Императрицы Екатерины II ещё 28 июля 1783 г. (т.е. тогда, когда не были исчерпаны мирные варианты решения ногайского вопроса!) «по случаю присоединения разных кубанских народов к Всероссийской империи» [32]. Этот орден был учреждён недавно, в 1782 г., и имел четыре степени. Награждение генерал-поручика Суворова сразу первой степенью было признанием необычайной важности, прежде всего, выполненной им дипломатической миссии [33].

А.В. Суворов был военным человеком, служил империи, действовал по законам своего времени. Но при этом воинская решительность сочеталась в нём с необычайной совестливо-

стью. Военачальник как мог способствовал подчинившимся России ногайцам: выделял денежные средства, продовольствие; семьи, оставшиеся без скота, расселялись по казачьим станицам. Как-то позируя художнику и размышляя о смысле своей бурной боевой жизни, полководец сказал: «Ваша кисть изобразит черты лица моего – они видны, но внутреннее человечество моё сокрыто. И так скажу я вам, я кровь проливал ручьями. Содрогаюсь! Но люблю моего ближнего, во всю мою жизнь никого не сделал несчастным; ни одного приговора на смертную казнь не подписывал; ни одно насекомое не погибло от руки моей. Был мал, был велик; при приливе и отливе счастья уповал на Бога и был непоколебим...» [34].

Военная акция сентября-октября 1783 г. против мятежной части ногайцев была вызвана стремлением ликвидировать очаг постоянный напряжённости в Южном Приазовье и Прикубанье. Но в отношении ногайцев Россия никогда не устанавливала официальной дискриминации. И хотя последствия разгрома А.В. Суворовым мятежников были весьма ощутимы, оставили горькую память в истории ногайского народа [35], вряд ли имеет смысл подходить к силовым мерам Российской империи в конце XVIII в. с современными критериями национальных обид.

Пройдёт немного времени, и ногайцы мирных орд начнут постепенно перекачываться в ставропольские степи под прикрытием Азово-Моздокской укрепленной линии. Часть ногайцев была переселена в Таврическую губернию [36]. В крае же развернулась большая созидательная работа, в которой нашлось место всем, включая ногайцев, мирно уживавшихся с другими народами в дореволюционном Баталпашинском отделе Кубанской области.

Примечания

1. Керейтов Р.Х. К истории участия ногайцев в Кавказской войне // Кавказская война: уроки истории и современность. Материалы научной конференции. Г. Краснодар, 16–18 мая 1994 г. / Отв. ред. В.Н. Ратушняк Краснодар, 1995. С.

2. Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003. С. 58

3. См.: Соловьёв В.А. Суворов на Кубани 1778–1793. Краснодар, 1986; Хорошенко Е.В. Одни сутки решили всё дело, или

Закубанский поход Суворова // Память об А.В. Суворове – национальное богатство России. Материалы научной конференции гг. Краснодар-Усть-Лабинск 6-7 октября 2001 г. / Отв. ред. В.Н. Ратушняк. Краснодар, 2001.

4. *Матвеев О.В.* Из истории кавказоведения в Кубанском государственном университете: Т.М. Феофилактова // Кавказский сборник. Т. 8 (40) / Под ред. В.В. Дегоева. М., 2014. С. 353.

5. Дегоев В.В. Непостижимая Чечня: Шейх-Мансур и его время (XVIII век). М., 2013. С. 9.

6. Там же. С. 28.

7. *Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А.И.* Ногайцы. Историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 34

8. А.В. Суворов. Сборник документов. М., 1951. Т. 2. № 236. С. 268.

9. Там же. № 235. С. 267.

10. Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 1. 1762–1796 гг. / Сост. М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М., 2012. № 26. С. 650.

11. Там же. № 38. С. 661.

12. Там же.

13. Там же. № 39. С. 663.

14. *Джумагулова А.Т.* Социально-политическая история ногайцев Северного Кавказа в фольклорном отражении в XVI–XVIII вв. // Российская государственность в судьбах народов Кавказа – VII. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 12–13 декабря 2014 г. Пятигорск, 2014. С. 72.

15. Там же. С. 75.

16. *Матвеев О.В.* Вхождение Приазовья в состав России // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. Краснодар, 2012. № 1-2. С. 53.

17. *Соловьёв В.А.* Указ. соч. С. 185–186.

18. А.В. Суворов. Сборник документов. Т. 2. № 72. С. 267.

19. *Джумагулова А.Т.* Указ. соч. С. 75–76.

20. А.В. Суворов. Сборник документов. Т. 2. № 243. С. 275.

21. Кавказский вектор российской политики. Сборник документов. Т. II. Кн. 1. № 25. С. 648.

22. А.В. Суворов. Сборник документов. Т. 2. № 255. С. 287.

23. *Хорошенко Е.В.* Указ. соч. С. 31.

24. *Бобровский П.* Суворов на Кубани в 1778 году и за Кубанью в 1783 году. (С портретом и двумя планами). СПб., 1900. С. 28.

25. *Соловьёв В.А.* По следам Суворова (записки краеведа). Краснодар, 2004. С. 276.

26. *А.В. Суворов.* Сборник документов. Т. 2. № 255. С. 287–288.

27. *Соловьёв В.А.* Суворов на Кубани. С. 169.

28. *А.В. Суворов.* Сборник документов. Т. 2. № 255. С. 288.

29. *Бобровский П.* Указ. соч. С. 30.

30. Там же. С. 34.

31. *Баддели Д.* Завоевание Кавказа русскими. 1720–1860 / Пер. с англ. Л.А. Калашниковой. М., 2007. С. 52.

32. *А.В. Суворов.* Сборник документов. Т. 2. № 240. С. 272.

33. *Соловьёв В.А.* Победы А.В. Суворова в орденах // Память об А.В. Суворове – национальное богатство России. Краснодар, 2001. С. 123.

34. Цит. по: *Виноградов В.Б.* Страницы истории Средней Кубани. Армавир, 1993. С. 32–33.

35. Там же. С. 32.

36. *Ялбулганов А.А.* Ногайцы: история демографии (XVIII – XIX вв.) // Информационно-аналитический вестник отдела истории Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований. Майкоп, 2002. Вып. 5. С. 268.

И.И. Ващенко
(г. Краснодар, Россия)

Из истории создания памятника А.В. Суворову в Краснодаре

Взаимоотношения генерал-поручика А.В. Суворова с разными группами украинского казачества нельзя назвать однозначными, точнее однозначно комплиментарными. Для казаков Верного Черноморского войска, особенно на начальном этапе формирования, он выступал в роли подлинного

благодетеля: привез им казачьи клейноты и открытый лист для «вписания самими казаками» в него имени выборного атамана, коим стал Сидор Белый.

После гибели атамана А.В. Суворов снова занимается делами черноморцев, которые в массе своей состояли из бывших казаков Низового Запорожского войска, теперь уже на время выборов нового атамана Захария Чепеги. Отношения А.В. Суворова с многочисленными городскими казаками, которые выполняли своего рода милицейские функции и ранее состояли в Реестре, были намного сложнее. В силу присущей ему быстроты и бескомпромиссности в принятии решений он сформировал из них несколько легкоконных полков, оторвав их от многолетнего привычного быта: «от хаты, жены и борща». Позже они стали не только основой знаменитых в эпоху наполеоновских войн гусарских полков, но и базой для печально известных военных поселений.

Потомки городских или реестровых казаков несколькими большими миграционными потоками вслед за черноморцами также были переселены в XIX веке на Кубань, однако сильная обида, похоже, осталась.

Когда в казачьей среде обсуждались разные варианты сооружения памятника Императрице Екатерине Великой в Екатеринодаре, вариант с фигурой А.В. Суворова, стоявшего рядом со светлейшим князем Григорием Потемкиным, так и остался на стадии модели, сохранившейся в фондах Государственного Русского музея. В итоге историческая справедливость была осуществлена намного позже.

К 275-летию великого полководца на Кубани был объявлен конкурс на создание ему памятника. По времени его сооружение совпало с возрождением монумента Императрице Екатерине II и установкой у краевой администрации памятника казакам – переселенцам, поэтому конкурсная программа состояла из двух базовых компонентов: будут деньги на создание конного памятника, то поставят его, не наберется нужной суммы, установят «пеший вариант», который в итоге и был осуществлен.

В конкурсе участвовало почти два десятка проектов кубанских скульпторов, а также присланных из Ростова-на-Дону и Москвы конкурсных моделей.

Конкурс, в котором мне довелось участвовать в качестве члена жюри, проходил в два этапа, и вместе с профессором

Ю.В. Лучинским пришлось разрешать возникающие по ходу жаркого обсуждения разного рода социокультурные и исторические коллизии.

Для большей части комиссии, состоящей из отставных генералов, варианты с поднятой над головой полководца победной шпагой были наиболее предпочтительными. Не смущало даже то обстоятельство, что подобных композиций, воплощенных в материале или существующих в моделях, насчитывается не один десяток.

*Конкурсные модели памятника А.В. Суворову.
Авт. А.П. Корнаев. Из фондов ККХМ им. Ф. А. Коваленко*

Кроме того, существовала некая довольно деликатная сторона проблемы: сам факт разгрома мятежных ногаев не был в числе крупных полководческих подвигов А.В. Суворова, за который он, кстати, получил вполне «гражданский» орден Святого Владимира 1-й степени.

В итоге нам удалось отстоять вариант памятника, на котором А.В. Суворов предстает в качестве замечательного фортификатора и стратега.

Победителем конкурса стал краснодарский скульптор Алан Петрович Корнаев. Это был его первый опыт по со-

оружению бронзовой монументальной скульптуры. Затем будут его убедительные победы в конкурсах по сооружению в Краснодаре памятников Федору Щербине, Лавру Корнилову и кубанским добровольцам, памятника в Беслане.

Был еще один спорный момент, который касался надписи на пьедестале. Предложенный членами конкурсной комиссии текст «Александр Васильевичу Суворову – основателю города Екатеринодара» нам показался исторически не достоверным. Пришлось доказывать, что сооруженный по его

плану один из фельдшанцев на берегу Кубани располагался в районе нынешнего универсама на Дубинке. После второй Турецкой войны он был разрушен, и пришедшие на Кубань черноморцы построили свою крепость совсем в другом месте. В итоге появилась более аргументированная надпись о признательности полководцу от благодарной Кубани.

24 ноября 2004 года в день рождения Александра Васильевича Суворова в Мариинском сквере г. Краснодара был торжественно открыт четырехметровый памятник великому полководцу. Он запечатлел образ А.В. Суворова – строителя и дипломата, сумевшего раз и навсегда присоединить Кубань к России.

Позже рядом с корнаевским памятником А.В. Суворову появились памятные бюсты, созданные А.А. Аполлоновым и запечатлевшие его великих современников: гениального флотоводца Федора Ушакова, освободителя Анапы Ивана Гудовича, Михаила Кутузова, Григория Потемкина и других генералов, заслуживших благодарную память потомков.

*П.В. Новиков
(г. Краснодар, Россия)*

Капитан Г.Г. Белли – верный соратник адмирала Ф.Ф. Ушакова

Одним из лучших офицеров в эскадре адмирала Ф.Ф. Ушакова был шотландец Генри Бэйлли (Henry Baillie), или как его называли на русский манер Григорий Григорьевич Белли. К сожалению, ни в одном из источников не удалось обнаружить точную дату его рождения, но скорее всего, родился он около 1763 г. В 1783 г. Г.Г. Белли был принят из английской службы в русский флот мичманом, с назначением в Донскую флотилию. С 1787 по 1798 гг. он командовал различными военными судами в Черном море, принимал участие в сражениях с турецким флотом при Фидониси, Гаджибее, Тендре, Калиакрии, и считался первоклассным морским офицером. С 1789 года Белли уже капитан-лейтенант, а за бой у мыса Калиакрия 31 июля 1791 года, командуя судном «Полоцк», награжден орденом Св. Владимира IV ст.

С 1793 г. он командует 32-пушечным фрегатом «Счастливым», с командой 276 человек. 13 августа 1798 г. Белли на «Счастливом» отправился с эскадрой Ф.Ф. Ушакова в Средиземное море, где участвовал в захвате Ионических островов Корфу, Занте и Цериги. За взятие в составе десанта крепости на Цериги 28 сентября 1798 г. он был награжден орденом Св. Анны II ст. Вскоре – 20 октября 1798 г. Г.Г. Белли опять отличается: фрегат «Счастливым» под его командованием захватывает в плен французский бриг «Александр», везший важные депеши генералу Бонапарту в Египет.

Весной 1799 г. адмиралом Ушаковым к берегам Италии был направлен отряд кораблей под командованием капитана 2-го ранга Сорокина с целью совместных с англичанами действий против французов и итальянских республиканцев. 22 апреля 1799 г. при взятии порта Бриндизи, фрегат Белли присоединился к эскадре Сорокина, которая затем, двигаясь вдоль побережья захватила Монополи, Мольфетту и

Барлетту, выбив оттуда французские гарнизоны. 9 мая была захвачена Манфредония и на берег высажен русский десант под командованием Г.Г. Белли в составе 17 штаб и обер-офицеров, 376 унтер-офицеров и солдат, 148 матросов и 6 орудий с артиллерийской командой из 36 человек. Отряд, который составил в общей сложности 577 человек, выйдя из Манфредонии на Фоджо, за три недели пересек с боями весь Аппенинский п-ов и уже к началу июня был на юго-восточных подступах к Неаполю, где отразил артиллерийское нападение канонерских лодок и выбил противника из прибрежных укреплений.

3 июня авангард Белли, состоящий из ста солдат и тридцати матросов, в результате невероятной ночной штыковой атаки против двух тысяч французов, перебил триста человек, а шестьдесят взял плен, с минимальными потерями. Было также захвачено пять пушек и два знамени. Республиканцы из центра Неаполя были оттеснены к укрепленным замкам Кастеллама-ре, Кастель-Нуово и Кастель-дель-Ово, которые вскоре капитулировали, и к 8 июня город был полностью в руках Белли.

Когда через четыре дня в Неаполь прибыла эскадра адмирала Нельсона, доставившая из Сицилии неаполитанского короля и три тысячи английских и португальских солдат, на республиканцев обрушились жесточайшие репрессии. По приказу Нельсона были отменены все ранее заключенные русскими обязательства, содержащиеся в документах о капитуляции, гарантировавшие жизнь всем сдавшимся в плен. В итоге от кровавого террора погибли тысячи неаполитанцев. Белли, осуждая действия своих соотечественников и проявляя благородство и гуманизм, делал все, чтобы сдерживать насилие и жестокость: не выдавал пленных на расправу, укрывал беженцев, и им, в частности, был спасен знаменитый итальянский композитор Чимароза.

За захват города Фоджо 12 мая 1799 г. Император Павел I наградил Белли орденом Св. Иоанна Иерусалимского, а получив от Ф.Ф. Ушакова донесение (от 24 июня 1799 г.) о взятии Неаполя, Император Павел I сказал: «Белли думал меня удивить, так и я удивлю его», и в виде исключения, пожаловал капитан-лейтенанту орден Св. Анны I ст., которым

награждались чины рангом не ниже контр-адмирала. В рескрипте А.В. Суворову Император писал: «Сделанное Белли в Неаполе доказывает, что русские люди на войне всех прочих бить будут, да и тех, кто с ними, тому научат».

17 июля 1799 г. фрегат «Счастливый» принял участие во взятии замка Сент-Эльмо и крепости Капуя, а затем вместе с оставшейся на рейде небольшой английской эскадрой охранял неаполитанского короля. 6 августа 1799 г. Белли был произведен в капитаны 2-го ранга, а 5 ноября 1800 г. награжден королем Обеих Сицилий, только что утвержденным орденом Св. Фердинанда II ст. В Неаполе Белли остается русским комендантом до 1802 г., после чего возвращается в Севастополь и в 1803 г., производится в чин капитана 1-го ранга, а на следующий год вновь отправляется к русской эскадре в Архипелаг, в распоряжение адмирала Д.Н. Сенявина.

В 1806 г. «за совершение, в офицерском чине, 18-ти морских компаний» награжден орденом Св. Георгия IV ст. В 1806–1807 гг. Белли, командуя уже отрядом судов, принял самое активное участие в Адриатической экспедиции: изгнал из Каттаро австрийский гарнизон и овладел всей Каттарской областью, взял у французов город и крепость на островах Курцола и Лисса, а затем командовал захваченным в плен в Афонском сражении турецким линейным кораблем «Сед-эль-Бахр».

В 1808 г. Белли постигла несправедливая опала. После заключения Тильзитского мира он под нажимом французов (которые не могли простить ему своего позора в Неаполе) и под предлогом того, что англичанину неудобно служить в русском флоте при начавшихся осложнениях с Англией, был отправлен в отставку и выслан в Саратов.

Долгие четыре года провел Белли в ссылке, сначала в Саратове, затем в Москве и Санкт-Петербурге, и только в 1812 году вернулся в Севастополь, где получил в командование линейный корабль «Азия». В 1811 г. Григорий Григорьевич принял российское подданство. В 1812–1826 гг. Белли продолжил службу в Черноморском флоте, командуя различными судами, а с производством в 1816 г. в чин контр-адмирала возглавил 3-ю флотскую дивизию, которая базировалась в Николаеве. Здесь он и скончался 2 июня 1826 г. [1].

В Центральном военно-морском музее хранится подлинник Указа Императора Павла I о награждении Белли орденом Св. Анны I ст., но, к сожалению, нет ни одного его изображения. Нет их и в других музеях Москвы и Санкт-Петербурга. Но, совершенно неожиданно, великолепный портрет героя взятия Неаполя нашелся в Краснодаре.

В 2006 г. вышел прекрасно изданный каталог Краснодарского краевого художественного музея им. Ф.А. Коваленко. Там, в разделе «Великобритания XVIII–XIX вв. на стр. 89 была напечатана репродукция мужского портрета, снабженная следующей надписью:

Смит, Джон Рафаэль (Smith, John Raphael)

1740/1752, Дерби–1812, Worcester

166. Портрет лорда Ричарда Кавендиша

Холст, масло. 103x76

На обороте: мелом John Rafael Smith

1740–1811 Inruwel.; ГЭ 5128; кз 756; Р 98–162

ЭЖ 2093

Пост.: в 1931 г. из ГЭ как «Мужской портрет»

Лорд Ричард Кавендиш – представитель английского рода из графства Суффолк. Один из защитников и управляющих Гибралтарской крепостью.

Каталог: КХМ 1941, 1979

Ж–506 [2].

На портрете изображен мужчина средних лет в парике и зеленом мундире. Бюст Афины Паллады и штурвал, на который опирается его правая рука, указывают на то, что это военный моряк. Но одет он не в английский мундир, а в форму офицера русского военно-морского флота времен Императора Павла I, и кроме того награжден орденом Св. Анны I ст., о чем свидетельствуют красная с золотистой каймой орденская лента (в XVIII в. такую ленту из всех европейских орденов имел только орден Св. Анны) и край звезды, выступающий из-под роскошной красной епанчи. Как известно, по Высочайшему Указу от 17 ноября 1796 г., всем офицерам флота полагался мундир, состоящий из темно-зеленого кафтана с белым отложным воротником и темно-зелеными обшлагами, белого камзола и белых панталон; шпага, пуговицы и пряжки полагались позолоченные [3]. Первоначальная атрибуция с совершенно непонятной аргументацией абсолютно неверна, так как единственным офицером, награжденным генеральским орденом Св. Анны I ст., не только за время правления Императора Павла, но и за всю историю русского военно-морского флота, был именно Г.Г. Белли.

Что касается автора портрета, то на обороте холста и на этикетке подрамника, указано одно и то же имя – Смит (Smith, John Raphael). Джон Рафаэль Смит был одним из самых известных английских граверов второй половины XVIII века. Родился он в 1752 г. в Дерби, в семье Томаса Смита, живописца-пейзажиста и гравера, известного тем, что его типично английские романтические пейзажи были использованы Веджвудом в прославленном «Сервизе с зеленой лягушкой», предназначенном для Императрицы Екатерины II. Начальные азы своего ремесла Джон Рафаэль получил, скорее всего, от отца и своего старшего брата Томаса Корреджо Смита – известного миниатюриста. В 1767 г. он переезжает в Лондон, где уже основательно обучается гравированию в технике меццо-тинто у неизвестного мастера. Первая гравюра Смита появилась в 1769 году, а уже начиная с 1773 г., он начал выставлять свои произведения в «Объединенном обществе художников». Работал Смит в меццо-тинто и пунктире, и большинство своих работ издавал сам. Гравировал он с оригиналов Рейнольдса, Гейнсборо, Ромни, Морланда, Фьюсли, Лоуренса, Хопнера, а также по своим рисункам. Всего им

было выполнено около трехсот гравюр. В последние годы Смит занимался в основном пастелью и умер в Лондоне в 1812 г. [4].

Атрибутируемое произведение и композиционно, и стилистически вполне соответствует английской портретной живописи последней трети XVIII в., но совершенно не характерно для творчества Смита, и этим уже уникально. Известно, что художник часто путешествовал, и можно предположить, что он входил в окружение английского посла Гамильтона – знаменитого коллекционера и мецената, либо прибыл в Неаполь в свите адмирала Нельсона, и поэтому вполне мог написать портрет своего знаменитого соотечественника. Неверное расположение на мундире ленты и звезды, конечно немыслимо для Павловского времени (на портрете лента на правом плече, звезда – слева, а по статуту ордена Св. Анны, утвержденному Императором в 1797 г., полагалось носить ленту на левом плече, а звезду справа), но вполне объяснимо, если учесть, что портрет написан далеко от России, в Неаполе, и изменения внесены, возможно, по воле художника для лучшего ракурса, кроме того, речь идет о новом ордене, правила ношения которого, могли быть еще не выучены досконально.

Также нужно отметить, что произведение не могло быть написано после возвращения Белли из Италии. В этом случае он был бы изображен уже без парика и в новой форме, введенной Императором Александром I и существенно отличающейся от Павловской. Портрет, скорее всего был написан не ранее ноября 1799 г. (так как реляция Ф.Ф. Ушакова шла в Петербург около двух месяцев, и ответный Императорский Указ о награждении вместе с присланными орденскими регалиями столько же), и не позднее 5 ноября 1800 г., когда Белли был награжден пышным неаполитанским орденом с большой короной и фигурой Св. Фердинанда Кастильского, носившимся на красно-синей ленте на шее и наверняка запечатленным бы на портрете [5].

Отсутствие же на мундире российских орденов Св. Владимира IV степени и Св. Иоанна Иерусалимского, которыми Белли был награжден ранее, объясняется тем, что на портрете он в полном парадном облачении кавалера ордена Св. Анны I степени, о чем кроме ленты с орденом и звезды, свидетельствует красная бархатная епанча, романтически небрежно наброшенная на плечи. В этом случае, согласно статуту, другие ордена не полагались. Вероятнее всего, пор-

трет был написан сразу же после получения Указа и орденских регалий, то есть в конце 1799 г.

Чтобы убедиться в авторстве Смита, требуется комплексная научно-технологическая экспертиза, а пока новая атрибуция может выглядеть следующим образом:

«Джон Рафаэль Смит (?).

Портрет капитана 2-го ранга Григория Григорьевича Белли, кавалера ордена Св. Анны I степени. 1799 г.»

Учитывая то, что портрет имеет эрмитажный инвентарный номер – ГЭ 5128, в Эрмитаж он поступил где-то между 1919–1921 гг., скорее всего через Коллегию по делам музеев и охраны памятников искусства и старины или Государственный музейный фонд (ГМФ).

В начале 1919 года чекистами были проведены аресты некоторых петроградских антикваров (в их числе и весьма известных – А.К. Рудановского, Л.Л. Аронсона, Б.Я. Мильмана, А.Н. Морозова), а их магазины конфискованы. «Ввиду невыполнения декрета об обязательной регистрации» эти магазины были опечатаны, а все содержимое, согласно тому же декрету, было изъято и определено «на временный учет», то есть, по существу, перешло в собственность государства [6]. Возможно, что портрет Г.Г. Белли входил в одну из этих антикварных коллекций.

Весьма символично, что после всех перипетий, портрет оказался на Юге страны, где во время рождения российского Черноморского флота, начиналась и проходила боевая деятельность Григория Григорьевича Белли – одного из забытых героев той удивительной эпохи.

Примечания

1. Адмирал Ушаков (документы). М., 1956. Т. 3. С. 15,16, 30, 38–43, 72, 84–88, 90, 91, 117, 118, 488; Веселаго Ф.Ф. Краткая история русского флота. М., 1939. С. 182, 183; Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 4. С. 449, 450; Русский Биографический словарь. СПб., 1900. Т. 11. С. 681, 682; Тарле Е.В. Адмирал Ушаков на Средиземном море (1798–1800 гг.). М., 1948. С. 164–176; Тарле Е.В. Три экспедиции русского флота. М., 1956. С. 243–253.

2. Искусство Западной Европы. ККХМ им. Ф.А. Коваленко. Каталог. М., 2006. С. 89.

3. Доценко В.Д., Гетманец Г.М. Русский морской мундир, 1696 – 1917. СПб., 2008. С. 91.

4. Дукельская Л.А. Английская гравюра XVIII в. Каталог. Гос. Эрмитаж. Л., 1963. С. 28.

5. Спасский И.Г. Иностранные и русские ордена до 1917 г. Л., 1963. С. 59. Таблица XV (2).

6. Толмацкий В.А., Скурлов В.В., Иванов А.Н. Антикварно-художественный рынок Петербурга. СПб., 2000. С. 230, 234.

*В.В. Бондарь, Б.Е. Фролов
(г. Краснодар, Россия)*

О соотношении основания Екатеринодара с именем А.В. Суворова

Более десятилетия Мариинский бульвар в Краснодаре украшает памятник непобедимому Александру Васильевичу Суворову – монументальная скульптурная композиция, созданная по проекту Алана Петровича Корнаева. Сейчас уже мало кто вспомнит, что изначально на постаменте памятника, установленного 12 ноября 2004 года, помещалась надпись «Александр Суворов – основатель Екатеринодара». Как сообщалось на региональном информационном портале «ЮГА», скульптор «хотел, чтобы памятник великому полководцу олицетворял в первую очередь не военачальника, а государственного деятеля, чья роль в основании и развитии (выделено нами – В.Б., Б.Ф.) Екатеринодара неоспорима» [1].

Однако нашлись те, кто роль графа Суворова-Рымникского в основании главного города черноморских казаков оспорил, и ко дню открытия памятника 24 ноября 2004 года, в день рождения полководца, на постаменте уже помещалась бронзовая плита с надписью «Александр Васильевич Суворов» [2]. На том же портале «ЮГА» разъяснялось, что замена было произведена «после протеста краснодарских историков» [3]. Действительно, несколько ученых-историков и музейных работников, в числе которых были и авторы этой статьи, выступили за изменение посвяtitельной надписи на монумент-

те, считая убеждение о причастности А.В. Суворова к основанию (возникновению) Екатеринодара необоснованным.

Однако, претензия на «отцовство» великого Суворова – не вина скульптора. Эту точку зрения активно пропагандировали любители старины, журналисты и даже некоторые профессиональные историки. Свою позицию сторонники обозначенной версии отправной точки екатеринодарской истории отстаивали безапелляционно, а отдельные – весьма агрессивно, не обращая внимания на отсутствие достоверных документальных свидетельств. Лидером «суворовцев», безусловно, был замечательный кубанский краевед В.А. Соловьев. Уже в первой своей фундаментальной работе «Суворов на Кубани» он заявил, что разрешение на постройку войскового града Екатеринодара «дал сам Суворов» [4]. Позже Виктор Александрович несколько скорректировал свою точку зрения: «Письменного ответа полководца история нам не сохранила, но известно, что он 16 июля 1793 года посетил Тамань, где строилась Фанагорийская крепость, и имел длительную беседу с А.А. Головатым. Видимо, тогда он и дал устное разрешение на строительство города и селений» [5].

Как ни странно, В.А. Соловьева поддержали профессиональные историки Г.Т. Чучмай, Г.Н. Шевченко, В.А. Жадан и некоторые краеведы [6]. Создается впечатление, что имя непобедимого полководца загнипотизировало исследователей: иначе невозможно всерьез воспринимать факт беседы А.В. Суворова с войсковым судьей Черноморского войска А.А. Головатым в качестве разрешения на основание главного города. Кто хоть немного знаком с иерархической машиной екатерининского времени, тот не может принять столь наивного убеждения. Тем не менее, после указанных газетных публикаций предположение В.А. Соловьева воспринималось как научно обоснованный факт, было с легкостью подхвачено журналистами и бытует по сей день [7].

Между тем, «привязка» факта основания Екатеринодара к имени А.В. Суворова опирается на один лишь документ – письмо Таврического вице-губернатора К.И. Габлица от 17 июня 1793 года в войсковое правительство. Предыстория этого документа такова. Весной 1793 г. переселенческая партия казаков под командой кошевого атамана З.А. Чепеги двинулась

от строившейся Александровской (Усть-Лабинской) крепости вниз по Кубани, расставляя через определенные промежутки кордонные посты и подыскивая место для «войсковой резиденции» – главного войскового города. 9 июня 1793 года Войсковое правительство направило Таврическому губернатору С.С. Жегулину рапорт с просьбой «учинить резолюцию» об устройстве селений «по-над рекой Кубаном, начиная от устья ее до Усть-Лабинской линии, между коими повыше Казачьего ерика верст за пятьдесят и главный войсковой град...» [8].

25 июня войсковое правительство получило упомянутый выше ответ, подписанный вице-губернатором, очевидно, в отсутствие губернатора, датированный 17 июня: «По представлению одного черноморского правительства о построении по-над рекой Кубани (так в тексте – В.Б., Б.Ф.) главного воинского города и селений... Его Сиятельству Господину Генерал-Аншефу и Кавалеру Графу Александру Васильевичу Суворову-Рымникскому на разрешение от меня представлено» [9].

Можно лишь предполагать, что Карл Иванович Габлиц – известный ученый-энциклопедист, географ, путешественник, выдающийся естествоиспытатель, член-корреспондент (позже – почетный член) Петербургской академии наук [10], проявляя особую осторожность в административном деле, не решился взять на себя ответственность в решении столь важного и необычного вопроса, как основание города. Он обратился к А.В. Суворову, назначенному рескриптом Екатерины Великой от 10 ноября 1792 г. «командующим войсками, расположенными в Екатеринославском наместничестве, Таврической области, Брацлавской губернии и во вновь приобретенных территориях, в которых ему поручено производство крепостных строений» [11], видимо, потому, что Черноморское войско, согласно Высочайшей грамоте от 30 июня 1792 года, было отнесено к Таврической области.

В любом случае, ответ А.В. Суворова историкам не известен. И вряд ли таковой будет найден: он обязательно сохранился бы, благодаря громоздкой канцелярской системе того времени, подразумевавшей обязательное дублирование основного документа на всех этапах его прохождения.

Мы солидарны с мнением известного дореволюционного историка П.П. Короленко, считавшего, что от А.В. Суворова «никакого ответа по этому вопросу не последовало, да, в сущ-

ности, и не требовалось, так как полномостным хозяином Кубанской земли в данном случае являлось Черноморское войско» [12]. Это мнение согласуется с положениями разъяснительной записки Управляющего министерством юстиции Российской империи, составленной для министерства внутренних дел через столетие после водворения казаков на Кубани: Черноморскому войску «присваивалось значение самостоятельного субъекта поземельной собственности» Жалованной грамотой Екатерины Великой от 30 июня 1792 года [13].

Примечательно, что еще 13 июля 1792 года на прощальной аудиенции Екатерины Великой войсковой судья А.А. Головатый обещал Императрице: «Мы воздвигнем грады (выделено нами – В.Б., Б.Ф.), населим села, сохраним безопасность пределов...» [14].

Помимо косвенных свидетельств, существуют источники, напрямую доказывающие непричастность А.В.Суворова к основанию главного города черноморских казаков.

7 марта 1794 года кошевой атаман З.А. Чепега сообщил войсковому правительству о необходимости «построения в войсковом граде Екатеринодаре замка (то есть крепости – В.Б., Б.Ф.) подобающим порядком и в нем куреней сорок...» [15]. Войсковое правительство 11 марта 1794 г. отправило Таврическому губернатору рапорт, в котором просило прислать межевщика «для разбивки к порядочному заселению города Екатеринодара».

Но рапорт черноморцев – вот фатальное невезение! – вновь попал в руки архи-осторожного вице-губернатора Габлица, который 22 марта ответил войсковому правительству, что не имеет «от высшего начальства апробации (то есть разрешения – В.Б., Б.Ф.) о Екатеринодаре» [16].

1 апреля состоялось заседание войскового правительства, где позиция К.И. Габлица, явствующая из его письма, была изложена следующим образом: «Он не имеет от высшего начальства апробации, должен ли быть Екатеринодар на том самом месте, где теперь сим правительством избран, ни о других тут нужных строениях – то нет ли такового у правительства или атамана повеления; списав оное прислать ему» [17].

То есть вице-губернатор Габлиц однозначно сообщал, что никакого повеления (предписания, разрешения и т.п.)

А.В.Суворова об основании города у него, Габлица, нет, и о никаких сведениях о таком документе он не располагает.

Окончательно версия о причастности А.В. Суворова к основанию главного города черноморских казаков рушится при знакомстве с ответами войскового правительства на приведенный выше запрос Таврического вице-губернатора: если рапортом от 1 апреля 1794 г. казаки сообщали, что о городе Екатеринодаре «никакого повеления от высшего начальства в получении не было», то в рапорте, отправленном 22 апреля, сказано ещё более конкретно – город построен «на основании второго пункта Высочайшей грамоты в 30-й день июня 1792 года войску Черноморскому Всемилоштивейше пожалованной» [18].

Подводя итог, констатируем: первоисточники (кстати, большей частью уже опубликованные) не дают никаких оснований заявлять о причастности А.В. Суворова к основанию (возникновению) Екатеринодара.

Примечания

1. URL: <http://www.yuga.ru/news/42808/>. Дата обращения: 22.06.2014.

2. Примечательно, что решение «О сооружении памятника А.В.Суворову в г. Краснодаре» было принято Городской Думой Краснодара 25 ноября 2004 г. – на следующий день после открытия монумента. См.: URL: <http://base.consultant.ru/regbase/cgi/online.cgi?req=doc;base=RLAW177;n=20114>. Дата обращения: 14.01.2015.

3. URL: <http://www.yuga.ru/news/43284/>. Дата обращения: 22.06.2014.

4. Соловьев В.А. Суворов на Кубани. Краснодар, 1992. С. 113.

5. Соловьев В.А. Место сыскал под войсковой град // Екатеринодар. 1993. № 1. С. 4.

6. См.: Чучмай Г.Т. Рождение Екатеринодара // Вольная Кубань. 1993. 29 сентября; Шевченко Г.Н. Праздник, не имеющий даты // Краснодарские известия. 1993. 2 октября; Жадан В.А. Так когда же основан Краснодар? // Вольная Кубань. 1996. 18 сентября; Хорошенко Е.В. Суворов. К Екатеринодару причастен! URL: <http://bolshoy-beysug.ru/home/istoriya/325-ekaterinodaruprichasten.html>. Дата обращения: 22.02.2015.

7. См., напр.: Крылов И. Памятник генералиссимусу Суворову украсил «Аллею воинской славы» в Краснодаре. Информационный портал фонда «Русский мир». 21.12.2011. URL: <http://www.ruskiymir.ru/news/5622>. Дата обращения: 24.12.2014.

8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Фонд 249. Описание 1. Дело 239. Лист 13; Дмитренко И.И. Сборник исторических материалов по истории Кубанского казачьего войска. Т.3. СПб., 1896. С. 626.

9. ГАКК. Ф. 249. Оп. 1. Д. 239. Л. 20.

10. См. подробнее: Габлиц Карл–Людовик Иванович // Брокгауз и Ефрон: Энциклопедический словарь. Т. 14. СПб., 1892. С. 753.

11. См.: «И место сыскал под войсковой град...»: К 200-летию Краснодара / Сост. Мирошниченко О.В., Пурас Л.М. // Кубанский краевед. Краснодар, 1989. С. 165; URL: <http://www.istmira.com/istnovvr/personalnyj-sostav-administrativnogo-apparata-novo/page/173/> Дата обращения: 12.07.2015.

12. Короленко П.П. Город Екатеринодар // Кубанские областные ведомости. 1895. 20 апреля.

13. РГИА. Ф. 1287. Оп. 40. Д. 2257. Л. 66.

14. См.: Короленко П.П. Черноморцы за Бугом. Екатеринодар, 1867. Примечание 23.

15. ГАКК. Ф. 250. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

16. Там же. Л. 4.

17. ГАКК.Ф.250. Оп.1. Д. 20. Л. 16 об.

18. ГАКК.Ф.250. Оп.1. Д. 5. Л. 6, Д. 20. Л. 16 об.

*В.И. Шкуро
(г. Краснодар, Россия)*

Имя А.В. Суворова в памяти народов Кубани

Как известно, Александр Васильевич Суворов во многом определял историю Кубанского края в последней четверти XVIII века, а увековечение его имени на карте края началось спустя полвека.

Из XIX века до наших дней сохранились названия кубанской станицы Суворовская (ныне в составе Карачаево-

Черкесской республики) и черкесского посёлка Суворовский (ныне в составе Анапского района Краснодарского края). Знакомство с историей этих поселений показывает, что местные жители, похоже, бессознательно старались при защите Отечества быть достойными этого великого полководца. Так, 22 ноября 1990 г. адыгейский учёный Пшимаф Аутлев в краевой газете «Человек труда» писал: «... Недалеко от аула Тахтамукай расположен аул Натухай, адыгские жители которого – потомки природных натухаев, в 1866–1924 годах населявшие аул Суворово-Черкесский в Славянском отделе Кубанской области. В течение почти 60 лет они себя называли суворовцами!».

Потомки казаков станицы Суворовской на собранные миром деньги в 2007 г. ротапринтным способом переиздали «Историю Хопёрского казачьего полка» В.Г. Толстова – в состав этого полка входила их станица. В 2014 году в центре Суворовской благодарные потомки установили камень, на котором высечены имена более полутора сотен героев-станичников – Георгиевских кавалеров.

Поздней осенью 1825 г. большая часть жителей станицы Ставропольской Хопёрского полка стала переселяться в новую станицу при реке Кубани, названной поначалу Карантинной. Переселение затянулось до осени 1827 г., когда был собран последний урожай. Разобрали и перенесли в новую станицу и свой деревянный Храм Божий. Уже на новом месте станицу назвали Суворовской.

Царствование в России Императрицы Екатерины II Великой ознаменовалось возвращением в состав Российского государства южных и западных русских земель. В екатерининскую эпоху Российская Императорская армия выдвинула из своих рядов целую плеяду выдающихся полководцев, в числе которых особенно блестящим военачальником считался Александр Васильевич Суворов.

Для поощрения таких «военных самородков» 26 ноября 1769 года в России был учреждён Военный Орден, в просторечье называемый «наградой героев» или «статутным орденом». Он вручался только за личное мужество или полководческое искусство на поле боя и имел четыре класса, позже переименованные в степени. Ни один «паркетный генерал»

или штатский чиновник получить этот орден не мог. Получить орден низшего IV-го класса Александр Васильевич не мог, так как чином перерос статутные требования.

Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия III-го класса генерал-майор А.В. Суворов получил 19 августа 1771 года «За храбрость и мужественные подвиги, оказанные 1770 и 1771 годов с вверенным ему detaшаментам противу польских возмутителей, когда он благоразумными распоряжениями в случившихся сражениях, поражая везде их партии, одержал над ними победы».

Военного ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия 2-й степени Георгиевская Кавалерская Дума удостоила генерал-майора А.В. Суворова во время 1-й Русско-турецкой войны 30 июля 1773 года «За произведённое храброе и мужественное дело с вверенным его руководству detaшаментам при атаке Туртукая».

Высшей же, 1-й степени, генерал-аншеф, начальник дивизии, граф Александр Васильевич Суворов-Рымникский был удостоен во время 2-й Русско-турецкой войны 18 октября 1789 года «Во Всемилостивейшем на особое усердие, которым долговременная его служба была сопровождается, рдение и точность предложений главного начальства, неутомимость в трудах, предприимчивость, превосходное искусство и отличное мужество во всяком случае, наипаче же при атаке многочисленных турецких сил, верховным визирем предводимыми в 11-й день сентября на реке Рымник оказанное, где он с войсками Российскими и с корпусом союзника России, Его Величества Императора Римского, под командою принца Саксен-Кобургского находящихся, совершенную над неприятелем одержал победу». Он был шестым полководцем, награждённым орденом Святого Георгия 1-й степени, после П.А. Румянцева-Задунайского, А.Г. Орлова-Чесменского, П.И. Панина, В.М. Долгорукова-Крымского и Г.А. Потёмкина-Таврического.

13 февраля 1807 года для награждения рядовых воинов был учреждён Знак отличия Военного ордена Святого Георгия, который сразу в просторечье стали называть Георгиевским крестом. При очередном переутверждении Статута этого ордена такое название стало официальным.

Георгиевские кавалеры пользовались необыкновенным уважением во всех слоях российского общества. Русская Православная Церковь ежегодно 26 ноября организовывала праздник Георгиевских кавалеров, который включал в себя богослужение, военный парад, товарищеский обед для героев и народные гуляния. На обеде за одним столом мог оказаться и седоусый генерал (адмирал) и совсем молодой нижний чин.

Казачи Суворовской станицы в составе сборного Хопёрского полка участвовали в Русско-персидской войне (1827–1828 гг.), в том числе и взятии крепости Эривань, и Русско-турецкой войне (1828-1829 гг.). За два дня до штурма крепости Карс в Хопёрском полку появились первые Георгиевские кавалеры после переселения его на Кубань. Это – урядник Андрей Есаулов и казак Мельников. Однако, из каких они станиц в «Истории Хопёрского казачьего полка» не указывается. Из казаков станицы, о ком удалось найти сведения – это Иван Егорович Скворцов. Родился он в 1821 году. Как записано в его формулярном списке за 1854 год, «Российской грамоты читать и писать знает». Имел сына Ивана, дочерей Матрону и Евгению. Георгиевский крест под № 88002 получил 11 апреля 1850 года.

Урядник Конно-артиллерийской казачьей батареи № 14 Тимофей Викулович Гетманов «за отличную храбрость, оказанную в деле против горцев при поражении скопищ Магомет-Амина (на реке Уруп) награждён знаком отличия Военного Ордена под № 88944». Ему тогда было 36 лет. Имел сына Ивана и дочь Елизавету.

12 марта 1828 года в семье будущего есаула Ивана Фёдоровича Лисицына родился сын Конон. Учился в частном учебном заведении. 28 декабря – 1851 года во время службы в Чечне награждён Георгиевским крестом (тогда еще без деления на степени). Во время Восточной (Крымской) войны казаки-хопёрцы находились за Кавказом, на Турецком фронте и принимали участие, в том числе и самом крупном сражении кампании 1853 года – сражении при Башкадыкляре, где разбили 36-тысячный корпус Ахмет-паши. Приказному Лисицыну К.И. за отличие в этом сражении была пожалована «вторая треть пенсии на знак отличия Военного Ордена (тогда ещё при совершении подвига

достойного Георгиевского креста повторно, просто удваивалось жалованье, положенное за такой крест). 12 августа 1863 года за очередной подвиг Конон Иванович Лисицын был награждён золотым Георгиевским крестом 2-й степени. Первый, серебряный крест имел № 88704, а второй, золотой – № 428.

Далее будут перечислены Георгиевские кавалеры из станицы Суворовской, которые были ещё живы 3 августа 1901 года.

Дослуживший до офицерского чина хорунжего Филипп Яковлевич Фоменко получил Георгиевский крест 4-й степени под № 97187 19 ноября 1853 года в сражении при Башкадыкляре.

Александр Васильевич Роимов получил Георгиевский крест 4-й степени под № 6489 в 1861 году, а 3-й степени под № 1573 – в 1864 году.

В 1862 году Георгиевский крест 4-й степени под № 17886 получил Павел Антонович Захаров, под № 12464 – Гавриил Михайлович Лисицын, под № 8588 – Иван Фёдорович Птахин.

В 1863 году Андрей Андреевич Колесников награждён Георгиевским крестом 4-й степени под № 11321 и 3-й степени под № 184, Егор Иванович Фенёв – 4-й степени под № 12466, Яков Васильевич Шамайский – 4-й степени под № 27098 и Давыд Константинович Мищенко – 4-й степени под № 18888.

В 1864 году все награждались только Георгиевскими крестами 4-й степени: Тимофей Васильевич Борисенко под № 27174, Егор Иванович Захаров под № 20900, Терентий Дмитриевич Зверяев под № 27099, Никонор Матвеевич Знаменский под № 20337, Михаил Михайлович Ильин под № 27243, Василий Авакумович Гетманов под № 48929, Гавриил Ефимович Мельников под № 20567, Михаил Иванович Остроухов под № 27097 и Пётр Павлович Павленков под № 20989.

Несколько слов следует сказать об Иване Гавриловиче Свидине. Родился он 27 марта 1843 года в станице Суворовской. 14 ноября 1834 года награждён Георгиевским крестом 4-й степени под № 27169. Два года прослужил в Кубанском конно-учебном дивизионе. После окончания Ставропольского военного казачьего училища в 1875 году произведён в хорунжие.

Во время Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.) командовал сотней во 2-м Кубанском (сборном) полку на Балканском театре военных действий, где находилась Главная квартира

Императора Александра II. По окончании которой был переведён в состав Собственного ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА конвоя. В отставку вышел в 1899 году и поселился в станице Баталпашинской – административном центре Баталпашинского отдела Кубанской области.

29 января 1917 года последний наказный атаман Кубанского казачьего войска генерал от инфантерии Михаил Павлович Бабыч оповестил кубанцев в приказе по войску: «Государь Император в 9-й день сего января Всемилоостивейше соизволил предоставить бывшему старосте Николаевского собора в станице Баталпашинской, полковнику в отставке СВИДИНУ, – звание почётного старика Баталпашинской станицы вверенного мне войска».

И в дальнейшем судьба его хранила. Умер он 18 августа 1928 года в станице Баталпашинской (ныне город Черкесск).

Удалось проследить участие казаков станицы Суворовской в отдельных сражениях Русско-турецкой войны (1877–1878 гг.). Так, трубач 2-го Хопёрского полка Василий Иванович Гетманов Георгиевский крест 4 степени под № 74728 получал в сражении 4 октября 1877 года. Казак того же полка Никита Филиппович Дуньков крест той же степени под № 50541 – 8 сентября 1877 года. Урядник 1-го Хопёрского полка Казьма Алексеевич Жуков – под № 56387 31 октября 1877 года, урядник того же полка Степан Петрович Жуков – № 61664 того же числа. Того же полка приказный Дорофей Никонорович Знаменский – под № 50817 за отличие в сражении 31 октября, 1 и 2 ноября 1877 года,. Урядник 2-го Хопёрского полка Григорий Васильевич Ильин – 4-й степени под № 61270 «за отличие под Даяром 09-го июня» 1877 года и 3-й степени под № 5245 «за отличие в разновременных делах с турками в течение лета и осени 1877 года». Урядник того же полка Алексей Михайлович Лисицын – 4-й степени под № 36576 «за отличие в делах с турками в апреле, мае и июне 1877года».

Урядник того же полка Иван Ефимович Лисицын – 4-й степени под № 74668, казак того же полка Михаил Андреевич Мироненко – 4-й степени под № 74690 9 июня 1877 года. Казак 1-го Хопёрского полка Иван Петрович Михайлов – 4-й степени под № 56419 – 31 октября 1877 года, казак 2-го Хопёрского полка Афанасий Алексеевич Морозов – 4-й степени под № 36383 «за

отличие в делах с турками в апреле, мае и июне 1877 года», казак того же полка Григорий Харитонович Христосов (Христус) – 4-й степени под № 36257 и приказный того же полка Василий Григорьевич Цуркин – 4-й степени № 74612 9 июля 1877 года.

О дюжине казаков-суворовцев известно только, что они награждены в 1877 году: Никита Иванович Жуков Георгиевским крестом 4-й степени № 37268, Тимофей Иванович Жуков – № 74664, Яков Кононович Лисицын – 4-й степени № 43289 и 3-й степени № 5243, Мануил Степанович Мельников – 4-й степени № 49025, Гавриил Константинович Михайлов – 4-й степени № 62980, Семён Павлович Павленков – 4-й степени № 81255, Григорий Прокофьевич Рыбасов – 4-й степени № 50534, Михаил Григорьевич Ряднин – 4-й степени № 51030 и Антон Антонович Семёнов – 4-й степени № 42411 «за отличие против турок при взятии Сухума».

Несколько слов о судьбе одного из героев той войны Иване Фёдоровиче Сиволобове. Как известно, Эриванский отряд Кавказского корпуса наступал на главном направлении на Карс. Заняв провинциальный городок Баязет, войска оставили в нём гарнизон и 10 мая 1877 года ушли дальше. В составе гарнизона были и три сотни из разных кубанских полков. Всё шло нормально, но 6 июня окрестности Баязета окружила масса турецких войск. Гарнизон укрылся в цитадели – каменном замке на территории города. Все попытки штурма защитники отбивали. Но в цитадели почти не было продовольствия, вдобавок турки отвели в сторону русло ручья, который протекал через замок. Были отправлены вслед армии добровольцы, но помощи не было. В ночь на 23 июня по тылам противника в сторону государственной границы отправились ещё три добровольца во главе с Сиволобовым. Им удалось дойти до местечка Игдырь, где они раньше служили на границе. 13 июля 1877 года в приказе по Кавказскому военному округу было объявлено, что старший урядник 2-го Хопёрского полка Иван Сиволобов награждён Георгиевским крестом 1-й степени под № 8. Необычность здесь в том, что по статуту ордена, награждение производится последовательно, начиная с 4-й степени. Крест 4-й степени под № 56372 он получил в начале и сразу прыжок через две степени. Так высоко оценили подвиг этого урядника. «Высочайшим приказом, состоявшимся 15 августа

(1879 года) утверждено производство урядника бывшего 2-го Хопёрского полка Ивана Сиволобова, за отличие против турок, чин хорунжего». Таким же приказом 12 февраля 1900 года он уволен от службы с мундиром и пенсией в чине есаула.

В Русско-японской войне 1904–1905 гг. принимал участие 12-й Кубанский пластунский батальон, укомплектованный казаками льготного состава Баталпашинского и Лабинского отделов. Списки награждённых есть, но станичная принадлежность казаков пока не установлена.

В период Первой мировой войны казаки служили в составе 1-го, 2-го, 3-го Хопёрских и Ставропольском (4-м Сводно-Кубанском) конных полках; 6-м, 12-м, 18-м и 24-м Кубанских пластунских батальонах; Императорском конвое, Варшавском гвардейском дивизионе, артиллерии, Особых Кубанских конных сотнях и в других воинских частях. Имеются сотни наградений, но, пожалуй, принадлежность большей части казаков к станицам не установлена. Многих приказов о награждениях в Государственном архиве нет, другие выцвели. Поэтому говорить о количестве награждённых можно только условно, всё же некоторых можно упомянуть.

6 августа 1888 года в станице Суворовской родился Русанов Максим Прокофьевич. Службу начал казаком 1 апреля 1906 года. Великую войну начал в составе 6-го Кубанского пластунского батальона. В нём же стал и полным Георгиевским кавалером. «Произведён в прапорщики на смотре в городе Севастополе Его Императорским ВЕЛИЧЕСТВОМ Николаем Александровичем – 17 апреля 1915 года». С 1 мая 1918 года в партизанском отряде полковника А.Г. Шкуро.

23 апреля 1886 года в той же станице родился Ткачёв Георгий Михайлович. Действительную службу проходил в том же 6-м Кубанском пластунском батальоне. На Кавказский фронт прибыл в составе льготного 12-го Кубанского пластунского батальона. При возвращении с фронта арестован 10 января 1918 года. Вступил в офицерскую сотню в станице Баталпашинской, после разгрома которой, скрывался в лесах. 10 июня 1918 года вступил в партизанский отряд полковника А.Г. Шкуро.

Воевал в составе 1-го Хопёрского полка старший урядник Лаврентий Свидин. В местном архиве есть сведения о

награждении его серебряным Георгиевским крестом 4-й степени № 142726 и золотым Георгиевским крестом 2-й степени под № 3508. Уроженка станицы Суворовской и местный краевед Тамара Михайловна Лобова уверяет, что он был полным Георгиевским кавалером, вернулся с фронта, высылался с семьёй в 20-е годы XX века.

3 октября 1887 года в станице Суворовской родился Пётр Стефанович Барышников. В 1910 году он переселился на дополнительный надел станицы в Екатеринодарском отделе – хутор Новосуворовский (в советское время объединён со станицей Выселки). Воевал в составе 3-го Екатеринодарского полка. Стал полным Георгиевским кавалером. Вот выписка из приказа № 199 по XXIV-му армейскому корпусу: «9. ст. урядник Пётр Степанович Барышников, 1-й степени за № 4158. Вызвался охотником на весьма опасное предприятие – добыть языка с укрепленной позиции противника и, будучи назначен начальником партии охотников, выполнил успешно это предприятие. Напав на каменный дом у шоссе, занятый заставой противника, он выбил противника оттуда, заставив его бежать в свои окопы, находящиеся поблизости, причём руководимая им партия убила трёх австрийцев, а одного взяла в плен, который и был доставлен в качестве языка. Дата подвига 24-е марта 1915 года».

18 января 1887 года в станице родился Михаил Алексеевич Скворцов в семье потомственных дворян. Окончил Московский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище. Службу начал хорунжим, 14 июня 1907 года. С 4 июня 1911 года по 22 июня 1918 года в Собственном Его Императорского ВЕЛИЧЕСТВА конвое (25 апреля 1917 года Кубанские сотни конвоя были переименованы в Кубанский казачий гвардейский дивизион). 22 июня 1916 года удостоен Георгиевского оружия (Золотой шашки с надписью «За храбрость»). С 1918 года в Кубанской армии. Последняя должность – командующий 2-м Кубанским конным корпусом в чине генерал-майора. В эмиграции – в Югославии, после Второй Мировой войны – в США. Умер 19 апреля 1967 года в Голливуде.

Основание ныне находящегося в Анапском районе Суворово-Черкесского посёлка складывалось несколько иначе. Из

научных и краеведческих публикаций можно усмотреть три основных момента: посёлок основан всадниками Анапского конно-иррегулярного полуэскадрона, всадники селились на месте Суворовской станицы и посёлок основан в 1866 году.

По Адрианопольскому мирному договору 2 сентября 1829 года турецкая крепость Анапа и Восточный берег Чёрного моря от устья реки Кубани (Джигинское русло) до земель Абхазии вошли в состав Российской Империи. Из вольных натухайцев была создана Анапская туземная команда, которая в 1841 году была преобразована в полуэскадрон. Суворовская станица была основана в 1843 году, а во время Крымской войны (1853–1856 гг.) её жители, как и жители всех закубанских станиц были расселены по линейным станицам на Верхней Кубани. Из годового отчёта Кубанского казачьего атамана мы узнаём, что в 1865 году в Суворовском туземном посёлке проживало 173 души мужского пола и 183 женского пола. Об этом свидетельствует донесение Кубанского наказного атамана в Штаб Кавказского Военного округа от 12 апреля 1870 года, в котором сообщается, что Кубанская межевая комиссия наделила 177 бывших всадников участками по 10 десятин, 8 офицеров в зависимости от чина участками от 200 до 1000 десятин и 49,5 десятин отмежёвано для духовенства. Поселение же семей всадников, скорее всего, началось сразу после вывоза русского населения, когда были целы дома с хозяйственными постройками, целы были колодцы, сады и огороды.

5 июля 1867 года жителям Суворовского посёлка было предложено переселиться в аулы своих соплеменников или остаться на прежнем месте. Жители выбрали второе.

Списки первопоселенцев Суворовского посёлка автору найти не удалось. Но ясно, что это были преданные России люди. В биографиях многих Георгиевских кавалеров из горцев просто сообщается, что они проживали в Кубанской области. В послужном списке штаб-ротмистра Исмаила Улагая записано, что он назначен Заведующим Суворовским посёлком 15 марта 1868 года. Из первостепенных узденей. Родился в 1827 году. С 7 сентября 1848 года по 8 марта 1853 года служил в Кавказском горском полуэскадроне Собственного Его Величества конвоя.

В послужном списке другого представителя этого рода — майора Исляма Улагая (на 1 августа 1871 года) и Георгия Викторовича Улагая (на 1877 год) записано, что он родился в 1835 году в семье поручика Российской армии. 17 декабря 1851 года он был награждён Георгиевским крестом для мусульман установленным 4-й степени под № 457. Во время Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., в чине майора командовал батальоном на Балканах и был убит 22 ноября 1877 года. Его сын Сергей Георгиевич Улагай — известный кубанский военачальник был принят в казаки станицы Ключевой (ныне город Горячий Ключ) и во время Первой мировой войны был награждён обеими Георгиевскими наградами: орденом Святого Георгия (17 января 1917 года) и Георгиевским оружием (13 января 1917 года).

Надо отметить, что многие представители горских народов, особенно из элитных родов, посылали своих детей учиться в военные учебные заведения Российской Империи, и они добросовестно служили в Российской армии. Рядовые же горцы служили добровольцами. Так первым черкесом, побывавшим в Париже, во время Отечественной войны 1812 года, был Пшекуй Довлет-Гиреевич Могуков. Впоследствии он дослужился до чина генерал-майора и удостоился Георгиевского оружия.

17 января 1826 года орденом Святого Георгия 4-й степени был награждён Бекович-Черкасский Темирбулат Каспулатович (Фёдор Александрович), служивший в станице Ладожской, «За храбрость и благоразумные распоряжения, оказанные им в деле 18-го июля (1825 года) при нападении закубанцев на провиантский транспорт, который следовал из крепости Усть-Лабинской в отряд под начальством генерал-майора Вельяминова.

Во время Русско-персидской войны 1826–1828 гг., будущий полковник Султан Хан-Гирей во время сражения 8 июля 1827 года за рекой Аракс был награжден Георгиевским крестом под № 46270.

Магмет Шеретлук-Оглу 19 августа 1829 года был удостоен Георгиевского креста под № 58237. Кстати, он был участником осады и взятия штурмом крепости Анапа 12 июня 1828 года.

Султан Казы-Гирей, служивший на Русско-прусской границе, во время польского восстания был награжден в ноябре 1831 года Золотой медалью с надписью «За храбрость» на

Георгиевской ленте, а во время Крымской войны – Георгиевским оружием «Золотой шашкой с надписью «За храбрость».

Много наших солдат-черкесов были награждены Георгиевскими наградами во время Крымской (1853-1856 гг.), Русско-турецкой (1877-1878 гг.), Русско-японской (1904-1905 гг.) и особенно во время Первой мировой войны (1914-1918 гг.). Подполковник из 21-й артиллерийской бригады Мурат-Гирей Тлехас 17 апреля 1915 года получил орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени, а 24 января 1917 года – Георгиевское оружие.

Георгиевское оружие получили: прапорщик Черкесского конного полка Магомет-Рауф Агиров 2 сентября 1917 года, прапорщик Черкесского конного полка Ажегоев Пшимаф Челеметович 2 сентября 1917 года, прапорщик Черкесского конного полка Гирей Султан-Баязет 2 сентября 1917 года, прапорщик Магомет-Гирей Крымшамхалов из Черкесского конного полка – 28 августа 1916 года (он же получил и орден Святого Георгия 4-й степени 9 октября 1917 года), корнет Черкесского конного полка Сеид-Бей Крымшамхалов – 14 октября 1917 года, прапорщик Черкесского конного полка Байзет-Гирей Шаханович Султан – 2 сентября 1917 года. Последний начинал службу он простым всадником во 2-й сотне Черкесского полка Кавказской Туземной конной дивизии, награждался Георгиевскими крестами 4-й степени, 3-й степени под № 44643, 2-й степени и 1-й степени под № 11734.

Черкесский конный полк после возвращения с фронта остался верен присяге и принимал участие в кровопролитном бою 27 февраля 1918 года с красногвардейскими отрядами Новороссийской Красной армии.

Среди уцелевших в бою упоминаются прапорщик Султан Баязет-Гирей, как тяжело раненый в плечо, а прапорщик Ажигоев Пшимаф Челеметович, как произведенный в корнеты приказом по Войскам Кубанской области.

Примечания

1. *Шебанов В.М.* Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920. М., 2004.

2. *Гизетти А.Л.* Сборник сведений о Георгиевских кавалерах и боевых знаков отличий Кавказских войск. Тифлис, 1901.

3. Белое движение. Энциклопедия Гражданской войны / Под редакцией С.В. Волкова. СПб., 2002.

4. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI – начало XX в. Биографический справочник. Нальчик, 2006.

5. Опрышко О.Л. Кавказская конная дивизия. 1914-1917. Нальчик, 2012.

6. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396 (Войсковой штаб Кубанского казачьего войска).

7. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1914–1918 гг.

*Е.К. Геращенко
(г. Краснодар, Россия)*

От рядового до коменданта крепости:

Иван Давыдович Старк

В нашей семье хранится рукопись дедушкиного брата Владимира Владимировича Штейпа (1886–1972) «Сага о Старках», отпечатанная на пишущей машинке в 1972 году. Это комментарии к составленному им родословному древу Старков, где Владимир Владимирович поведал также о тех Старках, которые принимали участие в сборе данных о своем роде. По сведениям В.В. Штейпа вопросом родословной интересовался отец его жены Инны Карловны Старк (1884–1969) Карл Александрович (1846–1883). В его распоряжении была родословная шведских Старков, охватывающая период с 1513 по 1878 год.

После смерти К.А. Старка эти заметки и материалы остались у его сына Георгия Карловича (1878–1950), продолжившего изыскания. Живя в эмиграции в Париже, он через газеты связался с американскими Старками. Тогда отозвалось два человека: один – инженер, другой – бизнесмен. Они сообщили, что в 50-х годах XVIII столетия их предки эмигрировали из Глазго в США. Тогда большая группа из Шотландского клана Старков, зафрахтовав парусную шхуну, отплыла по воле ветра в дальний путь. При этом шхуна заходила в попутные балтийские порты, побывав и

на Аландских островах. Во время стоянок некоторые из членов группы оседали и отставали от остальных путешественников.

В дальнейшем бумаги Георгия Карловича попали в руки его сына Бориса (1909–1996), живо интересующегося происхождением рода. От него-то и получил материалы о Старках сам Владимир Владимирович Штейп. В «Саге о Старках» В.В. Штейп предполагает, что сведения о биографии представителей первых поколений Старков почерпнуты из семейных архивов, которыми обычно служили корешки библий, евангелий и поминальных книжек. В свое время отец В.В. Штейпа тоже использовал их для записи примечательных событий, рождений, свадеб, смертей. Но, к сожалению, на заре нашего государства библии и евангелия приравнивались к контрреволюции и изымались. Подобная судьба постигла и семейную библию Штейпов [1].

Как мы видим, историю своего рода Старки передавали из поколения в поколение. Собрал и обобщил материалы о Старках наш современник, пушкинист и генеалог Вадим Петрович Старк (1945–2014) в своей книге «Род Старков», вышедшей в 2012 году в Санкт-Петербурге. В своих изысканиях В.П. Старк опирался на материалы и иллюстрации из семейных архивов членов рода, государственных архивов России, Швеции и Финляндии, а также на печатные источники [2].

Благодаря этим исследованиям, потомкам стала известна судьба современника А.В. Суворова Ивана Давыдовича Старка.

Иван Давыдович Старк (6.09.1774 – 27.05.1850), представитель древнего дворянского рода, корни которого ведут в Швецию, всю свою жизнь отдал воинской службе в России, которую начал в 1782 году рядовым Измайловского полка. В мае 1792 года И.Д. Старк был переведен подпоручиком в Азовский мушкетерский полк, основанный в 1700 году и существовавший до 1918 года. За участие в Польской кампании Старк был пожалован в поручики (1.03.1795), а позже в штабс-капитаны за «отличие» (5.02.1799г.) [3].

В 1798 году Россия присоединилась к коалиции Австрии и Англии против Наполеона. В помощь союзникам Император Павел I отправил в Италию А.В. Суворова с русскими войсками, где тот одержал ряд побед [4].

В ту компании под началом А.В. Суворова воевал молодой Иван Давыдович Старк. В 1799 году в возрасте 25-ти лет он со

своим полком участвовал в Итальянском и Швейцарском походах и переходе через Альпы. Начавшийся в апреле 1799 года Итальянский поход закончился в августе 1799 года победой русско-австрийских войск при Нови и взятием крепости Тортонна. Результатом Итальянского похода стало освобождение в короткие сроки Северной Италии от французского господства [5].

В сражении при Нови, которое длилось 18 часов, И.Д. Старк был контужен картечью, но остался в строю. За свой подвиг он был пожалован Анненскою шпагою (Св. Анны 4-й степени). Орден Святой Анны являлся в то время самой распространенной боевой офицерской наградой. Он давал прибавку к жалованию и получение следующего чина [6]. Анненское оружие представляло собой табельное холодное оружие офицера или чиновника (шпага, сабля, кортик) с прикреплённым к его эфесу знаком ордена Св. Анны 4-й степени [7]. В составе Азовского полка Иван Давыдович участвовал еще в нескольких сражениях и был пожалован орденом Иоанна Иерусалимского, учрежденным Императором Павлом I в 1798 году, незадолго до описываемых событий [8].

*Знак ордена
Св. Анны 4-й степени*

Анненская шпага

Во время Итальянского и Швейцарского походов Азовский полк потерял половину своего состава [9]. Особенно тяжелым оказался переход через Альпы. Люди замерзали, срывались со скал, им приходилось тащить на себе тяжелое оружие, негде было обогреться, вьючные лошади погибали от бескормицы, падали в пропасть. С боями русские взяли считавшийся неприступным перевал Сен-Готард и Чёртов мост. Сохранились воспоминания очевидца тех событий капитана Московского гренадерского полка Грязева [10].

В тот поход Иван Давыдович Старк принимал участие в бою за Чёртов мост, у которого французы заняли выгодную позицию. Чёртов мост представлял собой узкую каменную арку без перил длиной 20 м, перекинутую через бурный поток реки Ройс на высоте 22–23 м. Другой дороги не было. Тогда суворовские солдаты вброд и по скалам обошли французов с флангов и тыла, под обстрелом починили частично разрушенный при отступлении французов мост и бросились в атаку. Неприятель под натиском русских вынужден был отступить. Переход через Альпы занял 17 дней. По высокогорным тропам было пройдено с боями около 200 км. [11]. Художник В.И. Суриков очень достоверно передал атмосферу похода в своей картине «Переход Суворова через Альпы», написанной в 1899 году к 100-летию Итальянского похода [12].

За Швейцарскую кампанию А.В. Суворов получил титул князя Итальянского и чин генералиссимуса.

Политическая ситуация в Европе изменилась и А.В. Суворова отозвали в Россию. Итальянский и Швейцарский походы подорвали силы старого полководца, и в 1800 году в возрасте 69 лет А.В. Суворов скончался [13].

Тем временем молодой офицер Иван Давыдович Старк продолжал свою службу в Азовском полку. Его военную карьеру подробно описал в своей книге «Род Старков» Вадим Петрович Старк. Наш герой служил на суше, в составе лейб-гвардии Измайловского полка, принял участие в русско-шведской войне 1789–1790 гг., в Итальянском и Швейцарском походах под командованием А.В. Суворова, будучи офицером Азовского мушкетерского полка, в переходе через Альпы и в сражении за Чёртов мост, за что был награжден орденами Св. Анны 4-й степени и Св. Иоанна Иерусалимского.

*Картина В.И. Сурикова
Переход Суворова через Альпы*

В составе того же полка участвовал в войне с наполеоновской Францией. В сражении под Аустерлицем в 1805 году заслужил орден Св. Владимира 4-й ст. с бантом. В 1806 г. участвовал в ряде сражений, удостоен «Высочайшего благоволения» и чина капитана «за отличность»(14.02.1806). В 1807 году также отличился в нескольких сражениях. За Прейсиш-Эйлау пожалован золотым крестом. За отличие под Кенигсбергом награжден золотой шпагой с надписью «За храбрость». Участник русско-шведской войны. В 1808 году при блокаде Свеаборга 16-18 мая был контужен в грудь. За это сражение И.Д. Старк был удостоен «Высочайшего благоволения» и чина майора «за отличность» и назначен батальонным командиром (29.09.1809).

С тем же полком И.Д. Старк принял участие в ледовом переходе Ботнического залива в 1809 г., после чего остался на своей исторической родине – в Финляндии – плац-майором крепости Кронеборг (г. Тавастгус, ныне Хамеенлинна). Кавалер ордена Св. Георгия 4-й ст.(1819). С 1830г. – подполковник, с 1839г. – полковник. В 1835 году получил знак беспорочной службы за 35 лет. Позднее И.Д. Старк назначается комендантом крепости в Тавастгусе, где прослужил до самой смерти в 1850 году.

На досуге Иван Давыдович с успехом занимался акварельной живописью. В Историческом музее города Хамеенлинны демонстрируется одна из его работ – «Крепость Кронеборг», в штурме которой он участвовал (1809г.) и куда по приказу Баркляя де Толли был назначен плац-майором (1834 г.). Директор музея прислала В.П. Старку выполненную с акварели открытку [14], [15], [16].

Крепость Кронеборг

Первые из Старков состояли на русской службе со второй половины XVII века. Жили они на землях под Выборгом и Турку на территории шведской Финляндии, отошедшей к России в результате Северной войны. Род Старков введен во дворянство в 1634г. Им был пожалован герб под №222 [17]. Старшая ветвь

рода пресеклась в Швеции в 1895 году. Представители младшей ветви рода, обрусев, числились дворянами Великого княжества Финляндского, а с 1818 г. уже русскими. Позднее Старки переселились в Петербург. Иван Давыдович Старк – первый из рода Старков, который получил Российское дворянство [18].

Потомки Ивана Давыдовича Старка тоже внесли свой вклад в историю России. Это исследователь Тихого океана адмирал Оскар Викторович Старк (1846–1927), чье имя носят бухта и пролив в Японском море, энтомолог Александр Александрович Старк (1849–1933), начальник пограничной стражи Черноморской береговой линии Николай Александрович Старк, (1851–1922), адмирал Георгий Карлович Старк (1878–1950), протоиерей Борис Георгиевич Старк (1909–1996), пушкинист и генеалог Вадим Петрович Старк (1945–2014).

Герб рода Старков

Некоторые из потомков Ивана Давыдовича Старка в конце XIX начале XX века жили в Сочи. Это вышеупомянутые братья Александр Александрович Старк, бывший управляющим имения Великого князя Николая Константиновича в Уч-Дере, и Николай Александрович Старк, имевший дачу в Хосте. Это их племянник Сергей Карлович Старк, получивший

должность начальника партии землемеров на Кавказском побережье и поселившийся в Сочи в 1907 году вместе с матерью и сестрой Инной Карловной Старк (в замужестве Штейп) [19].

Сохранились портреты двух старших сыновей Ивана Давыдовича Старка. Живописный портрет Николая Ивановича Старка (1811-1845), написанный знаменитым финским художником Берндтом Годенхольмом в 1844 году, хранится в национальном музее Финляндии в Хельсинки, а акварельный портрет Александра Ивановича Старка (1812–1857), написанный художником П.А. Федотовым в 1837 году, хранится в Иркутском художественном музее.

Портрет Н.И. Старка.

Портрет А.И. Старка

Все дети (шесть сыновей и две дочери) Ивана Давыдовича родились в Тавастгусе, первенцем среди которых был Николай Иванович Старк, а вторым – дед И.К. Старк, прадед В.П. Старка – Александр Иванович Старк. Оба старших сына окончили Фридрихсгамский кадетский корпус и определились в гвардию: Николай в лейб-гвардии Саперный батальон, а Александр – в лейб-гвардии Финляндский полк [20].

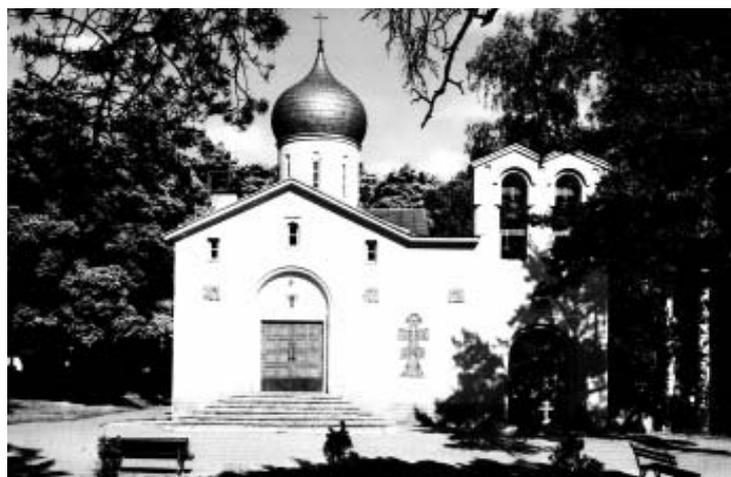
Автор первого портрета Б. Годенхольм получил художественное образование в Петербурге, где потом долгое время работал. Именно в это время был написан портрет Нильса-

Петера-Иохана Старка, опознанного благодаря исследованиям Вадима Петровича Старка, как Николай Иванович Старк. Определить персонаж на портрете из Хельсинского музея ему помогли русский мундир Гвардейского Генерального штаба, чин капитана и ордена – Св. Анны 3-й степени с бантом и персидский орден Льва и Солнца, полученные Николаем Ивановичем за добровольное участие в войне на Кавказе. Портрет Александра Ивановича Старка написан его однополчанином художником П.А. Федотовым [21],[22].

Самое интересное, что до наших дней сохранилась могила самого Ивана Давыдовича Старка в Финляндии в городе Хамеенлинне, где он многие годы нес воинскую службу. Эту могилу нашел и сфотографировал Вадим Петрович Старк, праправнук Ивана Давыдовича. В архиве В.П. Старка имеется еще ряд фотографий, сделанных в Финляндии, в том числе церковь в Хамеенлинне, при которой похоронены многие из Старков [23].

Могила И.Д.Старка. Хамеенлинна. Финляндия

Церковь в Хамеенлинне, при которой похоронены многие из рода Старков

Примечания

1. *Штейн В.В.* Сага о Старках. Рукопись.1972. С. 1–2.
2. Старк В. Род Старков. Санкт-Петербург. 2012. С. 4.
3. Там же. С. 20, 22.
4. Романовы. 300 лет служения России. М., 2006. С. 266.
5. https://ru.wikipedia.org/wiki/Суворов,_Александр_Васильевич.
6. Интернет. Битва при Нови.
7. *Балязин В.Н.* Неофициальная история России. М., 2007. С. 376.
8. <http://www.staraya-moneta.ru/shop/79/1152/>.
9. Аннинское оружие.
10. *Старк В.* Указ. соч. С. 22
11. https://ru.wikipedia.org/wiki/Азовский_45-й_пехотный_полк.
12. http://historydoc.edu.ru/catalog.asp?ob_no=13855&cat_ob_no=13056.
13. Воспоминания очевидца.
14. https://ru.wikipedia.org/wiki/Швейцарский_поход_Суворова.
15. Интернет. Бой за Чертов мост.
16. https://ru.wikipedia.org/wiki/Суриков,_Василий_Иванович
17. Интернет. О картине Сурикова.
18. http://www.hrono.info/biograf/bio_s/suvorov_av.ph
19. Интернет. Кончина Суворова.
20. *Старк В.* Указ. соч. С. 5.
21. Переписка Е.К. Геращенко и В.П. Старка.
22. *Старк В.* Портреты и лица. СПб., 1995. С. 238.
23. *Старк В.* Род Старков. С. 5.
24. Там же. С. 2.
25. *Геращенко Е.К.* Братья Старк на Кавказе // Интернет-издание «Сочинские новости. рф» 07.02.2012.
26. *Старк В.* Род Старков. С. 8, 9, 24.
27. *Старк В.* Портреты и лица. С. 236–237.
28. *Старк В.* Род Старков. С. 9.
29. *Переписка Е.К. Геращенко и В.П. Старка.*

С.А. Санеев
(г. Новороссийск, Россия)

Боевой путь Ф.Ф. Ушакова в творчестве новороссийского художника В.И. Тихоновского

Я познакомился с этим человеком на художественной выставке. С юношеским максимализмом, глядя на картину, я громко заявил своим спутникам: «А вот тут неверно». Ко мне подошел человек в свитере и как-то робко спросил: «А почему? А как правильно?». И стал внимательно слушать мои замечания. Когда я иссяк, он мягко мне возразил, а потом, достав остро отточенный карандаш, стал записывать мои замечания! И карандаш, и то, что художник воспринял мои замечания, меня сильно поразило. С этого заточенного по-штурмански карандаша и началось мое знакомство с Владимиром Ивановичем Тихоновским. Его картины соответствуют внешнему облику художника: такие же мягкие теплые тона с тщательной прорисовкой деталей. От них веет каким-то домашним уютом, как от всей фигуры автора.

Несколько дней спустя в Новороссийском государственном историческом музее-заповеднике проходила научная конференция «Из глубины Цемесской бухты», посвященная 60-летию Победы в Великой Отечественной войне. На ней выступил капитан 1 ранга, командир подводной лодки. Свой рассказ он сопровождал показом акварелей подводных лодок. В этом сдержанном командире я с удивлением узнал своего милого художника. Но и в форме с колодкой ордена и медалей он был похож на заботливого отца большого семейства.

– А у нас, подводников, – улыбается он, – всегда так. Командир – отец своим матросам, старшинам и офицерам. От небрежности одного человека может погибнуть лодка со всем экипажем. Поэтому девиз «один за всех» для нас не слова, а жизненный принцип. На подводной лодке – экипаж одна семья, большая и дружная. А иначе опасно идти под воду.

О своей воинской службе Владимир Иванович говорит скупно и неохотно. Зато часами может рассказывать о красках

моря и неба, о красоте осеннего леса, о природе и о многом другом, что отражено на его картинах.

– Не удивляйтесь – с легкой усмешкой говорит художник. – Мы, подводники, по-особому воспринимаем мир. Когда неделю, а то и больше находишься под водой, в полумраке, в спертom воздухе, насыщенном парами машинного масла, топлива, газовойделениями аккумуляторных батарей, то начинаешь понимать настоящую цену глотка свежего воздуха, возможность увидеть море и небо. И тебе становятся близки всевозможные изменения и оттенки на море и небе.

Выросший среди ставропольских степей, Владимир с юных лет мечтал о море. В библиотеке перечитал все книги о морях, морских походах, боях и сражениях. А рассказы Станюковича и роман Джека Лондона «Морской волк», два тома классика английской литературы и капитана парусного флота Джозефа Кондрата были настольными книгами. По окончании Каспийского высшего военно-морского училища молодой штурман начал службу на подводных лодках Черноморского флота и прошел все ступени служебной лестницы: командир группы, командир боевой части, старпом, в 29 лет стал командиром подводной лодки. Считал себя на своём месте и даже не стремился в академию, хотя предлагали. После академии – штабная работа. А в море – дома...

Выйдя в запас по выслуге лет, Владимир Иванович полностью отдался любимому занятию – живописи. Освоил все виды живописной техники: масло, акварель, графику. Особое место в его творчестве занимает место биография адмирала Федора Федоровича Ушакова. Мечта художника – описать в своих картинах боевой путь адмирала. Каждой картине предшествует большая подготовительная работа в библиотеках, фондах музеев, консультации с историками, краеведами, судомоделистами. Сначала идет изучение литературы по данному событию, чертежей, фотографий. Обязательно изучение схемы морских сражений. На них необходимо наложить навигационные карты с рельефом местности, определить по времени с солнцем. Из донесений и воспоминаний участников установить корабли по диспозиции, после чего, зная направление ветра, правильно написать паруса и их освещение, выяснить какие были повреждения кораблей, в каком месте и какая сломана мачта, где были пожары и пробоины.

– Придумывать ничего не надо, а вот как живописно это представить полностью зависит от мастерства художника – поясняет Владимир Иванович.

Затем – составление эскизов. Если писатель может упустить какие-то мелочи в описании мундира или конструкции корабля, то художник должен показать все очень точно, скрупулезно точно во всех мелочах. Он должен разбираться во всём: в конструкции кораблей и снастях такелажа, орудиях и в особенностях формы, причёски и прочих тонкостях, проходящих мимо писателя, да и многих историков. Особенно его увлекает описание моря и неба во время сражения. Его картины исторически верны. И это признаю не только я, но живописцы и адмиралы флота.

– Что делает картину исторической? Часто сталкиваешься с подменой понимания исторической точности – творческим подходом. Вот изображение Ф.Ушакова: морской мундир, число полосок золотого шитья кафтана и камзола, количество позолоченных пуговиц на обшлагах соответствуют званию контр-адмирала; крест на шее и звезда на груди – ордена Святого Владимира 2-й степени. А подменять нечего не надо: морской мундир контр-адмирала должен соответствовать до последней пуговицы. А вот творческий подход выражается в том, как он сидит на фигуре полководца – обтянут или свободен, и на сколько пуговиц застегнут – разъясняет свои принципы художник.

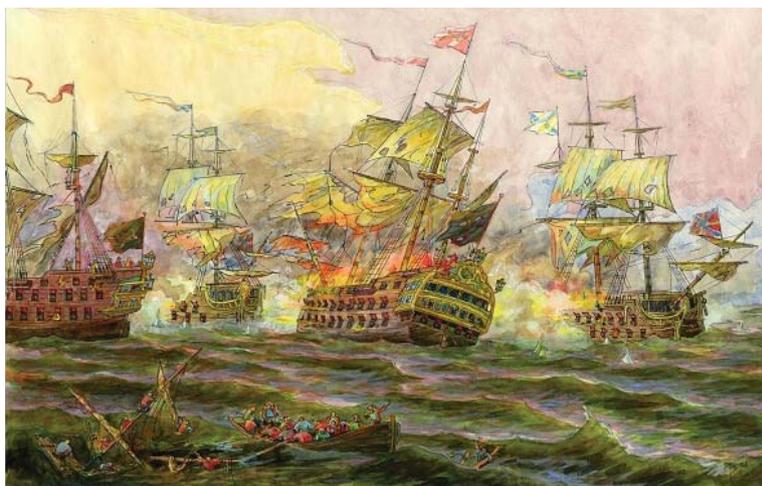

*Аквадель «Авангард бригадира Ф. Ушакова ведет бой с турецкими кораблями у острова Фидониси 3 июля 1788 г.»,
28 x 40 см, 2005 год.*

К настоящему времени художником написаны две картины и проработаны 5 акварелей, как эскизы будущих картин. Описание дано в хронологическом порядке событий.

3 (14) июля 1788 года у острова Фидониси (ныне Змеиный) эскадра Черноморского флота: 2 корабля 66-пушечного ранга, 10 фрегатов (от 40 до 50 пушек) и 24 мелких судов под командованием контр-адмирала М.И. Войновича встретилась с турецким флотом, состоящим из 15 линейных кораблей, из них пять 80-пушечных, восьми фрегатов, трех бомбардирских кораблей и 21 мелкого судна. Турецкая эскадра имела 1120 орудий против 550 у русской.

В этом бою командир линейного корабля «Святой Павел» бригадир Ф.Ф. Ушаков командовал авангардом эскадры Черноморского флота в составе четырёх фрегатов. Занимая наветренное положение, турецкий флот выстроился в две кильватерные колонны и начал спускаться на русскую линию. Ф.Ф. Ушаков сумел разгадать замысел турецкого адмирала – сомкнуть кольцо вокруг русских кораблей и расстрелять их в упор. Федор Федорович, приняв решение прорезать авангардом строй турецких кораблей, не дать им завершить маневр и вступить в бой с флагманом, смело повёл авангард на сближение с турецкой эскадрой. Этой решительной атакой он сорвал маневр противника, чем расстроил линию баталии турецкого флота.

Акварель «Сражение эскадры контр-адмирала Ф. Ушакова с турецким флотом у Керченского пролива 8 июля 1790 г.», 27 x 40 см, 2004 год.

На акварели показан момент боя, когда бригадир Ушаков вывел свой корабль против флагманского корабля турок

и обстреливает его. Орудийный огонь нанёс такие повреждения, что заставил флагмана выйти из боя. Вслед за флагманом началось отступление всего турецкого флота.

Несмотря на то, что бой у Фидониси не оказал значительного влияния на ход кампании, это была первая победа флота, победа над значительно превосходящими силами противника, имевшая большое психологическое значение. Турецкий флот уже не имел господства над морем, а Крым не подвергался опасности высадки десанта.

В следующем 1789 году Ф.Ф. Ушаков был произведён в контр-адмиралы.

Акварель является эскизом к картине аналогичного названия:

*«Сражение эскадры контр-адмирала Ф. Ушакова с турецким флотом у Керченского пролива 8 июля 1790 г.»,
Холст, масло, 150 x 240 см, 2007 года.*

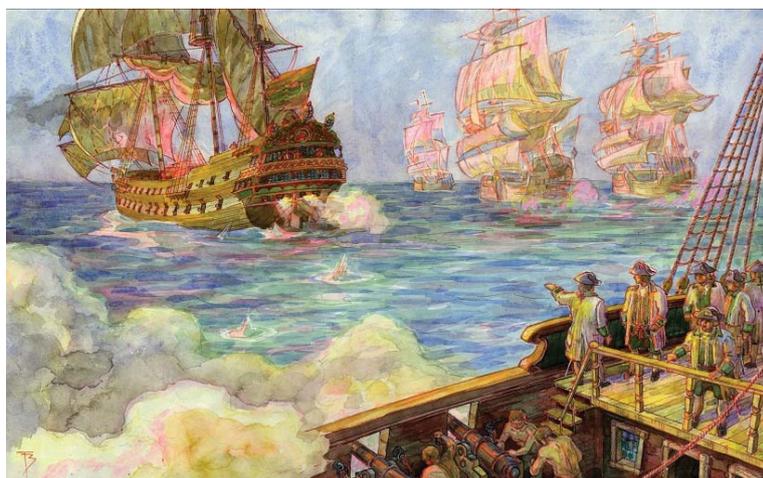
Находится в Военном учебно-научном центре Военно-морского флота «Военно-морская академия им. Адмирала Н.Г.Кузнецова», Санкт-Петербург.

Непосредственная работа над картиной заняла более одного года. Турецкая эскадра в составе 10 линейных кораблей, 8 фрегатов, 36 вспомогательных судов шла из Турции для высадки войск в Крыму. Её встретила русская эскадра, состоящая из 10 линейных кораблей, 6 фрегатов, 1 бомбардирского корабля, 16 вспомогательных судов под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова. Используя наветренное положение и превосходство в артиллерии (1100 орудий против 836), турецкий флот с ходу атаковал русский, направив

свой главный удар на авангард бригадира флота Г. К. Голенкина. Однако тот выдержал атаку неприятеля и точным ответным огнём сбил его наступательный порыв. Капудан-паша всё же продолжил свой натиск, подкрепляя силы на направлении главного удара кораблями с большими орудиями.

Ф.Ф. Ушаков предвидел возможное развитие событий. После нескольких перестроений, используя благоприятную перемену ветра на 4 румба (45 градусов), русская эскадра сблизилась с противником и турецкие корабли были засыпаны картечью. От перемены ветра и решительной атаки русских турки пришли в замешательство. Не надеясь выдержать очередную атаку, турки дрогнули и пустились в бегство к своим берегам.

На картине показан эпизод боя, когда, стремясь защитить свои отстававшие поврежденные корабли и транспортные суда с десантом, адмирал Гусейн-паша с несколькими кораблями изменил курс и пошел контр-галсом параллельно русской эскадре и попал под обстрел. «Ясно было великое повреждение его кораблей и множество побито экипажа, тем более, что имели много десантного войска», – сообщал Ф.Ф. Ушаков. На переднем плане виден потопленный метким огнем русских артиллеристов один из кирлангичей (парусно-гребное судно) с десантом: мачта и рея затонувшего судна и спасающийся экипаж на шлюпке.

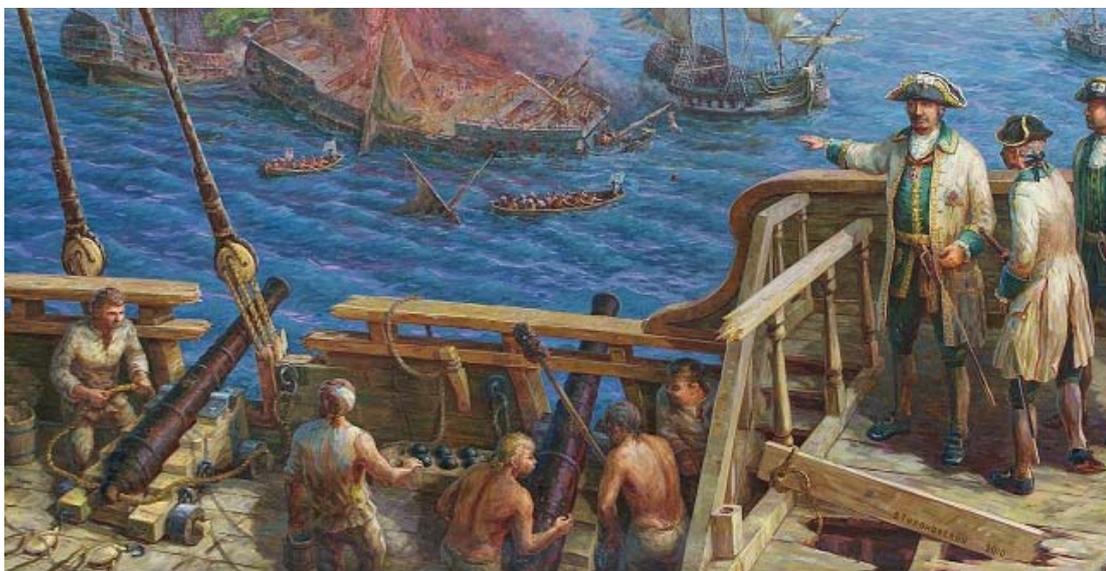

*Акваверль «Возвышая честь флага Российского флага»,
27 x 40 см, 2005 год.*

Победа русского флота в Керченском сражении сорвала планы турецкого командования по захвату Крыма. Кроме того, это поражение турецкого флота привело к снижению уверенно-

сти руководства в безопасности своей столицы и заставило Порту «взять осторожности для столицы, дабы в случае со стороны российской на оную покушения, защитить бы можно было».

Акварель является одним из вариантов эскиза к картине:

Картина «Адмирал Ушаков Ф.Ф. руководит разгромом турецкого флота при Тендре 29 августа 1790 года», холст, масло, 200 x 400 см., 2010 год. Картина находится в Государственном морском университете им. адмирала Ф.Ф. Ушакова, г. Новороссийск

Бой при Тендре продолжался двое суток. Турецкий флот под командованием молодого капудан-паши Гуссейна, состоящий из 14 линейных кораблей, 8 фрегатов и 14 мелких судов стоял на якоре между Гаджибеем и Тендровской косой. Утром 28 августа 1790 г. он был атакован эскадрой Черноморского флота из 5 линейных кораблей, 11 фрегатов и 20 более мелких судов под командованием Ф. Ф. Ушакова.

Хотя соотношение орудий было 1360 против 836 в пользу турецкого флота, но неожиданное появление русских кораблей вызвало панику среди турок, они спешно стали рубить канаты и в беспорядке отходить к Дунаю. Но капудан-паша сумел построить арьергард в линию баталии.

К 15 часам, подойдя к противнику на дистанцию картечного выстрела, Ф. Ф. Ушаков приказал открыть огонь. К 17 часам вся турецкая линия была окончательно разбита и не-

приятель обратился в бегство в сторону Дуная. Ушаков преследовал его до тех пор, пока темнота и усилившийся ветер не вынудили прекратить погоню и встать на якорь.

На рассвете следующего дня оказалось, что турецкие корабли находятся в непосредственной близости от русских.

Ф.Ф. Ушаков отдал команду поднять якоря и вступить под паруса для преследования противника, который, имея наветренное положение, стал рассеиваться в разные стороны.

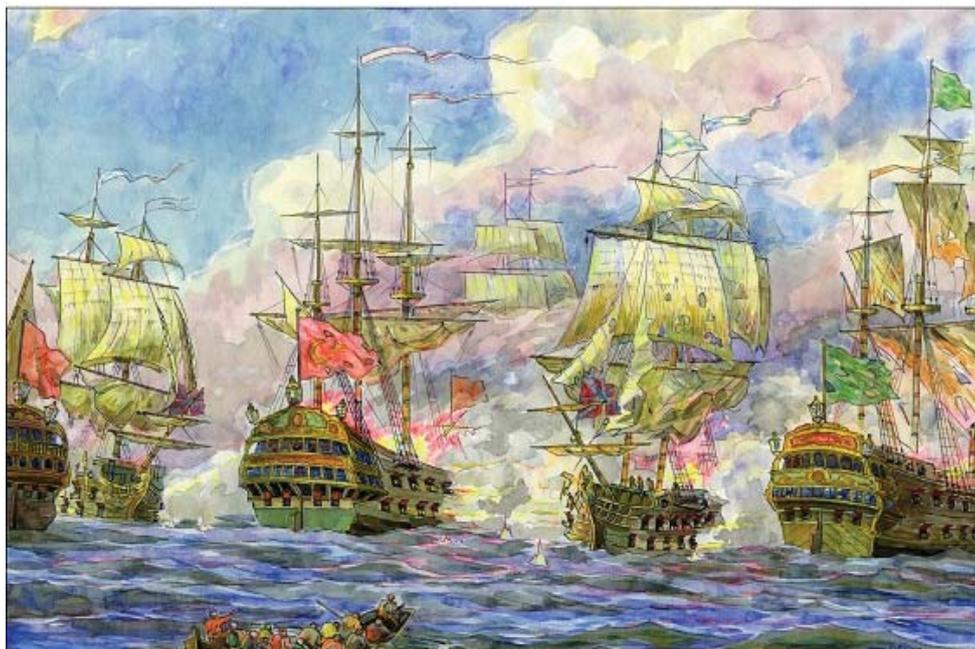
На картине изображен второй день сражения, когда фрегаты «Апостол Андрей», «Святой Георгий» и «Преображение Господне» настигли и окружили 74-пушечный линейный корабль «Капудание» под флагом вице-адмирала Саид-бея, прикрывавший отступающий турецкий флот. Подошедший флагманский корабль командира Черноморского флота контр-адмирала Ушакова Ф.Ф. «Рождество Христово» на расстоянии всего в 60 метров «в малейшее время нанес ему наихудшее поражение».

«Люди неприятельского корабля, – доносил Федор Федорович, – выбежав все наверх, на бак и на борта, поднимая руки кверху, кричали на мой корабль и просили пощады и своего спасения. Заметя оное, данным сигналом приказал я бой прекратить и послать вооруженные шлюпки для спасения командира и служителей, ибо во время боя храбрость и отчаянность турецкого адмирала трехбунчужного паши Саид-бея были столь беспредельны, что он не сдавал своего корабля до тех пор, пока не был весь разбит до крайности».

Русские моряки, вступив на борт неприятельского корабля, подняли над приспущенным турецким зелёным флагом – Андреевский флаг и занялись спасением турецких моряков, в первую очередь, стараясь отобрать для посадки в шлюпки офицеров. Именно этот момент и запечатлен на картине: горящий «Капудание» под турецким и русским флагами и шлюпки с русскими моряками, спасающими турецкую команду.

При шквальном ветре и густом дыме последняя шлюпка с большим риском подошла к борту и сняла Саид-бея, после чего корабль взлетел на воздух вместе с оставшимся экипажем и казней турецкого флота...

Победа Черноморского флота при Тендре оставила яркий след в боевой летописи отечественного флота. Федеральным законом «О днях воинской славы (победных днях) России» от 13 марта 1995 г. день победы русской эскадры под командованием Ф. Ф. Ушакова над турецкой эскадрой у мыса Тендра» объявлен Днём воинской славы России.

Акварель «Сражение эскадры контр-адмирала Ушакова Ф.Ф. с турецким флотом у мыса Калиакрия 31 июля 1791 г.» 27 x 40 см., 2005 г.

Турецкий флот, усиленный эскадрой алжирско-тунисских корсаров под командованием Сеит-Али, состоящий из 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 43 более мелких судов, стоял на якоре у берега мыса Калиакрия под прикрытием береговых батарей.

Эскадра Черноморского флота под командованием Ф. Ф. Ушакова в составе 16 линейных кораблей, 2 фрегатов, 2 бомбардирских кораблей, 17 крейсерских судов, брандера и репетичного судна внезапно для противника с ходу под попутным ветром атаковала турецкий флот. Неожиданное появление русского флота привело противника «в замешательство». На турецких кораблях стали в спешке якорные канаты и ставить паруса. Не справившись с управлением на крутой волне, при порывистом ветре, несколько кораблей столкнулись друг с другом и получили повреждения.

Алжирский флагман Сеит-Али, увлекая за собой весь турецкий флот, с двумя кораблями и несколькими фрегатами попытался выиграть ветер и обогнуть головные корабли Черноморского флота. Однако контр-адмирал Ушаков разгадал манёвр алжирского паши. Фёдор Фёдорович закончил перестроение флота в боевой ордер. На самом быстроходном флагманском корабле «Рождество Христово», вопреки устоявшемуся в морской тактике правилу (согласно которому командующий находился в центре боевого порядка), Ушаков вышел из кильватерной колонны и пошёл вперёд, обгоняя свои передовые корабли. Это позволило ему сорвать замысел алжирского паши, и метким огнём нанести ему значительный урон.

В районе 17 часов уже весь Черноморский флот, сблизившись с противником на предельно короткую дистанцию, «дружно» атаковал турецкий флот. Линейный корабль «Рождество Христово» вошёл в середину турецкого флота, ведя огонь с обоих бортов, и продолжил поражать корабль Сеит-Али и ближайšie к нему суда. Именно этот момент боя изображен на акварели. Подобным манёвром Ушаков окончательно нарушил боевой порядок турок. Турецкие корабли были настолько стеснены, что стреляли друг в друга. Вскоре турки пустились в бегство. Русские корабли преследовали их до наступления темноты. В половине девятого вечера Ф.Ф. Ушаков был вынужден прекратить погоню и стать на якорь.

*Акварель «Эскадра адмирала Ф.Ф.Ушакова штурмует французскую крепость Корфу 18 февраля 1799 г.»,
22 x 40 см, 2006 год.*

История знает удивительные повороты. Турция, с которой России вела бесчисленные войны за выход в Черное море, стала союзницей в 1798–1799 гг. Государства объединились в войне против Наполеоновской Франции. Французская революция привела к серьёзным военно-политическим изменениям в Европе. Сначала революционная Франция оборонялась, отбивая нападения соседей, но вскоре перешла к наступлению («экспорту революции»). В 1796–1797 гг. французская армия под началом молодого и талантливого французского генерала Наполеона Бонапарта захватила Северную Италию. В мае 1797 года французы захватили принадлежавшие Венецианской республике Ионические острова (Корфу, Занте, Кефалония, св. Мавры, Цериго и другие), которые были расположены вдоль западного побережья Греции. Ионические острова имели большое стратегическое значение, контроль над ними позволял господствовать на Адриатическом море и Восточном Средиземноморье. После высадки французских войск в Египте, который был в составе Османской империи, Порты попросила Россию о помощи. Россия вошла в состав Второй антифранцузской коалиции, активными участниками которой стали также Англия и Турция.

12 августа 1798 года эскадра Черноморского флота под командованием Ф.Ф. Ушакова вышла в Средиземное море. В её составе было 6 линейных кораблей, 7 фрегатов и 3 посыльных судна. Десантные силы составляли 1700 морских гренадер Черноморских флотских батальонов и 35 гардемарин Николаевского флотского училища. Перед ней поставили задачу освобождения Ионических островов от французов. Для усиления эскадры из состава османского флота была выделена эскадра турецких кораблей в составе 4 линейных кораблей, 6 фрегатов, 4 корветов и 14 канонерских лодок под командованием вице-адмирала Кадыр-бея. Из состава объединенного русско-турецкого флота Ушаков выделил 4 фрегата и 10 канонерских лодок под командованием капитана 1-го ранга А.А. для блокады Александрии, занятой французами. 20 сентября эскадра Ф.Ф. Ушакова вышла из Дарданелл. Освобождение Ионических островов началось с Цериго, на котором французы сложили оружие от артиллерийского

обстрела, не дожидаясь высадки десанта. Через две недели на острове Занте русский флот подавил приморские батареи противника и высадил десант. Французский комендант полковник Люкас, видя безнадежность положения, капитулировал. После этого были освобождены остров Св. Мавры.

Остров Корфу с моря прикрывал хорошо защищенный остров Видо. Он представлял собой высокую гору, господствующую над Корфу. На подходах к Видо со стороны моря были установлены боновые заграждения с железными цепями. Гарнизон Видо, 500 солдат и 5 артиллерийских батарей, командовал бригадный генерал Пиврон. Кроме того пролив между островами Корфу и Видо служил стоянкой для французских кораблей. Здесь располагалась эскадра из 9 вымпелов: 2-х линейных кораблей (74-пушечного «Женероса» и 54-пушечного «Леандра»), 1 фрегата (32-пушечного фрегата «Ла-Брюн»), бомбардирского корабля «Ля Фримар», брига «Экспедицион» и четырёх вспомогательных судов. Французская эскадра имела до 200 орудий.

С 24 октября 1798 года по 17 февраля 1799 году русско-турецкая эскадра вела блокаду острова Корфу и окружающих его островов. Приходившие приказы из Петербурга не позволяли штурмовать острова, заставляли отделять корабли в угоду союзников англичан: к Рагузе, Бриндизи, Мессине и т. д.

И всё же 18 февраля 1799 года Ф.Ф. Ушаков приказал начать штурм острова Видо. Утром свежий ветер подул с северо-запада. На флагмане подняли сигнал: «всей эскадре приготовиться к атаке на остров Видо». В 7 часов с корабля «Святой Павел» раздались два выстрела. Корабли начали выдвигаться на позиции. На картине показан начальный момент штурма острова Видо. В глубине полотна – «Святой Павел», флагманский корабль под флагом Ф.Ф. Ушакова. С кораблей спускают шлюпки для морского десанта. Всего на берег высадили около 2,1 тыс. десантников, из которых около 1,5 тыс. были русскими воинами.

Закрепившись на берегу, русские десантники стали теснить врага, захватывая одну позицию за другой. Французы не выдержали натиска русских моряков и сдались. К 14 часам сражение было завершено.

Захват Видо predeterminedил исход штурма Корфу. На острове Видо были поставлены русские батареи, которые открыли огонь по Корфу. Пока шёл бой за Видо русские батареи на Корфу с утра вели обстрел укреплений противника. Обстрел крепости вели и несколько кораблей, которые не участвовали в штурме Видо. Затем десантные отряды начали штурм французских передовых укреплений. К вечеру 18 февраля (1 марта) бой стих. Видимая легкость, с которой русские моряки взяли Видо и передовые форты, деморализовала французское командование. Французы, потеряв около 1 тыс. человек за один день боя, решили, что сопротивление бессмысленно. На следующий день к флагманскому кораблю на шлюпке прибыл адъютант французского командующего и предложил перемирие. Ф.Ф. Ушаков предложил в 24 часа сдать крепость. 20 февраля (3 марта) 1799 года акт о капитуляции был подписан. Победа при Корфу завершила освобождение Ионических островов из-под власти французов и произвела на Европу большое впечатление. Ионические острова стали оплотом России в Средиземном море. В историю русского флота эти события вошли под названием «Корабли штурмуют бастионы».

У В.И. Тихоновского есть ещё акварели о сражениях Ф.Ф. Ушакова, но он их не показывает, считая их не вполне удачными. Владимир Иванович – разноплановый художник. У него большой цикл полотен, посвященных подводным лодкам, часть из них он подарил Новороссийскому историческому музею-заповеднику. Много пейзажей побережья и окрестностей Новороссийска, работы по истории Черноморского флота: от походов князя Олега до сегодняшнего дня.

В настоящее время он пишет картины по заказу Военного учебно-научного центра Военно-морского флота «Военно-морская академия им. Адмирала Н.Г. Кузнецова». Его работы украшают стены Академии наравне с картинами великих русских маринистов И.К. Айвазовского, Боголюбова и других... В.И. Тихоновский в расцвете творческих сил и полон замыслов, у него нет свободного времени. Он постоянно совершенствует своё мастерство.

В.И. Алявдин
(г. Москва, Россия)

А.К. Ушаков
(г. Симферополь, Россия)

Командир черниговского пехотного полка Иван Михайлович Ушаков. Типология героизма

Эпоха Отечественной войны 1812 года и освободительных походов Русской армии 1813–1814 гг. дала примеры массового героизма и безграничной самоотверженности русских солдат и офицеров. Невольно сравнивая это поколение русских воинов с предшествующими, можно утверждать: как бы не были велики заслуги их отцов и дедов, не щадивших себя на службе Отечеству, им, как правило, за всю жизнь не приходилось испытывать столько лишений, потерь и мучений, сколько выпало на долю героев этой эпохи.

Артиллерийский офицер Н.Е. Митаревский отмечал: «Впрочем, такой еще тогда был в армии дух. Про малые раны и контузии говорили – «пустяки»; надо, чтобы порядочно прострелили – это рана; а контузию звали – «конфузией», и получить контузию считалось чем-то обидным, а потому о контузиях больше молчали. Для возбуждения же сожаления или сострадания нужно было, чтобы оторвало руку или ногу, или, по крайней мере, прострелили с разбитием костей» [1]. Восхищает сила духа тех офицеров и генералов, которые догоняли свои полки иногда уже в Европе, после перенесенных тяжелых операций и даже ампутаций! Достаточно вспомнить генерал-майора М.Д. Балка, генерал-лейтенанта А.И. Остермана-Толстого, генерал-лейтенанта М.Ф. Ставицкого, полковника А.Н. Сеславина и др. Нашим современникам трудно даже представить, на какие каждодневные тяготы и муки обрекали себя эти увечные герои, совершая многомесячный поход, несмотря на ненастную погоду, грязь, холод, бездорожье и, как правило, полное отсутствие каких-либо бытовых удобств. Можно с полной уверенностью сказать, что подобный героизм был типичен для русских офицеров той эпохи и носил не единичный характер.

К числу таких людей принадлежал и наш прапрапрадед Иван Михайлович Ушаков, жизни, службе и подвигу которого посвящена эта статья.

Иван Михайлович Ушаков родился в 1779 (1780) г. в одном из сел Фатежского уезда Курской губернии в семье коллежского советника. Род Ушаковых ведет свое начало от упоминаемого в «Повести временных лет» касожского князя Редеди, убитого в 1022 г. князем Мстиславом Удалым. Победив в единоборстве Редедию, Мстислав выдал свою дочь за его сына. Помимо Ушаковых этот союз положил начало сразу нескольким известнейшим русским фамилиям: Лопухиным, Глебовым, Сорокоумовым и др. Ушаковы внесены в VI часть (древнейшее дворянство) родословной книги Курской губернии.

Уже в пятилетнем возрасте Иван Ушаков был записан сержантом в лейб-гвардии Преображенский полк, а в шестнадцать «выпущен» подпоручиком в Астраханский гренадерский полк – один из старейших полков русской армии, сформированный еще в 1700 г. Романом Брюсом. Юный подпоручик был достаточно хорошо образован: «по-русски и по-французски говорить, читать и писать умеет, географию, математику и историю знает» [2].

В мае 1797 г. Ушаков стал поручиком, в 1799 г. – штабс-капитаном, но в октябре 1801 г. вышел в отставку в связи с предстоящей женитьбой и получил следующий чин майора, что свидетельствовало о его безупречной службе. Женой Ивана Михайловича стала 20-летняя княжна Надежда Дмитриевна Прозоровская, дочь тульского губернского предводителя дворянства князя Дмитрия Александровича Прозоровского.

Трудно сказать, как познакомились Иван и Надежда, но, как бы то ни было, брак между армейским майором и княжной из Рюриковичей (у ее отца было к тому же более 4 тыс. дес. земли) мог состояться только благодаря незаурядным личным качествам молодого Ушакова.

Свадьба пришлось на зиму 1801 г., но уже через год, в декабре 1802 г., он вновь поступает на службу. Видимо, именно в это время, как подарок невесте или молодой жене, была заказана миниатюра, на которой Иван Михайлович изображен в свойственной той эпохе романтической манере.

Мирное течение жизни прерывается осенью 1806 г. – Россия вступает в очередную войну с Наполеоном. Навагинский пехотный полк, в котором служил Иван Михайлович,

в составе 14-й пехотной дивизии генерала Р.К. Анрепа, входил в корпус Ф.Ф. Буксгевдена. В декабре полк участвовал в сражениях под Сукочиным и Пултуском. В январе дивизия попала в жестокий бой при Морунгене, когда пришла на помощь отряду генерала Маркова. Французы отступили, но в бою погиб генерал Анреп. Ивану Михайловичу приходилось не раз вести в атаку своих солдат.

26 января Ушаков участвует в знаменитой битве при Прейсиш-Эйлау и получает ранение пулей в руку. «В воздаяние отличной храбрости, оказанной в сем сражении» он награжден своим первым орденом – Св. Владимира 4-й степени с бантом. В мае военные действия возобновляются, и 29 мая в сражении под Гейльсбергом Иван Михайлович вновь проявляет доблесть, за что удостоивается почетной награды – золотой шпаги с надписью «За храбрость». По окончании кампании он получает прусский орден Pour le Mérite («За заслуги»).

20 декабря 1807 г. по высочайшему приказу Ушаков определяется адъютантом к генерал-фельдмаршалу князю А.А. Прозоровскому, только что назначенному главнокомандующим Дунайской армией. 76-летний фельдмаршал действовал против турок нерешительно и вскоре попросил себе в помощники М.И. Кутузова. По прибытии последнего, в мае 1808 г., И.М. Ушаков был переведен к нему адъютантом. Сохранился приказ М.И. Кутузова, в котором адъютанту Ушакову поручено «вместе со штаб-лекарем освидетельствовать всех больных, находящихся в госпитале, с целью наведения в последнем порядка» [3]. Будучи адъютантом, Ушаков принимал участие во всех основных сражениях кампании, включая штурм Браилова, когда Русская армия понесла жестокие потери.

Кутузов, по-видимому, достаточно высоко оценивал своего адъютанта: он представил Ивана Михайловича к чину подполковника и не раз упоминал о нем в письмах к жене [4].

В 1810 г. Ушаков был назначен командиром Черниговского пехотного полка, с которым и прошел свой героический путь. В 1810–1812 гг. Черниговский полк входил в 3-ю пехотную дивизию генерал-лейтенанта П.П. Коновницына, состоявшую в 3-м пехотном корпусе генерал-лейтенанта Н.А. Тучкова 1-го (1-я Западная армия). В день переправы Наполеона

через Неман, 12 июня, И.М. Ушаков с полком находился у Новых Трок под Вильной. Затем – отступление и постоянные стычки с неприятелем. 13 июля под Островно завязался бой между войсками Мюрата и 4-м пехотным корпусом Остермана-Толстого. К вечеру сюда прибыли 1-й кавалерийский корпус Уварова и 3-я пехотная дивизия Коновницына, которые сменили уставшие войска Остермана-Толстого. Подошли подкрепления и к французам. С утра бой возобновился с еще большим ожесточением. Французы атаковали дивизию Коновницына. Обе стороны дрались с упорством. В разгар боя подполковник Ушаков возглавил контратаку своего полка. «Два орудия наших были на батареях неприятельскою конницею взяты, но были отбиты храбрым Черниговским полком, который взлетел на высоты, поразил неприятеля штыками и отнял свои пушки» [5], – вспоминал Коновницын.

Потери дивизии в бою под Островно составили свыше 2 тыс. человек убитыми и ранеными. Коновницын писал жене: «От 8 часов утра до 5 часов пополудни я дрался с четырьмя полками и двумя батальонами сводных гренадер противу, смею оказать, 60 тыс. человек... Я целый день держал самого Наполеона, который хотел обедать в Витебске, но не попал и на ночь, разве на другой день. Наши дерутся как львы» [6]. За отличие в этом сражении И.М. Ушаков был произведен в полковники.

4 августа начинается самоотверженная оборона Смоленска. На следующий день армия покидает город. Оборонять его были оставлены 6-й корпус Дохтурова и 3-я дивизия Коновницына. С рассветом И.М. Ушаков со своим полком оказался в огне у Мстиславского предместья. Перестрелка продолжалась до трех часов пополудни, когда французы открыли ураганный огонь по городу из 150 орудий. На полки Коновницына обрушилась конница Понятовского и пехота Нея. Начались рукопашные схватки. К вечеру предместье было оставлено, но когда начался штурм Молоховских ворот, черниговцы вновь дрались в первых рядах. Небольшой арьергард в течение суток удерживал всю армию Наполеона. Вечером атаки были прекращены и возобновилась сильнейшая канонада. «Тучи бомб, гранат и чиненых ядер полетели на

дома, башни, магазины, церкви. И дома, башни, церкви объ- ялись пламенем – и все, что может гореть, запылало» [7], – писал Федор Глинка. На рассвете 6 августа войска оставили город. Последней уходила дивизия Коновницына. Потери в полках были огромны, например, в Муромском полку в течение дня выбыло из строя 20 офицеров (4 убито, 16 ранены) и 640 нижних чинов (138 убито, 502 ранено).

После почти трехнедельного отступления и ежедневных стычек (полк был в арьергарде) 24 августа Черниговский полк занял позицию у Бородина. Первоначально дивизия в составе 3-го корпуса генерал-лейтенанта Тучкова 1-го скрытно располагалась на левом фланге на Старой Смоленской дороге у д. Утицы. 26 августа около 6 часов утра началась первая атака на Семеновские флеши. Перед второй атакой Багратион потребовал от Тучкова помощи, и тот направил сюда дивизию Коновницына. Дивизия подошла к флешам около 9 часов, когда они уже оказались занятыми французами. К этому моменту бой приобрел ожесточенный характер. В нем участвовало 40 тыс. французов и 20 тыс. русских. «700 огнедышащих жерл, на пространстве не более одной квадратной версты собранных, обстреливали во всех направлениях небольшую равнину, находящуюся впереди дер. Семеновской» [8], – писал Д.П. Бутурлин.

Генерал Коновницын принял решение отбить флеши. И.М. Ушаков, как и прочие командиры, шел в атаку в первых рядах своего полка, тесня французов. Во время этой яростной атаки, когда из рук раненого знаменосца Ревельского полка выпало знамя, генерал Тучков подхватил древко и устремился вперед, увлекая за собой солдат. Французы были остановлены, но Тучков через несколько минут погиб от разрыва гранаты. Плотность огня была столь велика, что даже не удалось обнаружить тело Тучкова. По всей видимости, в это же время был ранен и полковник Ушаков – пулей в рот и ядром в левую ногу [9]. Коновницын так описывает этот момент боя: «Прибыв к левому флангу Муромский, Черниговский, Ревельский и Селенгинский полки, презирая всю жестокость неприятельского огня пошли на штыки, и со словом «Ура», опрокинув превосходного неприятеля, привели в крайнее замешательство его колонны, и заняли высоту, с самого начала сражения упорно защищаемую» [10]. Вместо

раненного Багратиона Коновницын принимает командование войсками, но после многочисленных атак французов решает отвести остатки войск за Семеновский овраг. Кавалерия Марата и пехота Фриана атаковали д. Семеновское, продолжался шквальный огонь. Но с этой позиции остатки дивизии Коновницына и два гвардейских полка уже не отступили. Бой закончился лишь вечером. Коновницын писал жене: «Дивизии моей почти нет. Она служила более всех» [11]. Потери полка составили свыше 500 человек, погибли или были ранены почти все офицеры. И.М. Ушаков был доставлен в санитарную палатку, где ему отняли ногу ниже колена. Операция проводилась, разумеется, без наркоза, так что чашу мучений он испил до дна!

С Бородинского поля он был увезен в полковой лазаретной повозке, пропавшей затем в московском пожаре. За отличие в Бородинском сражении Черниговский полк получил Георгиевские знамена, а Иван Михайлович награжден орденом Св. Георгия 4-й степени и бриллиантовым перстнем. Несмотря на тяжелейшие раны, он не вышел в отставку и продолжил службу в действующей армии. Оправившись и более или менее привыкнув к протезу, он нагнал свой полк, скорее всего, в начале 1813 г., уже в Европе, и вошел вместе с ним в Париж. Интересно, что здесь храброму и израненному командиру пришлось не только праздновать победу, но и, сдавая полк, отчитываться и даже платить за «пропавшую» повозку и за «утерянный» полком шанцевый инструмент. И это после двух лет жестоких боев и нескольких тысяч пройденных верст! Иначе относились 200 лет назад к казенному имуществу.

6 марта 1814 г. И.М. Ушаков вышел в отставку «за ранами» с мундиром в чине генерал-майора и возвратился в Россию. За кампании 1812-1814 гг. он был награжден всеми тремя медалями: боевой серебряной, бронзовой дворянской «В память Отечественной войны 1812 г.» и серебряной «За взятие Парижа 19 марта 1814 г.».

В курской усадьбе вместе со всеми домочадцами героя встречал младший сын Константин, родившийся в грозном 1812 г. и ставший родоначальником нашей ветви Ушаковых.

Героическая служба Ивана Михайловича и его личные качества были оценены курскими жителями: в 1815 г. он из-

бирается курским губернским предводителем дворянства. На своем гражданском посту он не забывает о пострадавших во время войны солдатах. Так, 15 февраля 1816 г. в Курске по его инициативе состоялся благотворительный вечер «Русская беседа». Все собранные средства (1235 руб.) поступили в пользу ветеранов [12]. За неутомимую деятельность в 1818 г. Ушаков награждается орденом Св. Владимира 3-й степени.

Присущее Ивану Михайловичу стремление быть полезным заставляет его возвратиться на службу уже через три года. Возможно, тут имели место и материальные причины: хотя супругам Ушаковым принадлежало около 1500 душ в различных губерниях, но расходы на восьмерых детей постоянно возрастали. Генерал Ушаков назначается начальником последовательно нескольких округов корпуса внутренней стражи (сначала в Чернигове, затем в Тамбове, в Саратове). Однако, несмотря на службу, материальное положение семьи продолжает ухудшаться. В 1834–1835 гг. Иван Михайлович отдает в приданое за дочерью Анной, которая выходит замуж за генерал-лейтенанта барона Д.Е. фон дер Остен-Сакена, часть своих имений, а остальные, включая родовое Ушаково, продает.

Исключительно добросовестная служба Ушакова отмечается часто: в 1832 г. – орден Св. Станислава 1-й степени, в 1833 г. – Знак отличия за 20 лет беспорочной службы, с 1835 г. ему установлена на 12 лет ежегодная выплата в 1000 руб. серебром и, кроме того, назначена пенсия из инвалидного капитала в 2000 руб., в 1836 г. – единовременная награда (3000 руб.), а в 1838 г. он получает орден Св. Владимира 2-й степени со звездой. В этом же году заказана литография, на которой генерал изображен со всеми наградами.

Генерал Ушаков продолжает службу, хотя рассчитывать на скорое продвижение, будучи во внутренней страже, не приходится. Но, тем не менее, в 1840 г. в Списке генералов по старшинству появляется приписка: «Повелено иметь в виду к производству в генерал-лейтенанты при открытии комендантской вакансии соответственно этому чину» [13].

Окружной генерал должен был постоянно разъезжать с инспекцией по огромному округу, объединяющему несколько губерний, что было крайне тяжело для увечного и пожилого человека. Поэтому в июле 1844 г. «по болезненному состоянию от ран» Ушаков увольняется от должности окружного генерала «с

оставлением по армии» и ожидает комендантской должности, живя в Саратове. В декабре этого же года он получает очередной орден – Св. Анны 1-й степени, а в начале 1845 г. назначается комендантом Херсона. Но вскоре после переезда, в ноябре 1845 г., в возрасте 64 лет И.М. Ушаков умирает. Пройдя три войны, он так и оставался на боевом посту до самой смерти.

Таков жизненный путь этого храброго и деятельного человека, яркого представителя русского боевого офицерства той эпохи.

Вечная память всем героям отдавшим здоровье, благополучие, лучшие годы жизни, а часто и саму жизнь за Веру, Царя и Отечество!

Примечания

1. Рассказ об Отечественной войне 1812 года Николая Евстафиевича Митаревского // Отечественная война 1812 г. в воспоминаниях современников. М., 2008. С. 260.

2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 395. Оп. 27. Д. 758. Формулярный список о службе.

3. М.И. Кутузов: Сб. документов. М., 1952. Т. 3. № 68.

4. Русская старина. 1871. Т. 3. С. 202.

5. Воспоминания Коновницына // Харкевич В. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1910. Вып. 1. С. 122.

6. Там же. Вильно, 1903. Вып. 2. С. 225.

7. *Глинка Ф.Н.* Письма русского офицера. М., 1821. С. 66.

8. *Бутурлин Д.П.* История нашествия императора Наполеона на Россию в 1812 г. СПб., 1837. 2-е изд. Ч. 1. С. 277-278.

9. В «Описании сражения при селе Бородине» отмечено: «Ген.-лейт. Коновницын, не дав неприятелю утвердиться, стремительно атаковал его с 3-й пехотной дивизией и мгновенно отбил взятые у нас батареи. При сем случае убит ген.-майор Тучков-4-й, ранены полковники Манахин (потом умер от ран), Дризен и Ушаков. Пораженный неприятель должен был отступить в беспорядке к лесу». См.: Бородино: Документы, письма, воспоминания. М., 1962. С. 324.

10. Рапорт ПЛ. Коновницына // Там же. С. 168.

11. Бумаги, относящиеся до Отечественной войны 1812 г. М., 1904. С. 109.

12. Труды Курской губернской ученой Архивной комиссии. Курск, 1915. Вып. 2. С. 99.

13. Список генералов по старшинству. СПб., 1840.

*С.А. Третьяков
(г. Краснодар, Россия)*

А.В. Суворов и суворовские традиции в воспитании современной молодежи

А.В. Суворов вошел в историю России как выдающийся военачальник, одержавший более 60 побед и не потерпевший ни одного поражения.

Блестящий стратег и тактик А.В. Суворов оказал огромное влияние на развитие русского военного искусства, русской военной школы. Как военный педагог он воспитал великолепную плеяду русских военачальников: М.И. Кутузова, П.И. Багратиона, М.И. Платова, М.А. Милорадовича и многих других, прославивших Россию в Отечественной войне 1812 и Заграничных походах 1813 – 1814 годов.

На его военном опыте и педагогических трудах, в первую очередь таких, как «Полковое учреждение» и «Наука побеждать» выросли военный министр России Д.А. Милютин и знаменитый «белый» генерал М.Д. Скобелев, военачальник и педагог М.И. Драгомиров, легендарные генералы Первой мировой войны А.А. Брусилов, Н.Н. Юденич и многие другие.

Россия должна помнить Александра Васильевича как настоящего патриота своей Родины. Его обращения: «Вы – русские», «Покажи на деле, что ты русский» в условиях засилья и преклонения в России того времени перед иностранцами актуальны и важны сегодня, как образец поведения настоящего патриота.

Имя выдающегося россиянина, легендарного полководца, настоящего патриота Александра Васильевича Суворова является настоящим символом обновляющейся России. Через века его славные дела, в том числе и на Кубани, его победы, его отношение к своей Родине служат примером для современных защитников Отечества.

Александр Васильевич Суворов 15 лет своей боевой биографии посвятил нашему краю: дважды командовал Кубанским корпусом, внимательно следил и активно участвовал в судьбоносных решениях по Крыму, Тамани, Правобережью Кубани, по Черноморскому казачеству. На месте бывших суворовских крепостей и фельдшанцев (укреплений), заложенных полководцем в 1778 году, сейчас стоят наши кубанские красавцы города и прекрасные станицы.

Краснодарская краевая общественная организация «Кадетский Суворовско-Нахимовский союз» совместно с Краснодарским краевым отделением Всероссийской общественной организации ветеранов «БОЕВОЕ БРАТСТВО» имени Героя Советского Союза В.И. Варенникова в работе с молодежью активно используют имя и славные дела А.В. Суворова.

Ежегодно ко дню рождения полководца в ноябре ветеранской общественностью Кубани проводятся Всекубанские Суворовские чтения.

В 2014 году Всекубанские Суворовские чтения «А.В. Суворов и суворовские традиции в воспитании современных защитников Отечества» были приурочены к 100-летию начала Первой мировой войны, к 25-летию завершения вывода советских войск из Афганистана, к 20-летию начала антитеррористической операции в Чеченской Республике, к 15-летию разгрома сил международных террористов в Дагестане и посвящены подвигам наших соотечественников.

Активное участие в организации Чтений приняли Кубанский государственный технологический университет, Краснодарское президентское кадетское училище, МКУ «Центр патриотического воспитания молодежи» муниципального образования город Краснодар, кафедра гуманитарных и социально-экономических наук ВУНЦ ВВС «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (филиал г. Краснодар), Кропоткинский казачий кадетский корпус.

Состоялись Всекубанские Суворовские чтения 21 ноября 2014 года в Кубанском технологическом университете. Более 250 участников из 11 муниципальных образований Краснодарского края внимательно слушали доклады адмирала запаса Федорова Виктора Дмитриевича, доктора исторических

наук, профессора Куценко Игоря Яковлевича, знаменитого военного историка Харитонов Игоря Александровича, духовного наставника Кубанских кадет – отца Виталия.

Опытом работы по прославлению имени А.В. Суворова в этот день обменялись представители Кропоткинского кадетского казачьего корпуса и Краснодарского президентского кадетского училища, о своей работе по воспитанию современных защитников Отечества на примере А.В. Суворова поделились заместители директоров школ имени гвардейца-десантника Александра Молчанова и Героя России Игоря Яцкова.

В Краснодарском крае успешно работает проект «Аллея Российской Славы», в рамках которого созданы «именные» школы – лицей № 48 города Краснодара, МБОУ СОШ № 3 Славянска-на-Кубани, МБОУ СОШ № 4 города-курорта Геленджика, МБОУ СОШ № 1 Усть-Лабинска. Все они носят высокое звание имени А.В. Суворова, есть суворовские классы в МБОУ СОШ № 19 ст. Марьянской Красноармейского района.

Благодаря проекту «Аллея Российской Славы» установлены памятники А.В. Суворову (скульптор В.А. Жданов): в Краснодаре в Мариинском сквере, в Славянске-на-Кубани, в ст. Ленинградской. В поселке Степном Ейского района бюст полководца установлен на историческом месте, где бывал Александр Васильевич. Еще бюсты А.В. Суворова установлены в Кропоткине – на месте Павловской крепости, в станице Марьянской – на месте Мариинской крепости, в Тамани – на месте Фанагорийской крепости, заложенных лично полководцем .

В 2014 году имя А.В. Суворова присвоено МБОУ СОШ № 18 Тимашевского района, бюст полководца установлен на школьном дворе.

В торжественной обстановке 7 июля прошлого года бюст А.В. Суворова установлен на территории 33 отдельной мотострелковой бригады, воины которой оказали практическую помощь жителям Крыма в ходе подготовки и проведения референдума в марте 2014 года.

В ноябре 2015 года планируется открытие бюста А.В. Суворова в ст. Тернавской Тихорецкого района.

Активно продолжается работа по увековечиванию Александра Васильевича Суворова в лике Святых Русской Православной церкви.

В последние два года в ходе Всекубанских Суворовских чтений участникам чтений представлен образ А.В. Суворова (парсуна), созданная председателем Краснодарской краевой организацией «Союз иконописцев Кубани» Софией Мачи-

гиной. Молодежь и ветераны Суворовского движения с удовольствием разобрали для себя фотографии с изображением Образа великого русского полководца.

В настоящее время этот Образ, помещенный в оклад, находится в Свято-Преображенском храме города Геленджика. Настоятель храма – протоиерей Виталий Ковалев является руководителем Геленджикской городской общественной организации «Геленджикское кадетское братство», выпускником Киевского СВУ.

Важным этапом Всекубанских Суворовских чтений стала организация конкурса творческих работ (рефератов, сочинений, презентаций, стихотворений, тематических уроков и т. д.), посвященных А.В. Суворову и его наследникам.

Всего на конкурс в электронном виде поступило более 146 различных работ из 23 муниципальных образований, 76 учебных заведений края

Впервые в этом году активное участие приняли кадеты Краснодарского президентского кадетского училища, а также Кропоткинского, Новороссийского, Ейского и Краснодарского казачьих кадетских корпусов, студенты КубГТУ, факультета журналистики КубГУ и академии ИМСИТ.

Среди учащих в конкурсе приняли участие ребята от 10 лет и старше. Отрадно, что многие из них участвуют в конкурсе творческих работ уже не первый раз. Больше всех работ поступило из муниципальных образований: город Краснодар, Новороссийск, Геленджик, Горячий ключ, Ейский район, Кавказский район, Успенский район, Северский район, Белореченский район и др.

Конкурсные работы отличаются жанровым разнообразием – это сочинения, рефераты, научные сообщения, есть сообщения в форме эссе, все они, как правило, сопровождаются интересными презентациями, несколько работ выполнены в стихотворной форме.

Многие работы носят научно-практический характер, посвящены истории как отдельных семей, так и целым родословным.

Организационный комитет Всекубанских Суворовских чтений внимательно изучил все представленные работы и предложил участникам конкурса продолжить свои исследования.

В ходе Всекубанских суворовских чтений прошлого года настольным бюстом А.В. Суворова были награждены 8 учебных заведений, комплекты «Галереи Мужества» Боевого братства Кубани были вручены 6 общеобразовательным учебным заведениям края, лучшие работы были отмечены медалью А.В. Суворова и почетными грамотами.

По старой традиции юбилярам-кадетам были вручены настольные бюсты А.В. Суворова. Этой чести удостоены Олег Николаевич Зражевский «первосуворовец» Киевского СВУ, которому 19 ноября исполнилось 85 лет, и Варгин Анатолий Иванович, который в сентябре этого года перешагнул 80-летний рубеж

24 ноября 2014 года в Мариинском сквере столицы Кубани, не взирая на холодную и ветренную погоду, у памятника А.В. Суворова собрались ветераны Суворовского движения, выпускники Суворовских училищ разных лет, воины Краснодарского гарнизона, кадеты Краснодарского президентского кадетского училища, кадеты Краснодарского кадетского казачьего корпуса, учащиеся «именных» школ города Краснодара. Звучали стихи, посвященные А.В. Суворову, защитникам Отечества. Ведущие Екатерина Мельникова в одеянии Екатерины Великой и Никита Лихачев форме полковника А.В. Суворова вернули нас во времена XVIII века, рассказали в стихах, как при участии А.В. Суворова Крым, Тамань и Правобережье Кубани вошли в состав России.

В этот же день торжественные линейки прошли в наших «Суворовских» школах в Краснодаре, Усть-Лабинске, Славянске-на-Кубани, Геленджике, с. Степном Ейского района, ст. Ленинградской.

Районный краеведческий музей г. Усть-Лабинска в течение 10 дней совместно со школьниками проводил мероприятия, посвященные памяти А.В. Суворова. Жителям города впервые была предоставлена копия знамени Кубанского корпуса, которым командовал А.В. Суворов.

В ходе Всекубанских Суворовских чтений были подготовлены и направлены обращения в адрес начальника Генерального штаба ВС России генерала В. Герасимова, начальника Главного управления по работе с личным составом ВС РФ генерала М. Смыслова (оба выпускники СВУ) с просьбой

поддержать наши начинания и возглавить эту работу в Вооруженных Силах России.

В настоящее время завершается работа по подготовке Всекубанских Суворовских чтений 2015 года. Наша идея поддержана Министерством обороны РФ, в военно-учебные заведения, объединения, соединения и воинские части направлена директива о проведении Суворовских чтений. Рекомендовано активно использовать возможности и опыт Общероссийской ветеранской организации «Российское кадетское братство».

Убежден, что прославление великого русского полководца, его побед, славных дел, образа жизни является важнейшим способом повышения уровня военно-патриотического воспитания нашей молодежи.

*Ю.А. Макаренко
(г. Краснодар, Россия)*

Потомству в пример

Имя выдающегося русского флотоводца Фёдора Фёдоровича Ушакова известно каждому, кто связал свою судьбу с морем, со службой на флоте.

Родился будущий адмирал в селе Бурнаково Ярославской губернии в небогатой дворянской семье. В 1766 г. он закончил Морской кадетский корпус – будучи одним из лучших; служил на Балтийском флоте, а затем в Азовской флотилии.

В чине капитана 2-го ранга Ф.Ф. Ушаков получил назначение командиром одного из строящихся в Херсоне кораблей Черноморского флота. Его приезд совпал с эпидемией чумы. Здесь проявились его исключительные способности решать самые трудные и неожиданные задачи. За сохранение матросских жизней во время эпидемии чумы Ф.Ф. Ушаков был награжден своим первым орденом Святого Владимира 4-й степени и стал командиром построенного под его руководством линейного корабля «Святой Павел».

В 1784 году «Святой Павел» приходит в Севастополь. 1786 год проходит в непрерывных учениях. В 1787 году в Се-

востополь прибывает Императрица Екатерина II с иностранными гостями. Выучка экипажа Ф.Ф. Ушакова производит на всех сильное впечатление.

В начале Русско-турецкой войны 1787 – 1791 гг. авангард Черноморской корабельной эскадры, возглавляемый капитаном 1-го ранга Ушаковым, сыграл решающую роль в бою у острова Фидониси.

В марте 1790 года он получает звание контр-адмирала и возглавляет Черноморский флот. 2 июля 1790 года флот под командованием Федора Ушакова выходит из Севастополя. 3 июля он вступает в бой и громит флот Капудан-паши Хусейна около Керченского пролива, а 28 августа 1790 г. Ф.Ф. Ушаков появляется у острова Тендры, тем самым застигнув врасплох турок. Русские суда преследуют корабли турок 2 дня и в итоге полный разгром и пленение турецкого адмирала Сеид-бея.

31 июля 1791 года возле мыса Калиакрия Ф.Ф. Ушаков с Черноморской эскадрой обнаруживает турецкий флот, стоящий на якоре. Он атакует противника со стороны берега с предельно короткой дистанции и одерживает полную победу. Эта победа значительно ускорила капитуляцию Турции. Ф.Ф. Ушаков получает в награду за свое мужество – орден Александра Невского.

В 1798 году Наполеон захватывает Мальту. Российский Император Павел I выступает на стороне антифранцузской коалиции и 1 октября 1798 года союзники начинают боевые действия по освобождению Ионических островов. Необходимо было захватить главную крепость на острове Корфу. С 25 октября эскадра Ф.Ф. Ушакова начала морскую блокаду крепости. В результате Федору Ушакову удалось совершить практически невозможное – атакой с моря взять сильнейшую крепость французов. За победу он удостоивается чина адмирала.

При Императоре Александре I Ф.Ф. Ушаков попадает в немилость и в 1807 году выходит в отставку. В 1812 году он избирается начальником Тамбовского ополчения, но возраст и пошатнувшееся здоровье не позволяют ему воевать. На средства Ф.Ф. Ушакова был устроен госпиталь для раненых.

В 1817 году Ф.Ф. Ушаков умер в своем имении и похоронен в Синаксарском монастыре близ города Темников.

Его жизнь может служить достойным примером мужества, настойчивости, упорства и веры в победу русского оружия. Он не проиграл ни одной из 43 проведённых им кампаний, ни один русский матрос, находящийся в подчинении адмирала, не попал в плен.

Федор Федорович принимал непосредственное участие в строительстве русского Черноморского флота и во время службы на нём, и в период командования флотом много сделал для его совершенствования, проводя в жизнь суворовские принципы ведения боя и подготовки личного состава.

Он один из творцов успеха России в борьбе с Турцией. Разработал и применил манёвренную тактику ведения морского сражения, одержав ряд крупных побед над турецким флотом. Под его командованием, русский флот впервые вышел в Средиземное море, где провел ряд успешных операций с союзниками России. Проявил себя как политик и дипломат при создании Греческой Республики Семи Островов под протекторатом России и Турции.

Именем Ф.Ф. Ушакова названы бухта в юго-восточной части Баренцева моря и мыс на северном побережье Охотского моря. В 1944 году учреждены ордена Ф.Ф. Ушакова двух степеней и медаль, которая на Российском флоте считается одной из самых почётных боевых наград. Имя выдающегося русского флотоводца Ф.Ф. Ушакова носили и носят боевые корабли российского ВМФ. Во многих уголках России увековечено его имя.

Деятельность адмирала Ф.Ф. Ушакова оставила глубокий след в истории развития морского могущества русского государства, и он по справедливости должен был занять подобающее место в ряду исторических лиц нашего Отечества. Именно поэтому 30 ноября 2000 г. стало поистине историческим для Военно-морского флота России. Решением Комиссии по канонизации Русской Православной Церкви выдающийся флотоводец Федор Федорович Ушаков причислен к лику местночтимых святых Саранской епархии. А 6 октября 2004 года Архиерейский собор Русской Православной Церкви причислил Фёдора Ушакова к общецерковным святым в лике праведных. Фёдор Ушаков почитается как святой по-

кровитель российского военно-морского флота (с 2000 года) и стратегических военно-воздушных сил (с 2005 года).

Краснодарский край – регион двух морей. На территории края существует много учебных заведений морской направленности и сильные морские ветеранские организации. В 2014 году руководство Краснодарского детского морского центра, Совет старшин Краснодарского регионального отделения Российского морского собрания и Краснодарское городское морское собрание выступили

инициаторами присвоения Краснодарскому детскому морскому центру имени адмирала Ф.Ф. Ушакова и установки на территории центра памятного бюста адмиралу.

Имя адмирала Ф.Ф. Ушакова было присвоено центру в декабре 2014 года, а 13 мая 2015 года в день образования Черноморского флота России на территории Краснодарского детского морского центра торжественно открыли бюст адмирала Ф.Ф. Ушакова. Памятный бюст был изготовлен в творческой мастерской известного мецената М.Л. Сердюкова в рамках проекта «Аллея Российской славы».

На торжественном митинге присутствовали воспитанники и преподаватели центра, курсанты морской роты училища им. С.М. Штеменко, ветераны Великой Отечественной войны и ветераны флота. Выступили председатель Краснодарского краевого морского собрания контр-адмирал Свиридов М.И., ветеран Великой Отечественной войны капитан 2-го ранга Ерёменко С.Ф., участник проекта от общественной организации «Боевое братство» полковник Третьяков С.А.

Воспитанники центра возложили цветы к бюсту Ф. Ф. Ушакова. Теперь возможности воспитательной работы среди юных моряков значительно расширятся, а славная жизнь всемирно известного российского флотоводца послужит примером в их дальнейшей судьбе.

Раздел II.

Страницы славы русского оружия, мир служилого и духовного сословий Российской империи: традиции и наследие

*А.А. Сазонов
(г. Краснодар, Россия)*

Леонтий Леонтьевич Киборт: границы судьбы офицера Российской Императорской армии

В настоящем докладе публикуются результаты генеалогического поиска, касающиеся Л.Л. Киборта, представителя древнего дворянского рода Киборт Ковенской губернии. Он был одним из многих, ныне безвестных армейских офицеров, с честью отдавших долг служения Российской империи. Особенностью данного поиска являлось ничтожно малое количество исходных данных в начале исследования, и достаточно внушительные результаты, которые удалось получить в ходе архивной работы, и благодаря интенсивно развивающимся электронным сетевым коммуникациям и информационным ресурсам. Возможно, пройденный автором путь вдохновит кого-либо к исследованиям на благородной стезе восстановления родовой памяти.

В числе семейных историй, знакомых автору настоящих строк с раннего детства, особое место занимали ранние детские воспоминания бабушки по маме, Ирины Ивановны Киборт, относящиеся к 1920-м гг., в период проживания ее в семье отца в г. Петровске Саратовской губернии. В историях этих, помимо всего прочего, фигурировало воспоминание о стоящей на комоде в гостиной фотографии, где был запечатлен офицер в военном мундире, с подписью под снимком «Командир 113 Старорусского полка Леонтий Леонтьевич Киборт». Это был ее дедушка. Поскольку в ходе спешной эвакуации в начале Великой Отечественной войны весь семейный архив был

утерян, это воспоминание было особо ценным для Ирины Ивановны Киборт и ее сестер – Елизаветы Ивановны и Иоанны Ивановны. По настоятельным просьбам сестер Киборт, в начале 1990-х гг. автором доклада был начат генеалогический поиск, растянувшийся вплоть до настоящего времени.

В фондах Российского государственного военно-исторического архива было обнаружено «Дело о производстве с увольнением от службы командира 113 пехотного Старорусского полка полковника Киборта» с приложением его полного послужного списка [1]. Этот источник дал основную информацию о происхождении Л.Л. Киборта, его семье, о прохождении его службы и наградах. В дальнейшем, в ходе длительной переписки с архивами и частными генеалогами России и Литвы, главным образом через электронный информационный ресурс интернета «Всероссийское генеалогическое древо» [2] были получены такие ценные документы, как «Родословная рода Кибортов» и метрика Леонтия Леонтьевича (по метрике Леона-Люциуша) Киборта [3].

Итак, по имеющимся в настоящее время сведениям, Леонтий Леонтьевич Киборт родился 11 февраля 1855 г. в дворянской католической семье в поместье Дауглаукис Росиенского уезда Ковенской губернии. Фамилия Киборт, достаточно распространенная на территориях Литвы и Белоруссии, некогда занимаемых Речью Посполитой, восходит к древнему литвинскому семейному имени, на что указывает древнебалтский формант –рт, который прослеживается в некоторых литовских фамилиях: Жиборт, Виторт, Ленарт, Довкгирт и других. Само именование, вероятно, восходит к литовскому слову «kibus», что в переводе значит «цепкий, придирачивый». Можно предположить, что прозвище, ставшее впоследствии родовым именем, могло закрепиться за придирачивым смотрителем ремесленного производства либо за главой семейства, часто выражавшим недовольство проделанной работой кого-то из домочадцев [4].

Фамилией Киборт (польск. Kibort, лит. Kibartas) отмечена группа литовских, белорусских и польских дворянских (шляхетских) родов, принадлежавших к гербам Абданк, Ястржембец, Лосятынский, Равич, Депут, Топор [5]. Древо рода герба

Лосятынский, к которому принадлежал Л.Л. Киборт, согласно документам, заверенным Ковенским и Веленским дворянскими депутатскими собраниями в 1799 и 1845 гг. восходит к Юрию Киборту, в 1690 г. отписавшему родовое имение Мовделяны своим наследникам. Сам герб Лосятынский, основу которого составляли рыцарский крест в круге и стрела, устремленная вверх на червленом поле, восходит к началу XVI века.

Согласно принципу единонаследия, существовавшему в XVIII – XIX вв. на территории Российской империи, родовые имения наследовал кто-то один, обычно старший из сыновей. Соответственно лучшей долей для младших отпрысков дворянских семей оставалась военная служба. Очевидно, именно эта доля была определена для Леонтия Киборта, начавшего свою военную службу унтер-офицером 111 пехотного Донского полка, как только ему исполнилось 16 лет. Далее была учеба в Рижском пехотном юнкерском училище, по окончании которого началось его долгое восхождение по служебной лестнице от портупей-юнкера до генерал-майора.

Послужной список Леонтия Леонтьевича Киборта – это история беспорочного служения Российской короне, как в мирное время, так и в боях. Заслуги офицера были отмечены орденами и медалями Российской империи. За более, чем 40 лет военной службы Л.Л. Киборт был награжден орденами: Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени, Св. Станислава II степени, Св. Владимира IV степени с бантом за 25 лет беспорочной службы в офицерских чинах. Медалями за Турецкую кампанию 1877 – 1878 гг., в память царствования Его Императорского величества Александра III, за участие в первой народной переписи Российской Империи, за Японскую кампанию 1904–1905 гг. В кратком перечне его военной карьеры значатся следующие места назначений и чины:

С 29 декабря 1871 г. – унтер-офицер в III пехотном Донском полку.

С 1 сентября 1873 г. – учеба в Рижском пехотном юнкерском училище.

С 21 июля 1875 г. – портупей-юнкер.

С декабря 1875 г. – прапорщик III пехотного Донского полка.

С апреля 1877 г. по сентябрь 1894 г. – служба в 6-ом Армейском пехотном батальоне в Бобруйском резервном батальоне; 21 резервном Кадровом батальоне в должностях адъютанта, делопроизводителя по суду, квартирмистра, председателя батальонного суда.

С 26 февраля 1896 г. – подполковник 133 Симферопольского пехотного полка, председатель полкового суда, командир 3-го батальона, председатель распорядительного комитета офицерского собрания.

С 17 мая 1904 г., – служба в Окружном штабе военно-окружного управления Маньчжурской армии.

С 12 июня 1904 г. – служба в управлении гарнизона Ляоянского укрепрайона (штабные занятия).

С 28 июля 1904 г. – служба в 8 Сибирском Томском пехотном полку,

С 27 августа 1904 г. – служба в Телине.

С 3 сентября 1904 г. – служба в Мукдене.

С 20 мая 1905 г. – служба в Гунжулине.

5 марта 1905 г. – за отличия в боях с японцами Высочайше пожалован чин полковника.

С 30 апреля 1906 г. – командир 4-го батальона 133 Симферопольского полка.

С 17 сентября 1907 г. по 30 октября 1912 г. – командир 113 Старорусского пехотного полка, полковник, временно командовал 1-ой бригадой 29 пехотной дивизии.

С 29 апреля 1912 г. по 2 августа 1912 г. – на лечении в Пятигорской санитарной лечебной станции.

21 декабря 1912 г. – Высочайше утверждена отставка Л.Л. Киборта с присвоением чина генерал-майора с мундиром и пенсией (1830 рублей по Виленскому губернскому казначейству).

За время службы Киборт Л.Л. взысканий и штрафов не имел.

В послужном списке офицера отражались краткие данные о семье. Из дела Л.Л. Киборта известно, что женат он был на дворянке Жозефине Петровне Китовской. Имел троих дочерей: Юзефину-Элеонору, Казимиру-Анну, Марию-Казимиру, Екатерину-Брониславу и сына Ивана-Леона. В на-

шем распоряжении имеется единственная копия фотоснимка 1910-х гг., на которой запечатлены дочери Л.Л. Киборта, – Мария и Екатерина, в сопровождении подпоручика 65-го пехотного Московского Его Величества полка Ивана Яковлевича Летунова. Фотография эта хранилась у подпоручика Летунова много лет в память о чувстве, которое он питал к одной из дочерей Л.Л. Киборта. В 1960-х гг., уже будучи очень пожилым человеком, он передал снимок Иоанне Ивановне Киборт, внучке Л.Л. Киборта..

Судьбы детей Л.Л. Киборта были во многом predeterminedены коллизиями эпохи, в которой они жили. Кто-то эмигрировал за рубеж, кто-то остался, пытаясь приспособиться к кардинальным изменениям в политическом и общественном устройстве России. Сведений о семьях дочерей Л.Л. Киборта в настоящее время у нас нет. Потомки единственного сына Л.Л. Киборта – Ивана Леонтьевича Киборта, инженера-электротехника, стоявшего у истоков электрификации и телефонизации Саратовской губернии в 1920 гг., проживают в настоящее время в гг. Москве, Краснодаре и Майкопе.

В процессе изучения конкретных биографических данных в архивных документах часто обращают на себя внимание интересные совпадения, связанные с различными историческими событиями и известными личностями той эпохи. Так, при изучении списков офицерским чинам Русской Императорской Армии установлено, что под командованием Л.Л. Киборта служил поручик Ларко Андрей Яковлевич – известный позднее эстонский военачальник и политический деятель, начальник Генерального штаба вооруженных сил Эстонской республики, генерал-майор Андрес Ларка. Под командованием Л.Л. Киборта служил так же штабс-капитан Тениссон Александр Иванович – в будущем эстонский военачальник и известный политический деятель, генерал-майор Александер Тыниссон [6].

Кроме того, среди ответственных поручений, отраженных в послужном списке Л.Л. Киборта, значится его участие в июле 1910 г. в параде по случаю открытия в г. Риге памятника Императору Петру I в память 200-летия присоединения Лифляндии к России. Это историческое событие происходило в Высочайшем присутствии и было запечатлено в кинох-

ронике, снятой оператором Александром Станке, и ставшей в последствии первой кинокартиной, снятой в Латвии.

В 2014 г. все собранные материалы по теме доклада были переданы автором в архив Российского Дворянского Собрания. Однако, несмотря на определенные успехи, поиски еще далеки от завершения. Мы не располагаем пока ни одной личной фотографией Л.Л. Киборта. Остается неизвестной его судьба после выхода в отставку, не установлена дата его упокоения и место захоронения.

Таким образом, генеалогическое исследование, начавшееся с детского воспоминания о надписи на фото, стоявшем на старинном комод, продолжается...

Примечания

1. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 409. Оп. 2. П.с. 324-184.

2. <http://vgd.ru>.

3. Литовский Государственный исторический архив. Ф. 391. Оп. 8. Гр. уч. 2570.

4. <http://veras.jivebelarus.net>.

5. <http://genealogia.grocholski.pl>.

6. Общий список офицерским чинам Русской Императорской Армии. СПб, 1909.

*Э.М. Далгат
(г. Махачкала, Россия)*

Военные в структуре городского населения дагестанской области во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Дагестанской области было три города. Самый многочисленный, древний Дербент имел развитую социальную структуру. Два других города были преобразованы из русских военных укреплений и получили статус городов: Петровск – в 1857 г., а Темир-Хан-

Шура – в 1866 г. Структура вновь образованных городов была еще неразвитой, находилась в стадии формирования. Основное население молодых городов состояло из военного сословия. Затем появились купечество, мещане и другие сословия.

Уже к концу XIX – началу XX в. города Дагестана по социальному составу были пестрыми. Здесь имелись все сословия Царской России: дворяне, потомственные и личные, высшее мусульманское сословие – ханы, беки, чанки и духовенство: православное, армяно-григорианское, мусульманское, иудейское. Городское сословие было представлено потомственными и личными почетными гражданами, купцами и мещанами. Сельское сословие в городах Дагестана составляли государственные крестьяне. В городском населении области, особенно в начале исследуемого периода, широко было представлено военное сословие. В него входили регулярные и иррегулярные войска, запасные и отпускные нижние чины, солдатские жены и дети. Определенное место в структуре городского населения занимали также и иностранные подданные. Такая социально-сословная неоднородность была характерна для всех трех городов области.

К концу XIX в. Дагестан все активнее втягивался в русло экономического развития России. В городах развивалась промышленность, ремесла, обслуживающие потребности горожан.

Города области росли и развивались не только за счет естественного прироста, но и за счет причисления к городскому населению людей, прибывших из других регионов Российской империи. В историческом архиве Азербайджанской Республики нами выявлен ценный документ об изменениях социальной структуры городского населения Дагестанской области, происходивших в результате горизонтальной и вертикальной (межсословной и внутрисословной) мобильности. Документ называется: «Опись по делам 1-го стола Камерального отделения Бакинской казенной палаты за 1877 год». В «Описи» имеется 47 дел. Существенный интерес представляют дела об источниках пополнения мещанского сословия разных городов Дагестана. Как следует из документа, мещанство городов Дагестанской области в 70-е гг. XIX в. пополнялось из различных источников. Одним из этих источ-

ников были так называемые солдатские дети, т.е. дети военных, достигшие совершеннолетия.

Помимо солдатских детей к мещанскому сословию городов приписывались и сами отставные военные (отставные нижние чины причислялись к мещанскому обществу на основании Высочайшего повеления от 25 июля 1867 года «Об устройстве быта отставных и бессрочных отпускных нижних чинов») [1].

В Посемейных списках населения Закавказья, составленных в 1886 г. имеются сведения по сословному составу городского населения Дагестанской области в 1886 г., в том числе указаны отставные нижние чины, проживавшие в городах Темир-Хан-Шуре и Дербенте. Так, в 1886 г. в Темир-Хан-Шуре их было 69 человек, а в Дербенте – 271 человек. Сведения по Петровску отсутствуют.

О социальной структуре городского населения Дагестанской области в 90-е годы XIX в. и в начале XX в., об изменениях, происходивших в социальном облике дагестанского города, о месте военных в городской структуре дают представление Обзоры Дагестанской области. Это статистические приложения к ежегодным отчетам военного губернатора Дагестанской области, издававшиеся в Темир-Хан-Шуре с 90-х годов XIX в. до 1917 года. Сведения по сословному составу городского населения давались не ежегодно, а за отдельные годы: 1896, 1899, 1902, 1904 и т.д.

Рассмотрим место военного сословия в структуре населения каждого из городов Дагестанской области [2].

Таблица № 1

Социальная структура населения Темир-Хан-Шуры
в 1896–1913 гг.

Наименование сословий	1896	1899	1902	1906	1908	1911	1913
I. Дворян:							
1. Потомственных	149	194	178	174	221	207	213
2. Личных	459	462	472	476	575	354	364
3. Беков	–	65	111	131	47	64	100

Наименование сословий	1896	1899	1902	1906	1908	1911	1913
4. Чанков	–	89	94	66	16	80	102
II. Духовенства							
Православного бел.	11	14	12	9	2	4	7
Армяно-григор.	4	8	7	3	1	3	3
Римско-католич.	1	1	1	1	1	1	1
Магомед-суннит.	4	–	13	15	21	2	6
шиитск.	7	–	7	8	11	9	5
Еврейско-шиитск.	13	13	16	13	12	24	33
III. Городских сословий							
1. Потомственных почетных граждан	7	33	81	114	71	68	75
2. Личных почетных граждан	62	124	195	143	88	88	132
3. Купцов	258	332	363	435	467	275	219
4. Мещан	1485	2678	3414	4295	3948	4918	5183
IV. Сельских сословий							
Крестьян государ-х и др. наименований	1510	1522	1257	1656	2623	2842	9864
Крестьян помещи-чьих	–	–	–	–	–	–	–
V. Военных сословий							
Регулярных войск	2395	2427	2610	2615	2854	2920	3914
Иррегуляр. войск	–	–	–	–	–	–	–

Наименование сословий	1896	1899	1902	1906	1908	1911	1913
Запасных нижних чинов	221	310	—	—	—	—	—
Бессрочно отпускных	—	—	—	—	—	—	—
Отпускных нижних чинов, солдатских жен и детей	528	551	—	—	—	—	—
VI. Иностранных подданных	394	252	334	531	573	878	614
Итого	7508	9089	9165	10688	11531	13787	20838

Из таблицы № 1 видно, что военное сословие в административном центре городе Темир-Хан-Шура было представлено регулярными войсками и запасными нижними чинами. Здесь были расквартированы Дагестанские конные полки. Если в 1896 г. военное сословие в Темир-Хан-Шуре составляло 3144 человека, то в 1913 г. оно достигло 3914 человек, т.е. увеличилось на несколько сот человек. Но если посмотреть, какую часть составляли военные в структуре городского населения, то вырисовывается следующая картина. В 1896 г. военные составляли 41 % горожан, а в 1913 г. – только 19 % [3].

Посмотрим, какое место занимали военные в структуре древнего торгово-ремесленного города Дербента. Русские военные появились в этом городе в 1806 г. после того, как в ходе русско-иранской войны Дербент де-факто был включен в состав Российской империи. Войну Россия выиграла, и по Гюлистанскому мирному договору 1813 г. Дербент де-юре стал частью России. С этого времени русский гарнизон располагался в крепости Нарын-кала. Расположенный в отдалении от театра военных действий Кавказской войны, Дербент, в отличие от Темир-Хан-Шуры и Петровска, вовлеченных в события войны, имел меньше

военных. Обзоры Дагестанской области показывают, сколько военных было в Дербенте в конце XIX – начале XX в. [4].

Таблица № 2

Социальная структура населения Дербента в 1896–1913 гг.

Наименование сословий	1896	1899	1902	1906	1908	1911	1913
I. Дворяне:							
1. Потомственные	208	224	226	240	215	236	64
2. Личные	545	722	716	716	715	724	292
3. Беки	–	345	344	491	670	504	450
4. Чанки	–	–	–	–	–	–	–
II. Духовенство:							
Православного бел.	7	19	10	10	8	9	8
Армяно-григор.	8	7	11	8	6	8	8
Римско-католич.	–	–	–	–	–	–	–
Магомет: суннит.	7	–	7	7	2	2	9
шиитск.	27	–	20	20	40	20	82
Еврейское	18	2	11	11	4	3	12
III. Городские сословия							
1. Потомственные почетные граждане	11	19	19	19	25	20	6
2. Личные почетные граждане	13	–	–	90	–	–	2
3. Купцов	255	153	123	–	100	90	40

Наименование сословий	1896	1899	1902	1906	1908	1911	1913
4. Мещан	12096	15582	16419	17167	19377	17667	18912
IV. Сельские сословия							
Крестьяне государственные и др. наименований	1103	–	–	–	–	–	–
V. Военные сословия							
Регулярных войск	1041	710	1055	974	1001	274	390
Иррегуляр. войск	–	30	–	–	–	–	–
Зачисленных ниж. чинов	167	306	–	–	–	–	–
Отпущенных ниж. чинов, солдат, жен и детей	62	116	–	–	–	–	–
VI. Иностранцев	82	275	–	–	–	–	–
VII Неизвестно	–	–	–	10024	13252	13159	13279
Итого	13650	18546	18958	29777	35415	32716	33554

Из таблицы № 2 видно, что в 1896 г. военные сословия в Дербенте составляли 1270 человек, или 9,3 % от городского населения. В 1913 г. число военных составило 390 человек или 1,2 % [5]. Налицо значительное сокращение количества военных и значительный рост сословия мещан.

Рассмотрим, какое место занимали военные в структуре городского населения Петровска с 1896 по 1913 г. Данные нами взяты из Обзоров Дагестанской области за соответствующие годы.

Таблица № 3

Социальная структура населения Петровска в 1896–1913 гг.

Наименование сословий	1896	1899	1902	1906	1908	1911	1913
I. Дворян:							
1. Потомственных	170	182	239	153	148	302	311
2. Личных	88	99	247	300	293	321	341
3. Беков	–	–	–	–	–	–	–
4. Чанков	–	–	–	–	–	–	–
II. Духовенства:							
Православного бел.	4	22	24	33	36	28	29
Армяно-григор.	2	12	5	6	6	6	6
Римско-католич.	–	–	–	–	–	–	–
Магомет: суннит.	4	–	8	4	11	15	15
шиитск.	2	–	4	12	10	2	5
Еврейского	4	7	–	9	4	12	13
лютеранского	–	–	4	–	–	–	–
III. Городских сословий							
1. Потомственных почетных граждан	33	87	46	22	31	90	113
2. Личных почетных граждан	–	37	83	46	51	125	145
3. Купцов	64	214	336	285	307	404	437
4. Мещан	1919	3590	3291	5855	3077	5966	6074
IV. Сельских сословий							
Крестьян государ-х и др. наименований	5412	3663	5729	7154	7309	11135	12513
V. Военных сословий							

Наименование сословий	1896	1899	1902	1906	1908	1911	1913
Регулярных войск	1020	1563	1624	1557	1367	4173	1544
Запасных ниж. чинов	994	560	–	–	–	–	–
Отпускных нижних чинов, солдат, жен и детей	–	–	–	–	–	–	–
VI. Иностр. подданных	1025	792	1807	2532	3015	2390	2502
Итого	10741	10846	13447	17968	18103	22068	24048

В Петровске наблюдается та же картина, что и в Дербенте и в Темир-Хан-Шуре – количество военных в городе уменьшается количественно: с 24048 человек до 1544 человека. Уменьшается также доля военных сословий в структуре населения Петровска с 19 % в 1896 г. до 6,4 % в 1913 г. [6].

Сведем данные о количестве военных в городах области в одну таблицу и покажем их долю среди горожан [7].

Таблица № 4

Военное сословие в городах Дагестанской области в 1896 и в 1913 гг. по данным Обзоров Дагестанской области

	Дербент				Петровск				Темир-Хан-Шура			
	1896	%	1913	%	1896	%	1913	%	1896	%	1913	%
Все население	13650	100	33554	100	10741	100	24048	100	7508	100	20838	100
Военное сословие	1270	9,3	390	1,2	2014	19	1544	6,4	3144	41	3914	19

Из трех городов Дагестанской области больше всего военных было в административном центре городе Темир-Хан-Шура. Они составляли более 40 % в конце XIX в., а в 1913 г. – почти пятую часть горожан. Темир-Хан-Шура была городом военных и чиновников областной администрации. Несколько меньше военных было в Петровске. Если в конце XIX в. они составляли почти пятую часть городского населения, то

в 1913 г. всего 6,4 %. Меньше всего военных было в Дербенте, к 1913 г. они составляли чуть больше 1 % горожан.

Если брать долю военных в социальной структуре городского населения в целом по Дагестанской области, то в 1896 г. она составляла 18,8 %, а в 1913 г. всего 7,4 % [8].

Таким образом, налицо была тенденция превращения городов из бывших русских военных укреплений, с большим количеством военного населения, в торгово-промышленные центры с преобладанием городских сословий. В городах открывались лавки, магазины, трактиры, ремесленные мастерские, промышленные предприятия. Крестьяне из горных округов привозили сельскохозяйственную и ремесленную продукцию на городские рынки. Здесь они покупали фабрично-заводские изделия. Владикавказская железная дорога, пришедшая в 90-е годы XIX в. через города Петровск, Дербент, а позже и через Темир-Хан-Шуру, ускорила их социально-экономическое развитие. Наступил новый этап в истории развития городов Дагестанской области, прошедших сложный путь от бывших русских военных укреплений до экономических и культурных центров области.

Примечания

1. Центральный государственный исторический архив Азербайджанской Республики Ф. 43. Оп. 2. Д. 7268. Л. 15 об.

2. Таблица № 1 составлена нами по материалам Обзоров Дагестанской области за соответствующие годы.

3. Проценты выведены нами на основании данных таблицы № 1.

4. Таблица № 2 составлена по материалам Обзоров Дагестанской области за соответствующие годы.

5. Проценты выведены нами на основании данных таблицы № 2.

6. Проценты выведены нами на основании данных таблицы № 3.

7. Таблица № 4 составлена нами на основании данных таблиц № 1-3.

8. Подсчеты произведены нами на основании таблиц № 1-3.

*Л.О. Самсонова
(г. Краснодар, Россия)*

Забывшие герои военной истории XIX в.: И.И. Дибич

Статья посвящена самым первым шагам по ступеням военной карьеры полководца XIX в. И.И. Дибича-Забалканского, современника Российских Императоров Александра I Благословенного (1801–1825 гг.) и Николая I (1825–1855 гг.).

Военная история XIX в. помнит немало блестящих русских полководцев и флотоводцев, чьи имена были на устах советских солдат и офицеров в годы Великой Отечественной войны: Кутузов, Багратион, Ушаков, Нахимов и другие. Однако советская история незаслуженно оставила в тени имена полководцев первой половины XIX века: Дибича Ивана Ивановича (Забалканского) и Паскевича Ивана Фёдоровича (Эриванского), связав их деятельность только с образом Императора Николая I, к которому прочно советские историки прикрепили псевдоним «Палкин», сведя практически на нет и с отрицательным смыслом его внутреннюю политику. Хотя мало кто помнит, что в XIX веке Императора Николая I называли Незабвенным.

За проводимую внешнюю политику Николая Павловича называли «жандармом Европы». Поскольку проводником его внутренней и внешней политики считали генерал-фельдмаршала И.И. Дибича, к тому же по национальности немца, то понятно, почему его имя было предано забвению на всём протяжении существования СССР. К тому же И.И. Дибич участвовал в следствии по делу декабристов и твердо занял сторону Императора Николая I, выражавшуюся в том, что эти люди – закоренелые государственные преступники.

В дореволюционной России имелось выверенное историей мерило военной славы – императорский Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия, учреждённый Императрицей Екатериной II в 1769 г. Он давался исключительно за личные заслуги на поле брани. За 149 лет существования этой награды только четыре человека обладали орденами Святого Георгия всех его 4-х степеней: это были М.И. Голенищев-Кутузов, М.Б. Барклай-де-Толли, И.И.

Дибич и И.Ф. Паскевич [1]. А.В Суворов обладал Георгиями только трёх высших степеней, так как сразу был награждён орденом 3-й степени, минуя низшую, 4 степень [2]. Но полководцам эпохи Императора Николая I не повезло после октябрьских событий 1917 г.

Им, героям Отечественной войны 1812 г. и последующих Заграничных походов русской армии против наполеоновской Франции, выигравшим для России русско-турецкую 1828–1829 гг. и русско-персидскую 1826–1828 гг. войны было поставлено в вину очень многое. Это участие в подавлении Польского восстания 1830–1831 гг., Венгерской революции 1849 г., командование царскими войсками на Кавказе против горцев, и, наконец, то, что они оказались с декабристами по разные стороны баррикад.

Иванъ Ивановичъ Дибичъ.
Съ гравюры Райта, сдѣланной съ портрета Доу.

Дибич принадлежал к древней дворянской фамилии Силезии. Отец Ивана Ивановича Дибича – барон Ганс Эренфрид фон Дибич-Норден, участник Семилетней войны (1756–1763 гг.), один из адъютантов прусского короля-полководца Фридриха

II Великого [3]. 1 мая 1785 г. в семье Дибича-старшего родился ещё один сын, Иоганн-Карл-Антон, который должен был пойти по стопам отца [4].

С юности Дибич-младший отдавал предпочтения таким наукам, как география, военное дело, математика. В 1797 г. двенадцатилетний юноша был зачислен в Берлинский кадетский корпус [5]. Дибич-младший вскоре обращает на себя внимание начальства Берлинского кадетского корпуса за особую даровитость. Начальство строило планы, что в будущем, очень скоро, прусская армия пополнится блестящим офицером. Но этот офицер выбрал Россию. Россия обязана будущим блестящим полководцем Императору Павлу I.

Государь Павел I принял на службу Дибича-старшего в чине подполковника, так как служба последнего в прусской армии представлялась этому офицеру бесперспективной. По просьбе Императора Павла I, который напрямую лично обратился к монарху Пруссии, Дибич-младший был уволен с прусской королевской службы и прибыл в Россию в 1801 г. По прибытии на новую родину он стал именоваться Иван Ивановичем Дибичем.

Дибич-младший выбрал для службы лейб-гвардии Семеновский полк. Тогда ему было только 17 лет и он очень быстро выучил русский язык. Через принца Евгения Вюртембергского, воспитателем которого был Дибич-старший, Дибич-младший был представлен к Императорскому двору. Дибич-старший наставлял Евгения Вюртембергского и своего сына правилам поведения при Царском дворе [6].

Император Павел I в русской армии нещадно насаждал прусские порядки, что многим не нравилось. Очень странным выглядел Указ о запрете находиться на военной службе всем, кто носит очки. Барон Дибич-младший от рождения был росту самого малого, и в результате был переведен из гвардии в полевую армию за «неприличие и уныние во фронте наводившую фигуру» [7]. Правда такой перевод-наказание за малый рост длился самое непродолжительное время.

Начало собственно боевой службы Дибича-младшего относится к 1805 г. В это время шла война Австрии, России против наполеоновской Франции. Дибич-младший, для которого сра-

жение под Аустерлицем, (иначе в истории называющееся как «битва трех императоров») стало боевым крещением, был ранен в этом сражении, однако остался в строю до самого конца битвы. Этот поступок отметил Император Александр I, по приказу которого Дибичу-младшему было вручено золотое оружие – шпага с надписью «За храбрость» [8]. К этому времени относится начало его дружбы с Денисом Давыдовым, которую они пронесли через долгие годы. Дибич-младший отличался педантичной немецкой пунктуальностью. Это пригодилось ему на штабной работе, и в 1807 г. его прикомандировывают к квартирмейстерской части русской действующей армии.

2 июня 1807 г. Дибич-младший участвует в сражении под Фридландом (Восточная Пруссия). Хотя это сражение и было проиграно и русская армия вернулась к собственным границам, Дибич блестяще показал себя, помня – что офицер – это пример для низших чинов. За доблесть, проявленную в ходе военной кампании 1806–1807 гг. штабс-капитан Дибич-младший был удостоен трех наград: оменов Св. Владимира, Св. Георгия 4-й степени и прусского ордена «За заслуги» [9]. И это в 22 года!

В 1810 г. Дибич-младший по примеру отца стал генштабистом в звании подполковника. Он назначается на должность дежурного штаб-офицера в первый пехотный корпус генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна. Служба шла успешно и в 1811г. Дибичу-младшему был пожалован чин полковника.

Начало Отечественной войны 1812г. Дибич-младший встретил в корпусе П.Х. Витгенштейна. Этот корпус прикрывал направление на Санкт-Петербург. Сражаясь под командованием П.Х. Витгенштейна, Дибич-младший познакомился с особенностями военного искусства прославленных французских маршалов Даву, Удино, Мея, Сен-Сира, Макдональда. После сражения под Полоцком 3-4 августа 1812 г. Дибич-младший получил генеральский чин [10]. Его мечта сбылась: он стал генералом в 28 лет.

В списках русской армии он значился среди генералитета Российской империи Иван Иванович Дибич 2-й. В очередной раз отличился Дибич-младший при штурме и взятии Полоцка 6–7 октября 1812 г. После успеха русского оружия под Полоцком разноплеменная армия Императора Наполеона

стремительно разбежалась по пути отступления. Среди пленных наполеоновской армии оказалось немало немцев. Дибич-младший сформировал из них особую воинскую команду – «Немецкий легион» на добровольной основе. Однако большой пользы от этого «Немецкого легиона» не наблюдалось.

Император Александр I высоко оценил заслуги Дибича-младшего в сражении на берегах Березины (15 октября 1812 г.). Иван Иванович был награждён орденом Святой Анны I степени и золотой шпагой, украшенной алмазами [11]. После Березины И.И. Дибичу командование русской армией доверило самостоятельное руководство авангардным отрядом в декабре 1812 г. После того, как Отечественная война завершилась, и Император Александр I подписал Манифест 25 декабря 1812 г. о её окончании, военные действия были перенесены на территорию европейских государств, захваченных Наполеоном. И.И. Дибич преследовал на земле Восточной Пруссии знаменитых прусских генералов Вартенбурга, Массенбаха, Клейста.

Во время заграничного похода русской армии с боями дошел до Берлина. 20 февраля 1813 г. он вступил в столицу Пруссии. Прусское королевство выступило на стороне антинаполеоновской коалиции. Отечественная война 1812 г. окрылила генерал-майора Дибича. Он уже дважды Георгиевский кавалер и обладатель двух наградных клинков, становится признанным военачальником.

Прусский король Фридрих Вильгельм III наградил молодого генерала союзников по антифранцузской коалиции орденом Красного орла I класса [12]. Он хотел видеть И.И. Дибича в рядах своей армии, но тот остался верен клятве на верность Русскому Императору. А Отечеством для него теперь навсегда стала Россия.

Вскоре 28-летний Дибич-2-ой занял новую должность – генерал-квартирмейстера союзных армии России и Пруссии. Этот пост давал ему возможность входить в состав высшего военного командования вооруженных сил государств антинаполеоновской коалиции. Он всё чаще появляется в окружении Императора Александра I. В ходе заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. Дибич-младший стал влиятельным царедворцем. Государь Александр I часто прислушивал-

ся к советам Дибича-младшего, который убедительно оспаривал мнения известных прусских и австрийских военачальников. Таким образом, происходило утверждение И.И. Дибича в кругу высшего военного командования союзных армий. При этом он осознал непреложное правило: лучшая рекомендация для личности военного вождя – это одержанная на войне победа. Пример тому – Бауценское сражение 8–9 мая 1813 г., состоявшееся в Саксонии. Здесь встретились русско-прусская армия под командованием генерала П.Х. Витгенштейна и французская армия Наполеона. Сражение длилось два дня, но никто не добился решающего успеха.

В сложившейся ситуации И.И. Дибич посоветовал П. Витгенштейну отойти от Бауцена, перегруппировать свои войска, и заключить перемирие с Наполеоном на 2 месяца [13]. Русская армия получила передышку. Одновременно генерал-майор барон И.И. Дибич участвует в переговорах с Австрией, подневольной союзницей Франции. Переговоры завершились большой бескровной победой дипломатов России и Пруссии. Австрия разорвала отношения с Парижем и её войска выводились из французского подчинения. В результате в Европе образуется шестая антифранцузская коалиция в составе России, Пруссии, Австрии, Англии, Швеции. Австрийский фельдмаршал Карл Филипп Шварценберг становится главнокомандующим союзной русско-австро-прусской армией.

После временной передышки боевые действия в Европе развернулись с новой силой. Дибич участвует в Дрезденском сражении 14–15 августа 1813 г.. Сражение было проиграно антифранцузской коалицией, но русского генерала невозможно было упрекнуть в трусости. Он был контужен, под ним были убиты две лошади, но Иван Иванович до конца боя руководил своими войсками.

Такое же мужество он проявил в сражении при Кульме (сейчас Хлумец в северо-западной части Чехии). Родной для генерала Дибича-младшего лейб-гвардейский Семеновский полк вместе с Преображенским удостоился за это сражение почетных Георгиевских знамен. За Кульмское сражение Дибич-младший был награждён орденом Св. Владимира 2-й степени [15].

В исторической «Битве народов» под Лейпцигом (4–7 октября 1813 г.) Дибич-2-й вновь отличился. За его заслуги в этой битве главнокомандующий союзников князь К.Ф. Шварценберг снял со своего фельдмаршальского мундира орден Марии Терезии Малого креста и надел его на грудь маленького (ростом), запыленного с ног до головы, с красными от бессонницы глазами, русского генерала [16]. Другой благодарности у полководца Австрийской империи просто не нашлось. Император Александр I произвел Дибича-младшего в очередное воинское звание – генерал-лейтенанта. Дибич-младший после сражения под Лейпцигом получил в командование легкую кавалерийскую дивизию и гренадерскую бригаду. Он действует самостоятельно от главной союзной армии. Овладел французским городом-крепостью Седаном на самом востоке Франции, затем населенными пунктами Макалонне и Монмирале.

Союзникам надо было войти в Париж, но для этого требовалась политическая воля, так как войска на чужой территории – это риск встречи с народом и партизанским движением. 12 марта 1814 г. Государь Александр I созвал негласный военный совет из старших начальников русской армии: М.В. Барклай-де-Толли – командующего русской армией в составе союзной, П.М. Волконского – начальника штаба при российском монархе, К.Ф. Толя – генерал-квартирмейстера русской армии и И.И. Дибича – командира отдельного сводного отряда. Вопрос, стоявший на повестке дня, звучал: «Должно ли, по соединении наших армий, атаковать Наполеона или идти на Париж»? Дибич, как самый младший должен был высказаться первым. Дибич-младший предложил «сделать покушение на Париж, к которому Наполеон не успевал прийти на помощь» [17]. Это предложение было принято.

Поход на Париж в 1814 г. оказался удачным. 19 марта союзные войска вступили в Париж; вступление было триумфальным. Свидетель тех исторических событий Жильбер Стенже писал: «Толпы бросались чуть ли не под ноги лошадей, приветствуя монархов как освободителей» (во главе их ехал на белом коне российский Император Александр Павлович) [18].

Дибич оказался среди ближайших советников Государя России и других европейских монархов, когда шло рассмотрение вопроса об организации управления побежденной Франции. Еди-

ногласно было решено, что в ней восстанавливалась королевская власть Бурбонов. Александр I оказался в Париже крайне щедр на награды, чем не отличался в ходе Отечественной войны 1812 г. И.И. Дибич был награжден одним из старейших орденов Российского государства – Святого Александра Невского. Дибич всё больше завоевывал доверие Императора Александра I, приближенные Государя стали называть его большим царедворцем.

В 1814 г. Наполеон был сослан на остров Эльба у берегов Италии. Но уже в 1815 г. Бонапарт бежал с острова и неожиданно высадился на юге Франции, победоносно вступил в Париж, вернув себе власть Императора. В ходе своих знаменитых «Ста дней» он начал войну против недавних своих победителей. И.И. Дибич был послан во второй раз штурмовать Париж в должности начальника штаба 1-й русской армии. Однако армия не успела принять участие в решающем сражении при Ватерлоо близ Брюсселя. После поражения при Ватерлоо Наполеона сослали на далекий атлантический остров Святой Елены, где он и умер в 1821 г.

Россия и русская армия оказались среди главных победителей Франции. Подводя итог роли и участия Дибича-младшего в антифранцузских коалициях, в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии 1813–1814 гг., следует отметить, что именно в это время происходит его становление как военного талантливой полководца, искусного царедворца, дипломата.

Эти успехи объясняются в немалой степени прусской педантичностью, пунктуальностью, что было сразу же замечено русским командованием. Любовь к новой родине – России, знание русского языка, военный долг перед своей новой Отчиной – все эти факторы, способствовали быстрому и стремительному взлету карьеры И.И. Дибича-младшего, который уже к своим 28 годам дослужился до звания генерал-лейтенанта и был награжден личными боевыми отличиями. Дибич-младший показал себя на войне умелым организатором-генштабистом русской армии и талантливым тактиком.

Примечания

1. *Шишов А.В.* Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. М., 2001. С.3.

2. Там же. С.4.
3. *Шишов А.В.* 100 великих военачальников. М.,2000. С.45.
4. Там же.
5. *Шишов А.В.* Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. С. 8.
6. *Шишов А.В.* Во славу русского оружия. М.,1993.С.47.
7. *Шишов А.В.* Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. С.12.
8. Там же. С.14.
9. Там же. С.16.
10. *Шишов А.В.* Во славу русского оружия. С.48.
11. Там же.
12. *Шишов А.В.* Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. С.30.
13. *Шишов А.В.* Империя. М.,1998. С.78.
14. *Рубцов Ю.В.* Их подвигами дивился мир. М.,1997. С.35.
15. *Шишов А.В.* Русские генерал-фельдмаршалы Дибич-Забалканский, Паскевич-Эриванский. С.34.
16. Там же. С.35.
17. Там же. С.36.
18. *Шишов А.В.* Наполеон I: «Русские стяжали право быть непобедимыми» // Военно-исторический журнал. 1997. № 5. С.56.

В.В. Кондусов
(г. Краснодар, Россия)

Военная и государственная деятельность генерала Е.А. Головина

На Черноморском побережье Краснодарского края имеется курортный посёлок Головинка. Отдыхающие здесь россияне мало задумываются о том, что посёлок получил своё наименование от находившегося здесь некогда укрепления

Черноморской береговой линии, названного в честь командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии Е.А. Головина. Между тем этот крупный военный и государственный деятель внёс немалый вклад в развитие Кавказа и других национальных окраин Российской империи.

Евгений Александрович появился на свет в 1782 г. в родовом селе Купрове, расположенном в 120 верстах от Москвы. Он был младшим из четырёх сыновей Александра Ивановича Головина и его супруги Екатерины Ивановны, урождённой Вельяминовой [1]. Отец военачальника принадлежал к смоленскому дворянскому роду. Этот род вёл своё происхождение от некоего знатного гетуэзца, прибывшего «из своей вотчины с Судака, да из Манкупа, да из Кафы» (Крым) ко двору Великого князя Московского Василия Дмитриевича в конце XIV в. и был назван князем Степаном Васильевичем. Е.А. Головин в частных разговорах иногда говорил о своём происхождении «от князей Манкупских». Но княжеский титул был придан в родословнике Головиных только Степану Васильевичу, который имел в Крыму почётный статус, приравненный в глазах русской знати княжескому, но без передачи потомкам. В княжеских родословных слово «князь» предшествует каждому имени, в выданной же Головину копии герба и родословной этого нет [2]. Сын Степана Васильевича Григорий Ховра князем в источнике не назван. Внук Степана Васильевича и сын Григория Ховры Иван получил прозвище Голова, поскольку его крестным отцом стал сам Великий князь Василий Васильевич, отец Царя Ивана III. От боярина Ивана Головы и пошла фамилия Головиных.

Родители постарались дать четырём братьям Головиным хорошее образование. Евгений с братом Николаем воспитывался в Московском университетском пансионе, где оба получили серебряные медали «за благонравие и прилежание к наукам». Затем они слушали лекции в Московском Императорском университете. Здесь юноша получил знания по русской словесности, математике, истории и географии. Обучали его и военным наукам: военному искусству, полевой фортификации, картографии. Кроме русского языка, на котором Головин «говорил и писал с замечательными изящностью, точностью и силою выражения», он в совершенстве овладел немецким и французским языками.

Однако окончить университет Евгений не успел, поскольку 4 апреля 1797 г. в 15-летнем возрасте становится подпрапорщиком гвардейского Преображенского полка. Один из первых биографов Е.А. Головина историк Ю.В. Толстой писал, что будущий генерал «первые впечатления своей юности вынес из великого века Екатерины Великой, хотя начало его служебного поприща относится уже ко времени преобразования Российского общества Императором Павлом I». Этим историк объяснял «сочетание в Головине с одной стороны многосторонней и вполне основательной образованности, которая была отличительным свойством офицеров Екатерининских, с другой – неумолимого педантизма в соблюдении воинских артикулов, изучение коих считалось впоследствии достаточным для всех чинов военного сословия, начиная от солдата и до генерала» [3].

Е.А. Головин

Тем не менее, служба в павловской гвардии, по-видимому, показалась молодому офицеру чересчур обременительной, поэтому спустя 8 месяцев Головин оказался в мундире прапорщика Могилёвского гарнизонного батальона. В начале 1799 г. он уже штабс-капитан и следует в свой первый военный поход в составе команды, предназначенной для укомплектования

русских войск в Италии под командованием А.В. Суворова. Отряд проследовал через австрийские владения до Праги, но Головину не суждено было начать боевой путь под знамёнами великого русского полководца: русские войска были отозваны Императором Павлом I. Однако в конце 1801 г. он был переведён в славный Фанагорийский полк [4], который впоследствии, по приказу Императора Николая I станет носить имя Суворова. Так или иначе суворовское наследие оказывало воздействие на формирование Е.А. Головина.

Первым боевым крещением Головина стало участие в Аустерлицком сражении. Произведённый незадолго до этого в майоры, он находился в этом сражении в составе колонны Ланжерона, подвергшейся яростным атакам французов. В этом бою Головин был ранен пулей в ногу и за оказанную храбрость удостоился ордена Св. Анны 4-й степени [5].

С началом русско-турецкой войны 1806–1812 г. Е.А. Головин в составе Фанагорийского полка принимает участие в походах в Молдавию и под крепость Браилов. В бою у Праценских высот он получил две раны штыком. Нога требовала серьёзного лечения и Головин вынужден был уволиться из армии с чином подполковника, мундиром и пенсией. Но спустя два года он вновь просит зачислить его в ставший родным полк. Фанагорийцы в это время участвовали в блокаде русскими войсками крепости Шумлы, где осаждёнными командовал сам Великий визирь. Е.А. Головин неоднократно возглавлял контратаки против вылазок осаждённых турок. За храбрость, оказанную в штурме укрепленного турецкого лагеря при селении Батынь Е.А. Головин был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. 1 января 1811 г. он становится командиром Фанагорийского полка и участвует в движении Молдавской армии к Днестру.

Отечественную войну 1812 г. Фанагорийский полк встретил во 2-й Западной армии. При яростной обороне фанагорийцами Багратионовых флешей в Бородинском сражении Головин был вновь ранен, «за отличие, им оказанное», 21 ноября был произведён в полковники. Строя он не покинул, и во время отступления русской армии от Москвы находился в арьергарде, где сдерживал натиски конницы Мюрата.

6 октября 1812 г. Е.А. Головин участвовал в разгроме Мюрата под Тарутиным, 12–13 октября – в сражении под Малоярославцем, 6 ноября – в сражении под Красным. 1 января 1813 г. Евгений Александрович переправился со своими храбрыми фанаторийцами через Неман. За храбрость в сражении под Люценом был награждён орденом Св. Владимира 3-й ст. Затем были сражения под Бауценом и Рейхенбахом, при селении Гейерсберг, наконец, знаменитая «битва народов» под Лейпцигом, где раненый в руку навывлет Головин не оставил поля боя, и фанаторийцы штыковой атакой выбили французов из укрепленного строения. За отличие 20 июля 1814 г. Е.А. Головин был пожалован чином генерал-майора и вошёл вместе с победоносными войсками в Париж.

После окончания войны Е.А. Головин командовал 2-й гренадёрской бригадой, Лейб-Гвардии Егерским полком, 1-й бригадой 2-й гвардейской пехотной дивизии. Он женился на дочери сенатора, литератора и переводчика П.И. Фонвизина, младшего брата известного русского драматурга Дениса Фонвизина, Елизавете Павловне. У Головиных родились двое сыновей и две дочери: Павел, Сергей (служивший впоследствии Сувалкским губернатором в Польше), Елизавета и Екатерина (вышла замуж за известного русского востоковеда и географа Я. В. Ханькова).

В это время происходят важные изменения в мировоззрении Е.А. Головина. Служба в гвардии была наполнена нервным перенапряжением, которому добавлялась массой интриг, воспринимавшихся генералом весьма болезненно. Нервные потрясения привели к тому, что в октябре 1823 г. он опасно заболел. Лечивший генерала штаб-лекарь Коссович был последователем близкого к хлыстам религиозно-мистического «Духовного союза» Е.Ф. Татариновой, которая была вдовой умершего от ран боевого товарища Евгения Александровича. Он привлёк к этому кружку хворавшего целый год и уже отчаявшегося выздороветь Головина. В числе посетителей кружка Е.Ф. Татариновой был знаменитый русский художник В.Л. Боровиковский, который своими произведениями религиозного содержания этого времени оказал сильное влияние на Головина. Генерал много времени стал проводить

в посте и молитве, стал строгим исполнителем религиозных обрядов, иногда делал непрерывно до 5 тыс. земных поклонов. Он резко похудел, поэтому окружающие стали считать его умирающим. Но подвергая себя посту и молитвам, кровопусканиям из ручных вен, которые практиковала Е.Ф. Татаринова, в течение года Евгений Александрович совершенно выздоровел. Его враги увидели в этом удобный повод дискредитировать генерала и довели до сведения Императора Александра I, что Головин «принадлежит к секте смешной и презрения достойной» [6].

Головина ожидали крупные неприятности, но 14 декабря 1825 г. вспыхнуло восстание декабристов. Оба полка 4-й гвардейской бригады, которой командовал Евгений Александрович, остались верны своему долгу: «своевременное приведение их к присяге самим Головиным воспрепятствовало переходу их на сторону бунтовщиков» [7]. Верность и порядительность командира гвардейской бригады обратила на себя внимание и Е.А. Головин был удостоен звания генерал-адъютанта. Тогда же ему был пожалован чин генерал-лейтенанта, а вскоре был награждён ещё орденом Св. Владимира 2-й степени [8].

Со своей бригадой генерал-лейтенант Е.А. Головин принял активное участие в русско-турецкой войне 1828–1829 гг. 16 сентября 1828 г. он блестяще отразил атаку турецких войск на высоте Куртепе в южных окрестностях Варны. За этот бой Головин был награждён золотой шпагой с алмазами с надписью «За храбрость». 18 сентября отличился при атаке укреплений турецкого лагеря. После взятия Варны 29 сентября 1828 г. Головин был назначен её комендантом. В борьбе со вспыхнувшей эпидемией чумы комендант Варны проявил энергию и мужество. Свои впечатления об этой войне и воспоминания о командовании южным блокадным корпусом Е.А. Головин опубликовал в 1837 г. на французском языке в Варшаве [9]. 6 апреля 1830 г. «за отлично-усердную службу и благоразумные распоряжения, оказанные в эту войну при исправлении должности военного начальника в Варне и военного генерал-губернатора Базарджикской и Бабадагской области, а потом Северной Румелии» военачальник был на-

граждён орденом Св. Анны 1-й ст., Императорскою короной украшенным.

С началом Польского восстания Е.А. Головин был назначен начальником 26-й пехотной дивизии и принимал участие в кампании 1831 г. против польских повстанцев. В конце мая 1831 года Е.А. Головин совершил удачную экспедицию в Беловежскую пущу. 2 июля, командуя авангардом под Минском, он сражался с отрядом Адальберта Хржановского. 16 августа солдаты Головина сошлись под селом Кзынки и у Мендзирежца с польским корпусом генерала Джироламо Ромарино. За эти заслуги 13 сентября 1831 года Е.А. Головин был награждён орденом Святого Георгия 3-го класса № 441. Кроме того, за польскую кампанию Е.А. Головин получил значительные денежные пожалования, «за ревностную и полезную службу» ему списали 40 тыс. руб. долгов по ссуде Государственного казначейства. Генерал был награждён знаком отличия Польского ордена «За военные достоинства» 2-й степени, стал кавалером Императорского ордена Белого Орла [10].

10 января 1834 г. Е.А. Головин был назначен Главным директором, председательствующим в правительственной комиссии внутренних и духовных дел и народного просвещения Царства Польского. В его обязанности входили внутреннее благоустройство края, охрана общественного порядка, экономическое развитие, состояние путей сообщения, здравоохранение и народное образование, проведение конфессиональной политики. В 1836 г. ему было поручено исправлять должность Варшавского военного губернатора, а в отсутствие Наместника председательствовать в Совете по управлению Царством Польским [11].

В Варшаве Е.А. Головин приложил немало усилий, чтобы залечить раны недавней войны и щадить при этом оскорблённое самолюбие поляков. Он восстановил здания Варшавы, разрушенные при штурме русской артиллерией, выплачивал компенсации пострадавшим, предоставлял льготы в платежах накопившихся недоимок обитателям Прагского предместья. Он укрепил берега Вислы, устроил по ним красивые бульвары. Росло число общественных больниц и богаделен. Разумными мерами Е.А. Головину удалось приобрести доверие римско-ка-

толического духовенства. Не случайно при отъезде Евгения Александровича из Варшавы Архиепископ преподнёс ему крест из горного хрусталя, богато обделанный золотом и осыпанный бриллиантами, в знак благодарности и уважения к нему польского духовенства. «Пример этот, – сообщает дореволюционный историк, – едва ли не единственный в летописях Римской Церкви, враждовавшей со всеми Христианскими вероисповеданиями, не признающими папской власти, и считающей Восточную Церковь схизматической, т.е. отпадшею» [12].

Благодаря Е.А. Головину в Польше были открыты новые обводные (уездные) училища и гимназии, в которых были введены дополнительные классы. За свою созидательную деятельность в Царстве Польском Е.А. Головин 6 декабря 1837 г. был награждён орденом Святого Благоверного Великого князя Александра Невского.

Успехи Головина в управлении национальной окраиной остановили на нём выбор Императора, когда встал вопрос о назначении нового Главноуправляющего на Кавказе. Генерал не сразу отправился к новому месту службы. Более трёх месяцев посвятил Евгений Александрович изучению в петербургских архивах сведений о неизвестном ему до того крае. Лишь 19 марта 1838 г. он прибыл в Тифлис. Особое внимание Е.А. Головин уделил устройству дорог и укреплений. Последние новый командующий стремился сделать «центрами русской гражданственности путём устройства школ и базаров». 15 декабря 1838 г. Е.А. Головин представил военному министру А.И. Чернышову рапорт, в котором оценивал политическую обстановку на Кавказе и определял ближайшие задачи политики российского правительства. Главными военными действиями в Дагестане по мысли Головина должны были стать захват Чирката, строительство в нём укрепления и разорение Ахульго – резиденции Шамиля [13]. Формулируя задачу, главнокомандующий исходил из реальных трудностей, вставших на пути продвижения России на Кавказе, а не из военно-стратегической и экономической важности того или иного региона [14]. Разделив войска на три отряда Головин начал действия по овладению бассейном р. Самур. В конце мая 1839 г. Головин усмирил восстание в Самурзаканском

округе и выдержал ожесточённый бой против лезгин на укрепленных Аджиахурских высотах [15]. «Ударом, нанесенным 30 мая мятежным скопищам лезгин под Аджиахуром, – писал один из участников событий, – вполне была достигнута желаемая цель: дрогнул и затих Южный Дагестан; борьба кончилась в трое суток и, несмотря на неприступность мест, незначительною для нас потерей. После победы под Аджиахуром буйные и надменные жители вольных обществ умоляли о пощаде и с хлебом и солью принимали победителей во всех своих селениях и в самой Ахте <...>, в Ахте и на позиции Аджиахурской для упрочения владычества нашего на будущее время в этой нагорной стране возведены два укрепления и проложен кратчайший путь чрез хребет Кавказа, по которому разъезжает уже конная почта для постоянного сношения Грузии с Кубою и Дербентом» [16]. 1 июля 1839 г. Е.А. Головину был пожалован чин генерала от инфантерии.

Закладкой Ахтинского и Тифлисского укреплений он положил начало укрепленной Самурской линии. Но затем последовал ряд неудач: восстание в Чечне ему подавить не удалось. Влияние Шамиля не поколебалось и после поражения, нанесенного ему Е.А. Головиным на Хубарских высотах (18 мая 1841 года).

Определённые наступательные действия генерал предпринял и на Северо-Западном Кавказе. Сегодня набережную Новороссийска украшает величественный монумент с фигурами трёх его основателей: адмиралов М.П. Лазарева и Л.М. Серебрякова, генерала Н.Н. Раевского-младшего. Однако именно Е.А. Головин в мае 1838 г. заложил порт Новороссийск [17]. При Головине началось устройство новой укрепленной линии и возведение казачьих станиц на р. Лабе, которое возглавил его сподвижник генерал Г.Х. Засс.

О результатах своей деятельности в Закавказье Е.А. Головин впоследствии напишет: «За Кавказом внутренние беспорядки в военном смысле совершенно прекращены; мусульманские провинции успокоены; если же по временам случаются на дорогах грабежи и разбои, то это есть следствие худого устройства земской полиции, а может быть, недостатка и самых полицейских наших наставлений. В Абхазии водворено согласие, достоинство владельца возвышено <...>, а тем самым край этот

более и более за нами обозначается» [18]. Много внимания корпусный командир уделил развитию здесь системы народного образования. За свою плодотворную деятельность в Закавказье Е.А. Головин был награждён орденом Св. Владимира 1-й степени [19]. В честь командующего до революции называлась главная улица Тифлиса – Головинский проспект.

Е.А. Головин в большей степени, чем предшественники, оказался связанным инструкциями, составленными в Петербурге. «При характере Николая Павловича, – писал А.М. Дондуков-Корсаков, – трудна была борьба с его убеждениями. Таким образом составлялись ежегодно программы военных действий на Кавказе, где до мельчайших подробностей назначались даже части войск, имевших принимать участие в экспедициях. Тогдашние корпусные командиры, такие как Головин <...>, лишённые самостоятельности, под гнётом всемогущего в то время военного министра Александра Ивановича Чернышова, должны были слепо исполнять заданную программу. Редко когда возражения их против того или другого неправильного действия были принимаемы в уважение» [20].

Вместо действительного руководства делами генерал оказался по сути в должности интенданта, выполнявшего распоряжения своего формального подчинённого генерала П.Х. Граббе. Интриги Граббе привели к формированию соперничающих группировок в командовании корпуса. Граббе добился права «действовать независимо от распоряжения корпусного начальства» [21], а после составления и утверждения его собственного «Проекта покорения горских племён» фактически подменил собой корпусного командира. Такую же независимую политику вёл на Черноморской береговой линии генерал Н.Н. Раевский.

В.С. Толстой писал в своих воспоминаниях: «Граббе и Раевский гласно стали провозглашать, что сам Государь признаёт их равными Корпусному командиру! в следствие чего Граббе отстранил от себя власть Корпусного Командира, фактически отделяясь от него, а Раевский с циническою наглостью стал официально поднимать на смех повеления Граббе и Головина, отвечая на их формальные бумаги едкими и колкими насмешками» [22]. По мнению В.С. Толстого,

«все эти обстоятельства, добавленные к прежним опалам, окончательно сломили природную непреклонную энергию Головина и он письмом Государю просил увольнения от просимого им места, что и получил» [23]. К концу своего пребывания в должности командующего Отдельным Кавказским корпусом Головин стал высказываться в пользу «осадной» системы, предполагая, вслед за А.П. Ермоловым, сочетать её с периодическими временными операциями наступательного характера [24]. По окончании возведения на реке Сулак Евгениевского укрепления, названного так по Высочайшему повелению в честь Головина, в октябре 1842 г. Евгений Александрович был уволен «в отпуск».

Полтора года он провёл на лечении за границей. Но 28 мая 1845 г. его вновь призвали на службу. Е.А. Головин был назначен Рижским военным, Лифляндским, Курляндским и Эстляндским генерал-губернатором. Он способствовал широкому распространению в Прибалтике русского языка и православия. После трёхлетнего управления краем 1 января 1848 г. Головин был назначен членом Государственного совета.

Во время Крымской войны в 1855 г. смоленское дворянство избрало генерала Головина начальником Смоленского ополчения. Е.А. Головин сформировал и отвёл ополчение для соединения с Южной армией. Здоровье генерала было к этому времени сильно подорвано. 28 июня 1858 г. он скончался в своём имении.

Таким образом, основные этапы военной и государственной деятельности генерала Е.А. Головина непосредственно связаны с активной внешней политикой России в Европе, на Балканах и на Кавказе, а также со сложными процессами интеграции национальных окраин в единое этнокультурное пространство империи. Е.А. Головин внёс свой посильный вклад в эту созидательную работу, в развитие экономики и инфраструктуры отдельных провинций, способствовал решению важнейших стратегических задач российской государственности, сближению наших народов.

Примечания

1. Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин // Кавказцы или подвиги и жизнь замечательных лиц,

действовавших на Кавказе / Под ред. С. Новосёлова. СПб., 1859. Вып. 37–47. С. 1.

2. Толстой Ю.В. Очерк жизни и службы Е.А. Головина // Деятельный век. Исторический сборник, издаваемый Петром Бартеневым (издателем «Русского архива»). М., 1872. Кн. 1. С. 1.

3. Там же.

4. 11-й гренадёрский Фанагорийский генералиссимуса князя Суворова Итальянского полк

5. Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин. С. 2.

6. Там же.

7. Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 10.

8. Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин. С. 7.

9. См.: Journal des operations militaires du corps detache sous les orders de l'aide-de-camp general Golovine, du cote meridional de la forteresse de Varna, depuis le 28 Aoûl jusq'au 11 septembre 1829. Varshava, 1837.

10. Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин. С. 74.

11. Толстой Ю.В. Указ. соч. С. 43.

12. Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин. С. 80.

13. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссией (АКАК): В 12 т. Тифлис, 1885. Т. IX. № 245. С. 233.

14. Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа на пути к цивилизации. М., 2004. С.354.

15. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф. ВУА. Оп. 1. Д. 18488. Л. 10-11.

16. Там же. Л. 11.

17. Залесский К.А. Головин Евгений Александрович // Отечественная история. История России с древнейших времён до 1917 года. Энциклопедия. Т. I. А-Д. М., 1994. С. 581

18. Очерк положения военных дел на Кавказе с начала 1838 по конец 1842 года (Записка, составленная генералом Головиным и напечатанная им в 1846 году в Риге, в самом ограниченном числе экземпляров) // АКАК. Т. IX. С. 306.

19. Генерал от инфантерии Евгений Александрович Головин. С. 150–151.

20. *Дондуков-Корсаков А.М.* Мо воспоминания. 1845–1846 // *Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века.* СПб., 2000. С. 413.

21. *Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008. С. 167.

22. *Толстой В.* Биографии разных лиц, при которых мне приходилось служить или близко знать // *Родина. Российский исторический иллюстрированный журнал.* 2000. № 1–2. С. 74–75.

23. Там же. С. 75.

24. *Дегоев В.В.* Большая игра на Кавказе: история и современность. М., 2003. С. 173.

Э.Г. Вартамян
(г. Краснодар, Россия)

Армянские офицеры на службе Российской империи в XIX в.

Статья посвящена воинской славе плеяды офицеров, доблестно и честно служивших Российской империи, на примере рода Лазаревых-Абамелек и Валериана Мадатова. Выбор фамилий обусловлен стремлением продемонстрировать службу во благо России выходцев их разных социальных условий (впоследствии получивших права дворян) – крупного купечества (род Лазаревых), духовенства (род Абамелек), крестьян (В. Мадатов), своими ратными подвигами способствовавших победам российского оружия на полях сражений.

Семья Лазаревых переехала в Россию из иранского города Новая Джульфа в первой половине XVIII в. и обосновалась в Астрахани. К середине XVIII в. Лазаревы переехали в Москву, затем в Петербург, а в 1774 г. получили права потомственных российских дворян [1].

Два поколения семьи Лазаревых были тесно связаны с освободительным движением армянского народа, а Иван Лазаревич Лазарев стал одним из его признанных руководителей. Он был «в частых и близких отношениях» с влиятельными российскими царедворцами – «...Орловыми, с ... Потемкиным-Таврическим, с ... Безбородко, с ...Вяземским, с ...Зубовым и другими сановниками, в том числе с князем Суворовым-Италийским и с графом Румянцевым-Задунайским» [2]. С Иваном Лазаревым дружил известный государственный деятель России Михаил Михайлович Сперанский (1772–1839). Причём, в годы невзгод для М.М. Сперанского, когда его выслали из Петербурга, Лазаревы продолжали поддерживать с ним добрые отношения, навещали его в Перми, о чём после возвращения из ссылки М.М. Сперанский не забывал и покровительствовал семейству Лазаревых [3].

Сравнительно немногочисленные армянские фамилии Петербурга и Москвы, особенно дворянская верхушка, были тесно связаны между собой родственными узами. Наиболее близкими родственниками Лазаревых были князья Абамелек, Аргутинские, Деляновы и др. В 1871 г. скончался последний из мужского поколения рода Лазаревых – Христофор Екимович (1789–1871) и фамилия Лазаревых специальным указом от 1873 г. была передана генерал-майору Семёну Давыдовичу Абамелек, женатому на дочери Христофора Екимовича Лазарева, т.е. Высочайше было дозволено принять фамилию тестя и именоваться впредь преемственно князем Абамелек-Лазаревым [4]. Братья Абамелек – Иван, Давид, Захарий, Георгий, Александр и Пётр были приняты на российскую службу, избрав военное поприще.

Упоминание об Абамелеках встречается в летописях с 1421 г., когда древний армянский род обосновался в Грузии. Родоначальником династии считается духовное лицо – священник Тер-Симон, родившийся в 1743 г. «Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа», как важный и обязательный факт, сообщает о женитьбе Давида, внука картли-кахетинского Царя Ираклия II, на дочери армянского иерея Тер-Симона, а «Русская родословная книга» подтверждает, что «старший сын последнего Царя грузин-

ского женился при жизни отца своего на Елене Семеновне Абамелик». По случаю этой свадьбы, которая состоялась в январе 1800 г., армянский священник «получил достоинство тавади...». В России титул тавади был приравнен к титулу князя [5].

В период Отечественной войны 1812 г. армяне России проявили глубокий патриотизм, а высшие офицеры и генералы – Абамелек, Аргутинские, Ахшарумов (известен как первый историк Отечественной войны 1812 г.), Лазаревы и др. – прославились [6].

Иван Абамелек (1768–1828) – боевой офицер, большую часть жизни провел на армейской службе, служил начальником арсеналов в Киеве и Петербурге, ездил в Берлин для изучения отливки пушек и дослужился до звания лейб-гвардии артиллерии генерал-майора [7]. Принимал участие в кампаниях 1805 г., сражался под Аустерлицем, в 1807 г. – при Гутштадте, Гельзберге и Фридланде. Полковником 26 августа 1812 г. противостоял французам на Бородинском поле. Участвовал в заграничных походах русской армии и 18 марта 1814 г. победоносно вступил в Париж. Умер в 1828 г. в звании лейб-гвардии артиллерии генерал-майора.

Незаурядным боевым офицером был и Давид Абамелек (1774–1833), который участвовал в многочисленных военных кампаниях и крупных сражениях России с Наполеоном. В 1807 г. был произведен в ротмистры, а в 1812 г. – в полковники. В 1805–1807 гг. участвовал в кампаниях против армии Наполеона. За мужество, проявленное при Фридланде в июне 1807 г., император Пруссии отметил Давида Абамелека орденом «За достоинство». Воздал ему должное и Император Александр I, наградив его Анненской шпагой с вензелем «За храбрость», орденом Анны IV степени за Аустерлиц и орденом Св. Георгия IV степени за Гутштадт, Гельзберг и Фридланд. В Отечественной войне 1812 г. он командовал лейб-гвардии гусарским полком. 26 августа 1812 г., как и старший брат Иван Семенович, стоял насмерть на Бородинском поле. 30 декабря 1815 г. Давид Абамелек был назначен командиром Таганрогского уланского полка. С 16 августа 1816 г. Давид Семенович командовал Борисоглебским гусарским полком. В 1818 г. он был произведен в

генерал-майоры и назначен командиром 2-й бригады 2-й уланской дивизии. Выйдя в отставку в 1824 г., он через два года вернулся в строй командиром резервной бригады 4-го резервного кавалерийского корпуса, прослужив там до 1829 г. [8].

Внук Давида Абамелека в юбилейный 1912 г. затребовал через своего заверителя формулярные списки своего отца и деда для представления Санкт-Петербургскому губернатору на предмет внесения его в списки потомков участников войны 1812 г. И в марте 1912 г. командир лейб-гвардии Гусарского полка (квартировавшего в Царском Селе) генерал-майор Воейков прислал С.С. Абамелек-Лазареву следующее удостоверение: «Удостоверение. Дано сие от лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка в том, что как видно из истории полка и хранящихся в полковом архиве подлинных приказов, состоящий на службе лейб-гвардии в Гусарском полку, полковник князь Давид Семенович Абамелек, назначенный 30-го декабря 1815 года командиром Таганрогского Уланского полка, действительно участвовал с полком в походе 1812 года, и, как видно из параграфа 5 приказа по лейб-гвардии Гусарскому полку от 2-го апреля 1813 г., в копии при сем прилагаемого, по Высочайшему повелению за отличную храбрость и мужество в сражениях 3, 4, 5 и 6-го числа против французов при городе Красном, был награжден Орденом Св. Анны 2-го класса.

Настоящее удостоверение, а также пять засвидетельствованных выписок истории и книг подлинных приказов по лейб-гвардии Гусарскому полку от 23-го января 1812 г., 29 января, 20 февраля к 2 апреля 1813 года выданы князю Семену Семеновичу Абамелек-Лазареву.

Свите Его Величества генерал-майор Воейков. Штаб-ротмистр гр. Игнатъев» [9].

Семён Давыдович Абамелек (1815–1888) согласно семейной традиции избрал военную карьеру, начав её в лейб-гвардии гусарском полку, где когда-то служили его братья, а командиром был отец. За Аустерлиц он был пожалован Анненской шпагой (1806 г.), в 1807 г. участвовал в сражениях при Гутштадте, Гельзберге и Фридланде, где отбил у неприятеля несколько пленных русских офицеров, за что в 1808

г. был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени. В Отечественную войну 1812 г. Семен Абамелек участвовал при Бородине, Тарутине, Красном, где, атаковав с полком неприятеля, взял 175 пленных, был награждён орденом Св. Анны 2-й степени. Участвовал в заграничных походах 1813–1814 гг. За сражение при Бауцене получил ордена Св. Владимира 3-й и Св. Анны 2-й степени с алмазами. В 1818 г. был пожалован в генерал-майоры и назначен командиром 2-й бригады 2-й уланской дивизии. По домашним обстоятельствам Семен Абамелек в 1824 г. вышел в отставку. В 1826 г. он вновь вернулся на военную службу, с 1828 г. командовал резервной бригадой 4-го резервного кавалерийского корпуса.

Семён Абамелек был товарищем М.Ю. Лермонтова по школе гвардейских юнкеров и по службе в полку. Их сближало также и увлечение живописью. В 1859 г. он в чине генерал-майора вышел в отставку и всерьёз посвятил себя живописи. В 1886 г. Академия художеств присвоила Семену Абамелеку звание «художника по живописи исторической и портретной» за образ «Св. Стефана Пермского» и копии с картин Карла Брюллова и Жана-Батиста Греза [10].

Соломон Абамелек (1853–?), племянник князя Тер-Симона в четвертом колене, получил образование в Первой Московской военной гимназии, был прапорщиком в 3-м военном Александровском училище, подпоручиком в Михайловском артиллерийском училище и поручиком в Офицерской артиллерийской школе. В 1871 г. вступил в службу в 13-ю артиллерийскую бригаду, став шесть лет спустя адъютантом по хозяйственной части Александровской крепостной артиллерии, затем командиром роты, батальона. В чине поручика участвовал в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. на Кавказском фронте. Дальнейшее продвижение по службе: штабс-капитан (1878 г.), капитан (1881 г.), подполковник (1892 г.). 31 мая 1907 г. на основании Манифеста 18 февраля 1762 г. Соломону Абамелеку было присвоено звание генерал-майора «за отличие по службе», а в ноябре 1913 г. он был уволен в отставку с производством в генерал-лейтенанты. Его мундир украсили ордена Св. Анны 3-й степени с мечами и бантом (за Русско-турецкую войну), Св. Станис-

лава 2-й степени и др. Его сыновья также пошли на военную службу: сын Николай – поручик артиллерийской бригады, Георгий – корнет кавалерии, Константин – подпоручик пехоты [11].

Таким образом, дворянская семья Абамелек-Лазаревых достойно представлена в военной системе Российской империи и в списке её блистательных офицеров.

Обратимся к судьбе еще одного офицера императорской армии России, Валериана Мадатова (1782–1829), который был выходцем из простой карабахской семьи, но добился воинской славы и наград в России. Существует немало версий по ранней биографии В. Мадатова, роду занятий его отца (крестьянин, конюх, погонщик мулов), споров по поводу того, как он попал в Петербург, стал офицером российской армии, получил княжеский титул, позволивший ему быть зачисленным в гвардейский корпус. Одно, несомненно, он был выходцем из карабахских армян и стал блестящим российским генералом.

По окончании военного обучения юноша стал портупей-прапорщиком лейб-гвардии Преображенского полка. Благородный, общительный и энергичный, он легко влился в ряды русского офицерства. В Санкт-Петербурге Валериану покровительствовали крупные армянские политические деятели и поборники российской ориентации – архиепископ Иосиф Аргунтинский-Долгоруков и Иван Лазаревич Лазарев. В доме Ивана Лазарева Валериан и поселился, сблизившись с представителями довольно обширной армянской колонии столицы.

В 1802 г. В.Г. Мадатов стал подпоручиком в Павловском гренадерском полку, в 1807 – штабс-капитаном в Мингрельском полку, в 1808 г. – капитаном. Боевое крещение Валериан получил на полях Молдавии и Валахии в период Русско-турецкой войны 1806–1812 гг. Участвовал в боевых действиях на Дунае, где в составе авангардного отряда атамана М. Платова, под командованием доблестного П.И. Багратиона, не раз ходил в лихие кавалерийские рейды, проявляя необыкновенную храбрость и мужество, всегда находясь в первых рядах.

Первый орден (Святой Анны 3-й степени) князь В. Мадатов получил за отличие при штурме Браилова. Он храбро проявил себя в боях под Мачином, Бабадагом, Гирсово, Кюстенджи (за бой при взятии Кюстенджи был награжден орденом Святого Владимира IV степени), за сражение под Рассеватом был удостоен золотой шпаги с надписью: «За храбрость». А в сражении между селами Калипетро и Канаклы был награжден орденом Святой Анны 2-й степени. За подвиги на полях русско-турецких сражений в 1810 г. он был награжден Георгиевским крестом IV степени и чином подполковника [12].

В.Г. Мадатов был участником Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии 1813–1814 гг. К началу Отечественной войны В.Г. Мадатов командовал батальоном Александрийского гусарского полка, переброшенного с берегов Дуная на Волынь и вошедшего в состав 3-й Западной армии, поэтому ему не пришлось участвовать в Бородинском сражении. Неизменно возглавляя передовые отряды и действуя наступательно, В. Мадатов вытеснил французов из Устилуга, первым вошел в Брест-Литовск.

После переправы французов через Березину В.Г. Мадатов получил приказ опережать неприятельские колонны, истреблять мосты на пути их бегства и всячески замедлять движение французов. Он блестяще выполнил эту задачу, захватывая ежедневно сотни пленных и неумолимо преследуя противника до самой Вильны. За эти бои он был произведен в полковники и награжден золотой саблей, украшенной алмазами с надписью: «За храбрость». В числе других передовых частей русской армии полк В.Г. Мадатова перешел в конце декабря 1812 г. через Неман и принял участие в сражении под Калишем. Саксонские войска были разбиты, В.Г. Мадатов, захвативший в плен колонну генерала Ностица, был награжден Георгиевским крестом 3-й степени. В генерал-майоры В.Г. Мадатов был произведен после сражения под Лейпцигом 1813 г., во время которого, раненный в руку, он не покинул поле боя [13]. Еще не совсем излечившись от ранения, В. Мадатов вернулся в армию в момент торжественного вступления русских войск в Париж. Назначенный командиром гусарской бригады, он был в 1815 г. был оставлен

во Франции в составе русского оккупационного корпуса, но вскоре отозван на Кавказ.

С 1816 г. начался новый этап жизни и деятельности В. Мадатова, принесший ему славу героя Кавказской войны. В.Г. Мадатов по рекомендации генерала А.П. Ермолова был назначен командиром отдельного Кавказского корпуса, затем командующим войсками в Карабахском ханстве. В 1817 г. Указом Императора он был утвержден военно-окружным начальником и правителем трех закавказских ханств – Карабахского, Шекинского и Ширванского. На Кавказе В. Мадатов пробыл более 10 лет и был одним из наиболее деятельных и верных помощников А.П. Ермолова.

С началом Русско-иранской войны 1826–1828 гг. В.Г. Мадатов был вызван в Тифлис и вскоре во главе отряда выступил против неприятеля. Армяне всеми силами старались помочь России овладеть Закавказьем, армянские села выставляли на помощь русской армии свои отряды. Духовный лидер армян епископ Нерсес Аштаракеци, впоследствии католикос, призывал армян всемерно содействовать русским войскам, а с весны 1827 г. принимал участие в боевых действиях русско-персидской войны 1826–1828 гг. В.Г. Мадатов был поставлен во главе отряда в девять рот пехоты, шести орудий и отправлен навстречу персам в Казахский округ. 15 сентября 1826 г. сводный отряд под командованием генерала В.Г. Мадатова (6300 солдат и конных ополченцев) при Шамхоре нанес поражение 20-тысячному персидскому войску, двигавшемуся на Тифлис. Только убитыми противник потерял около 2000 человек. Потери сводного отряда составили всего 27 человек [14]. Эта победа заставила персидского Аббаса-Мирзу снять осаду Шуши и двинуться к Елизаветполю (Гянджа). В.Г. Мадатов готовился к новой встрече с противником под стенами этого города, когда получил от И.Ф. Паскевича, прибывшего на Кавказ на смену А.П. Ермолову, приказ ожидать его под Елизаветполем. И.Ф. Паскевич, ввиду несоразмерности своих сил с силами персов, предполагал ограничиться обороной и уклониться от боя, и только по настоянию В.Г. Мадатова решил принять бой. В сражении, закончившемся полным поражением персов, В.Г. Мадатов вынес на себе всю тяжесть

боя (за эту победу, решившую исход войны, он был произведен в генерал-лейтенанты и награжден второй золотой саблей с алмазами с надписью «За храбрость») [15].

Но дальнейшие отношения В.Г. Мадатова с главнокомандующим, не любившим «ермоловского духа», не сложились. 22 апреля 1827 генерал-адъютант И.Ф. Паскевич отстранил генерал-лейтенанта князя В.Г. Мадатова от командования и возложил на него сугубо тыловую службу – назначил его на должность провиантмейстера, что было прямым оскорблением для боевого генерала. Подозреваемый Императором Николаем I в вольнодумстве, как и генерал А.П. Ермолов, В.Г. Мадатов был отстранен от дел на Кавказе, у него были отобраны карабахские владения [16]. Не выдержав такой обиды, князь подал прошение об отпуске и в поисках правды поехал в Петербург. В столице генерал узнал о начале войны с Турцией, сделал все, чтобы участвовать в военных действиях и получил назначение на Дунайский фронт в качестве командира пехотного корпуса.

На фронтах Русско-турецкой войны 1828–1829 г. В.Г. Мадатов блестяще проявил себя [17]. 27 мая 1828 он участвовал в знаменитой переправе через Дунай под командованием Императора. Николай I лично поручил В.Г. Мадатову, хорошо знавшему язык и нравы турок, вести с ними переговоры, что было им блестяще выполнено – он убедил турок сдать без боя крепость Исакчу, предпринимал разведывательные действия в предгорьях Балкан.

В.Г. Мадатов проявил себя не только с военной стороны. Когда турецкий гарнизон Варны проходил через расположение его отряда, В.Г. Мадатов показал, что он так же человеколюбив, как и храбр. По его приказу туркам, массами гибнущим от холода и голода, была оказана всевозможная помощь. Турецкому гарнизону при сдаче крепости разрешено было уйти без оружия за Балканы. Изнуренные длительной осадой, голодные, одетые в лохмотья турки толпами тянулись по дорогам на юг и сотнями умирали в пути. В. Мадатов приказал разводить ночью на дорогах костры, высылал команды подбирать больных и ослабевших, солдаты его отряда делились с ними хлебом [18].

10 ноября 1828 г. генерал И.И. Дибич назначил В.Г. Мадатова начальником 3-й гусарской дивизии. В.Г. Мадатов со своей дивизией по-прежнему воевал с большим искусством и отвагой, одержав ряд побед, самой выдающейся из которых была битва под Шумлой (Шумен). Последним блистательным боевым подвигом генерала В. Мадатова была атака в конном строю и захват турецких редутов под Шумлой. Летом 1829 г. 3-й корпус, конницей которого командовал В. Мадатов, был оставлен под осажденной Шумлой для наблюдения за ее гарнизоном. Там постигли боевого генерала последствия старых ранений и тягот походной жизни. Он скончался в возрасте 47 лет, закончив свою боевую деятельность там, где начинал, – на Дунае.

Из уважения к В.Г. Мадатову, который всегда проявлял милосердие и к противнику и к мирному населению, гарнизон Шумлы, остававшийся в руках турок, открыл ворота крепости и разрешил похоронить его на городском христианском кладбище возле православной церкви Св. Георгия Победоносца. Впоследствии супруга полководца добилась перезахоронения его останков в Александро-Невской лавре в Санкт-Петербурге рядом с могилами других выдающихся русских деятелей. Там они покоятся и сегодня.

Так завершилась земная жизнь блистательного военачальника. Но в памяти благодарных потомков он продолжает жить. В болгарском городе Шумен в мае 2007 г. торжественно открылся памятник В.Г. Мадатову. Основой для скульптурного изображения послужил известный портрет работы английского художника Джорджа Доу, запечатлевший волевой, характерный облик В.Г. Мадатова. Портрет, исполненный с натуры, относится к числу лучших работ Дж. Доу. Рука, лежащая на эфесе сабли, блестяще написанные ордена – все это создает впечатляющий по своей жизненности образ одного из незаурядных военачальников первой четверти XIX в. Памятник представляет собой бюст полководца, водруженный на колонну из белого мрамора, установленный на одной из центральных улиц Шумена – Славянском бульваре. Изваял памятник заслуженный художник России Георгий Франгулян [19].

Его короткая, но яркая жизнь вместила десятки побед и ни одного поражения. Фельдмаршал И.И. Дибич назвал В.Г.

Мадатова русским Мюратом. Враги его боялись, друзья гордились и любили, солдаты, которыми он командовал, буквально боготворили. Не случайно портрет В.Г. Мадатова вместе с портретами других прославленных полководцев украшает Военную галерею Зимнего дворца в Санкт-Петербурге, посвященную героям Отечественной войны 1812 г. Это был генерал той Суворовской школы, которая дала русской армии Багратиона, Милорадовича, Ермолова, Дениса Давыдова и других блестящих военачальников.

Таким образом, жизнь и деятельность офицеров российской армии на примере рода Абамелек-Лазаревых и Валериана Мадатова свидетельствует об их блестящих успехах на полях сражений, преданности и достойном служении родине, готовности к самопожертвованию во имя интересов Отечества Российского.

Примечания

1. *Байбуртян В.А.* Армянская колония Новой Джульфы в XVII в. Ереван, 1969; *Иоаннисян А.Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ереван, 1947.

2. Российский государственный исторический архив. Ф. 880. Оп. 5. Д. 1. Л. 19.

3. *Корф М.М.* Жизнь графа Сперанского. Т. 1. СПб, 1861. С. 82–83.

4. *Вартаньян Э.Г.* Роль дворянского рода Абамелек-Лазаревых в истории и культуре Российской империи // Добродетель и честь должны быть его правилами.: дворянство Северного Кавказа на службе Российской империи» (к 225-летию со дня учреждения императрицей Екатериной Великой «Грамоты на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства») / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев, Е.М. Сухачёва. Материалы VI Международных Дворянских чтений. Краснодар, 2010. С. 67.

5. Абамелики – офицерская честь России. URL: <http://poev-kovcheg.ru/mag/2011-11/2625.html>. (15.07.2015).

6. *Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982. С.7.

7. *Арешян С.Г.* Армянская печать и царская цензура. Ереван, 1957. С. 26.

8. *Нерсисян М.* Из истории русско-армянских отношений. Кн. 1. Ереван, 1956. С. 133–135; Абамелек Давид Семенович. URL: <http://ru.hayazg.info> (18/07/ 2015).

9. Приказ в полку генваря 31-го 1812 года, утвержденный 11 марта // РГАДА. Ф. 1252. Оп. 1. Д. 68. Л. 4.

10. *Вартаньян Э.Г.* Указ. соч. С. 69.

11. Абамелики – офицерская честь России. URL: <http://poev-kovcheg.ru/mag/2011-11/2625.html>. (15.07.2015).

12. Валериан Мадатов – генерал суворовской школы. URL: <http://www.disput.az/index.php?9showtopic=224993> (1.07.2015).

13. Отечественная война 1812 г. и армяне России. URL: <http://russiaarmenia.info/node/5414> (26.06.2015).

14. Гуайта Джованни. 1700 лет верности. История Армении и ее Церкви. М., 2002. С. 194-195; Русско-персидская война 1826–1828 гг. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1002591/47/Tyurin_Aleksandr__Pravda_o_Nikolae_I._Obolgannuu_imperator.html (17.07.2015).

15. Валериан Мадатов. URL: http://www.peoples.ru/military/hero/valerian_madatov/ (18.07.15).

16. Русско-персидская война 1826-1828. URL: <http://rushist.com/index.php/Russia/2332-russko-persidskaya-vojna-1826-1828> (20.07.2015).

17. Гуайта Джованни. Указ. соч. С. 197.

18. Гусары – герои 1812 г. URL: <http://www.kulichki.com/gusary/istoriya/slava/1812/madatov.html> (2.07.2015).

19. Князь Валериан Григорьевич Мадатов-статьи-каталог статей-5-й Гусарский Александрийский полк. URL: <http://blackhussars.ru/publ/1-1-0-19> (17.06.2015).

*Р.М. Абрамян
(г. Москва, Россия)*

Из истории рода Мелик-Осиповых

Значительный процент среди дворян армянского происхождения в Российской империи составляли представители

меликских и бекских родов Арцах-Карабаха. Объяснение данного явления впервые было дано известным армянским этнографом Степаном Лисицяном который писал: «Двери дворянских военных училищ и кадетского корпуса были широко открыты перед детьми меликских семейств. Они попадали туда часто с самых юных лет, затем дослуживались до высших чинов в армии, оставаясь по преимуществу во внекавказских войсках, куда их предпочтительно направляла царская политика. ... Вся система родственных связей, построенная на прочных нормах обычного права и достаточно гарантировавшая в дорусские времена внутреннюю родовую спайку, быстро расшатывалась. ... Дробление дворянских земель – результат российского закона о наследовании собственности, еще в большей мере приводило к нарушению внутриродовых юридических норм. Многие мелкоземельные дворяне как из меликских домов, так и из их бывших подручников, уже не могли оставаться в деревне и покидали ее, так как с установлением гражданского мира размножение меликских родов не умерялось систематическими потерями эпохи феодальных кровавых междоусобий. Участки до того мельчали, что часть дворян должна была искать иного вида заработка и видела свое спасение в лучшем усвоении русского языка и русского образования, так как тогда открывался доступ к службе в администрации, суде, в войске» [1].

Публикуемые ниже документы извлечены из семейного архива Натальи Александровны Колиберновой (Сагателовой) и позволяют проследить обстоятельства поступления на русскую военную службу одного из представителей рода меликов Варанды.

№ 1.

«1803 февраля 24

Всемилолюбивейший государь!

Доведенный до конечного разорения нападением Аги Махмета Хана¹ на Карабагское владение и рассеянием собственных подданных, пожертвовавший наконец родительскому чувству на выкуп из плена двух сыновей моих Ростом

¹ Ага-Магомед-шах Каджар. Шах Ирана (1779–1797). В 1797 г. совершил разорительное нашествие в Закавказье.

в Константинополе и Герасима в Тейране, остальным имуществом моим, осмеливаюсь повергнуться к освященнейшим стопам ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА.

Еще в царствование великого предка Твоего ПЕТРА ПЕРВАГО, деду моему родному Мелику Багару² оказаны милость и покровительство, родной же как и я внук его Мелик Чемшид³ и Мелик Перидон⁴ ныне удостоены ежегодным пансионом. В жестоком положении моем на благодать Российского престола остается вся моя надежда.

Повели АВГУСТЕЙШИЙ МОНАРХ, втораго из означенных сыновей моих принять в военную службу – да полученное в крови отца чувство приверженности к российскому престолу и всегдашней готовности жертвовать за оный жизнь изливается в нем на самом деле – удостоя и меня ВЫСОЧАЙШЕЙ милости к воспособлению в конец разоренного состояния моего.

ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИЙ ГОСУДАРЬ
ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА верно-подданный

Князь Исай Мелик Осипов»

№ 2.

«Милостивый государь граф Александр Романович!

Доставленное ко мне от Г-на Тайного Советника Муравьева всеподданнейшее прошение Князя Мелика-Осипова о всемилостивейшем определении ему по разстроенному его состоянию пенсии какой назначен деда его мелика Багара внукам, а его братьям Мелику Чемшиду и Мелику Перидону, я имея честь препроводить при сем к вашему сиятельству почитаю его принадлежащим до вашего Милостивый Государь рассмотрения. С совершенным почтением и преданностию честь имею быть

² Мелик Багир Мелик-Шахназарян (? – 1730). Мелик Варанды. В 1726 г. принес присягу на подданство Российской империи.

³ Ага-Магомед-шах Каджар. Шах Ирана (1779–1797). В 1797 г. совершил разорительное нашествие в Закавказье.

⁴ Мелик Джумшуд Мелик-Шахназарян (? – 1812). Мелик Варанды. Подполковник русской службы.

Вашего Сиятельства всепокорнейший слуга Граф В. Кочубей

Марта 24 1803-го

Канцлеру Графу Воронцову»

№ 3.

«Господин Государственный Казначей Голубцов! Уважив прошение Князя Исаея Мелика Осипова, претерпевшаго убытки при выезде из отечества его Карабага, повелеваю вам производить ему Исаю Мелику Осипову по триста рублей в год пансиону из Государственных Казначейств. Впрочем, пребываю к Вам благосклонный.

На подлинном Собственною Его Императорского Величества Государя Императора Александра I рукою написано «Александр».

Каменный остров, Сентября 23 дня 1807 г.»

№ 4.

«1804-го года февраля дня свидетельствовавшие здесь особы будучи призваны ко мне объявили, что о ближнем родстве Есаибека Осипова Меликова с бывшим владельческим меликом Джимшитом Шахназаровым они свидетельствовали по сущей правде без пристрастия и по чистой совести.

Подлинную подписал Генерал лейтенант Князь Цицианов

Перевод с армянского письма:

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАГО ГОСУДАРЯ Всенижайший раб свидетельствую пред Богом, что сей князь Исай-Бек Осипов Меликов есть мне ближайший кровный родственник в чем подписуюсь и прилагаю печать. 1804-го года генваря 19-го дня в Тифлисе.

Мелик Джмишид Мелик Шахназаров владетель Варандинский МП

Святого Эчмиацина сначала сословец и прежде бывшей патриархом Константинопольским Григорий архиепископ Арцахский свидетельствую что Исай-Бек Осипов есть из меликов в чем и подписуюсь и прилагаю печать МП

Агванского Святого Ганцасарского престола покойного Иоаннеса патриарха брат Саркис архиепископ Мелик-Беков

Арцахский а ныне Ахпатский святого монастыря архиерей свидетельствую что князь Исай-Бек Осипов есть из меликов в чем подписуюсь и прилагаю печать МП

Мелик Придон Мелик Бегларов сын Мелик Осипов двадцати четырех волостей владетель пред Богом рассмотря свидетельствую что сей князь Исай-Бек Осипов есть Мелика Джимшида Мелик Шахназарова троюродный племянник МП

Карабагской Хаченской мелик Аллаверди Мелик-Беков в вышеописанном истинности рассмотрев свидетельствую в чем подписуюсь и прилагаю печать МП

Карабагской земли мирза Апрасиаб Белубеков в вышеописанном истинности рассмотрев свидетельствую в чем подписуюсь и прилагаю печать МП».

В исторической литературе высказывались различные мнения относительно генеалогии князя Исая Мелика Осипова. Сопоставление всех доступных источников (включая материалы семейного архива) позволяют утверждать, что мелик Исай (Есаи, Саи) является сыном мелика Овсеп (Иосифа, известен также под именем Хасан) и внуком мелика Варанды Багира (?–1730) Мелик-Шахназаряна [2].

Упомянутый в прошении сын мелика Исая, Герасим (Каграман) Исаевич Мелик-Осипов (Осипов) поступил на военную службу в 1803 г. в лейб-гвардии казачий полк юнкером. В 1805 – 1807 гг. в чине корнета участвовал во всех крупных сражениях с армией Наполеона, в частности в битве под Аустерлицем. За храбрость, проявленную в Фридлянской битве (июня 1807 г.), Мелик-Осипов был награжден орденом Анны 3-й степени. В начале 1812 г. он был переведен в Чугуевский уланский полк, в рядах которого храбро сражался в Отечественной войне. В одном официальном документе сказано, что в сражении 15 сентября 1812 г. Мелик-Осипов «со вверенным ему эскадроном при атаке неприятеля, придерживая свою позицию, примером своим ободрял подчиненных к храбрости».

Командующий гвардейским корпусом генерал-адъютант Милорадович 29 января 1815 г. писал управляющему военным министерством генералу Горчакову, что «Чугуевского

уланского полка майор князь Мелик-Осипов отлично служил в кампании 1812 года». Мелик-Осипов активно участвовал и в походах русской армии 1813 – 1815 годов. Он был награжден многими боевыми орденами и медалями [3].

Остается добавить, что из рода меликов Варанды вышло более сорока офицеров Императорской армии, в том числе четыре генерала [4].

Ниже представлена родословная роспись Мелик-Осиповых, составленная на основе материалов НАА [5], генеалогической литературы [6] и документов семейного архива Н.А. Колиберновой.

Мелик-бек (уп. 1559) → Мирзабек → Мелик-Багир (уп. 1633) → Мирзабек → Мелик-Багир (?– 1730) → Мелик-Овсеп (Хасан).

VI поколение от Мелик-бека

1 Мелик Овсеп (Хасан). Жена N, дочь или сестра мелика Аллахверди Хасан-Джалаляна.

VII поколение

2/1 Есаи (Саи, Исая), сын Мелика Овсеп (Хасана). Жена N, сестра Тер-Авага Совуманц.

3/1 Джуаншер-бек (Зульфигар-бек?), сын Мелика Овсеп (Хасана).

VIII поколение

4/2 Ростом-бек, сын Саи-бека. Находился в плену в Константинополе, где был выкуплен своим отцом. Жены: 1) Анна, дочь Джанбахш-бека Мелик-Шахназаряна; 2) N

5/2 Каграман (Герасим Исаевич Мелик-Осипов) (1784 – ?), сын Саи-бека.

О нем см. выше.

6/2 Тагухи, дочь Саи-бека. Муж N, мусульманин в Тавризе.

IX поколение

7/4 Солти Ростомовна. Муж Лал-Давид Мадатян.

8/4 Абраам-бек Ростомович. Жена N, дочь Микаел-бека Пирумьяна. из Нахичеваника.

9/4 Ованес-бек Ростомович. Жена Анна, дочь Асрибабы-бека Мелик-Шахназаряна.

10/4 Георгий (Горги-бек) Ростомович (1827–2.11.1864). Из

беков Бакинской губернии. Обучался в Шушинском уездном училище. В службу вступил милиционером в Кубинскую конную милицию 12.04.1844. За отличие в делах против горцев в 1844 награжден знаком отличия военного ордена Св. Георгия под № 79628-м. За таковое же отличие в 1845 приказом Военного министра произведен в прапорщики по милиции 12.02.1846. Согласно поданному на высочайшее имя прошению поступил подпрапорщиком в Самурский пехотный полк 1.05.1847. За отличие в делах произведен в прапорщики 29.03.1849 со старшинством с 6.07.1848. За таковое же отличие произведен в подпоручики 23.02.1852 со старшинством с 13.06.1851. Переведен в 16-й Гренадерский Мингрельский полк 7.04.1852. Отправлен по назначению 7.05.1852. За отличия в делах против горцев в 1852 награжден орденом Св. Анны 4-й степени с надписью за храбрость 19.10.1852. За таковое же отличие произведен в поручики 18.04.1854 со старшинством с 25.08.1853. За отлично усердную службу награжден орденом Св. Станислава 3-й степени 3.08.1861. По вакансии произведен в штабс-капитаны 24.01.1864. Командовал ротой 31.07.1864. Жена: Ефимия, дочь тифлисского гражданина Ивана Селимбекова.

11/4 Мариам Ростомовна. Мужья: 1) Худабахши-бек сын Григор-бека Саркисбемян (Мелик-Шахназарян); 2) Ованес Ходжа-Долванц.

12/4 Егисабет Ростомовна. Муж Гейванд Долванц.

X поколение

13/9 Овсеп-бек Ованесович (Иосиф Иванович) (около 1852 – 12.09.1902, Шуша). Коллежский регистратор в 1876-1877. Губернский секретарь в 1878. Коллежский секретарь в 1879-1881. Титулярный советник в 1882. Переводчик судебного следователя Елисаветпольского окружного суда в 1873–1875. Джебаширский уездный пристав в 1876-1877. Шушинский городской пристав в 1878-1882. Жена Мариам Нерсесовна Бархударянц (около 1858—).

14/10 Тигран Георгиевич (27.07.1858, Шуша – 18.12.1916, Елисаветполь). Управляющий именем Талыши, принадлежащим Н.И. Джамгарову. В 1915 был освобожден от этой работы по собственной просьбе в связи с расстроенным здоровьем.

Управляющий Азовско-Донского Коммерческого банка. Умер от «грудной жабы». Жена Мария (Мака) Назаровна Казарянц.

15/10 Кетеван Георгиевна (5.01.1862 – ?). Муж Исаак Исаакович Джамгарянц (19.05.1845, Шуша – 15.12.1902, Москва).

XI поколение

16/13 Рипсимэ Осиповна (около 1882 – ?). Учительница женской армянской школы в Шуше в 1912.

17/13 Ованес Осипович (около 1884 – ?). Студент Парижского университета в 1912.

18/13 Мкртыч (Николай) Осипович (около 1886 – ?). В 1903 окончил Шушинское реальное училище. Студент экономического факультета Петербургского Политехнического института с 1904–1912. В 1912 просил Совет по управлению имуществами С.-Петербургских Армянских церквей о материальной помощи.

19/13 Нерсес Осипович (30.04.1887 – ?). Студент механического факультета Петербургского Политехнического института с 1908. В 1912 просил Совет по управлению имуществами С.-Петербургских Армянских церквей о материальной помощи.

20/13 Ашот Осипович (около 1891– ?). Студент Санкт-Петербургского университета в 1912.

21/13 Варвара Осиповна (около 1898 – ?).

22/14 Георгий Тигранович (10.07.1899, Елисаветполь – 1970-е, Курск). Экономист. Жена Анастасия Ильинична Белюченко (? – 1970-е, Курск).

23/14 Ефимия Тиграновна (27.08.1900, Елисаветполь – 14.06.1976, Баку). Муж (1923) Александр Григорьевич Сагатов (22.07.1895, Зурнабад – 24.08.1984, Москва). Работал главным бухгалтером азербайджанской конторы Госбанка. Преподавал кредитное дело в Институте народного хозяйства в Баку.

24/14 Михаил Тигранович (1902, Елисаветполь – 01.12.1916, Елисаветполь). Умер от «воспаления легких, малокровия и заражения».

XII поколение

25/22 Михаил Георгиевич (19.03.1935 – 1978, Обнинск). Работал врачом-урологом в клинике Института медицинской радиологии в г. Обнинске.

Примечания

1. *Лисицян С.Д.* Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ереван, 1992. С. 45–47.
2. *Абрамян Р.М.* Из семейного архива Мелик-Осиповых (потомство Мелика Овсеп (Хасана) Мелик-Шахназаряна) // Очерки по армянской генеалогии. М., 2013. С. 48–56.
3. Национальный архив Армении (НАА). Ф. 319. Оп.1. Д. 46. Л. 25 об.; Нерсисян М.Г. Отечественная война 1812 года и народы Кавказа. Ереван, 1965. С. 239–240.
4. *Мелик-Шахназаров А.* Владетели Варанды на службе Империи. М., 2011.
5. НАА. Ф. 319. Оп.1. Д. 46., Ф. 399. Оп.1. Д. 924 (1 ч.).
6. *Мелик-Шахназаров А.* Указ. соч.; Арутюнян Г.М. Шуши: нововыявленные исторические надписи. Степанакерт, 2008; Барутчева Э. Семья: узоры судьбы на путях истории. СПб., 2006; Сагателова (Мелик-Осипова) Н. Времена меняются? Не знаю... // Арагаст. М., 2007. №1 (3). С. 79 – 80.

Е.В. Брацун
(г. Краснодар, Россия)

Адыгский офицерский род Гусаровых на воинской службе России в XIX веке

Адыгский род Гусаровых (Гъусарэ) происходил из адыгского субэтноса жанеевцев. Жанеевцы ввиду своей малочисленности в начале XIX в. не играли важной роли на Северо-Западном Кавказе, часто выступая объектом нападения или вражды со стороны других адыгских обществ. Ранее вопрос воинской службы Гусаровых не получил достаточной историографической разработки. Он остаётся актуальным в русле изучения традиций служения народов Северо-Западного Кавказа Российской государственности.

В подданство России Гусаровы перешли с партией шапсугского владельца Султана Али-Шеретлу-Оглы, основавшего в землях Черноморских казаков в 1799 г. Гривенско-Черкесский

аул, называемый в документах так же куренём и станицей. Подполковник Б.Ш.-Г. Гусаров в 1866 г. указывал: «Родитель наш первоначально основал жилище в ст. Гривенной, из коей мы уже сыновья по распоряжению начальства переведены в бывшую ст. Татарскую-Ады в Таманском округе, а из этой же по воле начальства вместе с прочими азиатцами переселены в 1851 г. в окрестности Ясенских соляных озёр» [1].

Старожил станицы Гривенской Калугин Сергей Иванович 1907 г.р., происходивший из иногородних, вспоминал о службе перешедших на сторону России адыгов: «Так там есть пришиб не доезжая Николаевки. Так на том пришибе жили раньше черкесы. А чо оно жили, когда воевали, отожд и они решили подчиниться, кажется при Екатерине, и она им разрешила, они приняли подданство, перешли на русскую службу, ото дала им землю на пришибе, цэ оно всё от Гривены шло» [2].

Адыгская фамилия Гъусарэ, в переводе на русский язык означающая «сопровождающий», позднее трансформировалась в Гусаровых. Сейчас жанеевская народность практически исчезла и можно утверждать, что представители этого рода были последними достоверно известными представителями аристократии этого адыгского субэтноса.

Родоначальником офицерского рода является есаул Гусаров Шаган-Герей, происходивший из узденей 1-й степени. Родился он в 1784 году. С мая 1807 г. начал службу казаком в Черноморском казачьем войске. К декабрю 1822 г. становится полковым есаулом. За отличие в бою 19 февраля 1821 г. награжден Золотой медалью с надписью «За храбрость» [3]. Таким образом, первый представитель офицерской династии служил России ещё до начала в 1817 г. Кавказской войны. Историк-краевед А.Д. Вершигора даёт Ш.-Г. Гусарову такую характеристику: «Был принципиальным, уважаемым по обе стороны Кубани» [4], то есть и у враждебных к России адыгов. Этот офицер был уважаем и среди рядовых адыгов-казаков в Гривенско-Черкесском ауле, будучи негласным «лидером» в этом поселении.

Умер есаул Ш.-Г. Гусаров в 1827 г. [5], завещав сыновьям верно служить Российской Империи, памятуя о покровительстве со стороны России в трудные для их рода времена.

Его старший сын подполковник Бейслан Шаган-Гереевич Гусаров (1811–1867 гг.) в службу вступил в Черноморское казачье войско 10 февраля 1828 г. в 11-й конный полк рядовым казаком. Его прохождение по службе было стремительным: 3 сентября 1828 г. стал урядником; произведён в хорунжие 10 мая 1834 г.; с 26 марта 1840 г. – сотник; с 20 июня 1842 г. – есаул; произведён в чин войскового старшины 20 мая 1847 г.; с 18 августа 1850 г. – подполковник. В разные годы Бейслан Шаган-Гереевич Гусаров служил в 11, 4, 2, 3, 9, 5 конных полках Черноморского казачьего войска и в 8 пешем полку. 22 сентября 1850 г. по распоряжению начальства был назначен командиром 7 конного полка [6].

С самого момента поступления на службу в Черноморское казачье войско подполковник Бейслан Шаган-Гереев Гусаров являлся неизменным участником Кавказской войны XIX в. Участвовал также в Русско-турецкой войне 1828 – 1829 гг. и в Крымской войне 1853 – 1856 гг.

В 1828 г. Бейслан Шаган-Гереев Гусаров участвовал в походах против турок при взятии крепости Анапа, за что был награждён Знаком отличия Военного ордена Святого Георгия. В 1829 – 1831 гг. участвовал в боях против горцев на Черноморской кордонной линии, в 1832–1833 гг. на пограничном карауле, в 1834 г. также служил на пограничной страже. В 1835 – 1836 гг. участвовал в движении воинского отряда от Ольгинского предмостного укрепления к Абинскому укреплению. В том же 1836 г. служил на левобережье Кубани, участвовал в продвижении воинского отряда от Ольгинского укрепления к крепости Анапа и обратно. В 1838 г. находился на внешней службе за Кубанью, и участвовал в боях с горцами. В 1839–1840 гг. был в охране границы, а также на пограничной кордонной службе. Вновь участвовал в движении отряда в Абинское и Николаевское укрепления, за что удостоился Монаршего благоволения. В том же 1840–1841 гг. Бейслан Шаган-Гереев Гусаров находился на внешней службе на Левобережье Кубани и в движении отряда к Абинскому укреплению. За оказанное отличие был произведён в сотники.

В 1842 г. он участвует в бою против горцев, напавших на станицу Полтавскую. За отличие в этом деле удостоен монар-

шего благоволения и награждён 100 руб. серебром. В августе 1842 г. Б.Ш-Г. Гусаров участвует в приведении к Российской присяге шапсугского дворянина П. Абатова: «Вследствие указа Войсковой Канцелярии за № 17517 покорно прошу оное управление жительствующему в ведомстве оного, Черкесскому мулле объявить, чтобы он явился ко мне в Ольгинский тет-депон вместе с сотником Бейслан Гусаровым для приведения к присяге здесь, из числа Каракубанского острова дворянина шапсугского племени Пшекуя Абатова с его крестьянами, на верность подданства Государю Императору» [7].

В 1844 – 1846 гг. находился на пограничной службе и в движении воинского отряда от Ольгинского моста к Абинскому укреплению. За отличие, оказанное против горцев, произведён в войсковые старшины. В том же 1848 г. находился в стычках с горцами, которые стремились захватить Староредутский пост и уездный пикет. За отличие в этом деле награждён орденом Святого Владимира 4-й степени с бантом. В 1849 г. находился на пограничной кордонной службе и в продвижении воинского отряда от Ольгинского в Абинское укрепление и обратно. В 1850 г. был на пограничной службе при продвижении воинского отряда от укрепления Ольгинского в Абинское укрепление, участвовал в сражении с горцами. В том же 1850 г. во время осмотра укрепления Цесаревичем Александром Николаевичем был удостоен монаршего благоволения.

В 1851 и 1852 гг. подполковник Бейслан Шаган-Гереев Гусаров находился на кордонной службе и в экспедиции за Кубанью, за отличие проявленное в сражении против горцев был награждён орденом Святой Анны 2-й степени.

Когда началась Крымская война 1853 – 1856 гг., одним из фронтов которой можно справедливо считать Черноморскую кордонную линию, подполковник Бейслан Шаган-Гереев Гусаров отличился и на этом театре боевых действий.

В 1853 г. он участвует в укреплении Черноморской кордонной линии и в экспедиции за Кубанью. За отличия в боях с горцами награждался императорскою короною к имеющемуся ордену Святой Анны 2-й степени. В том же 1853 г. участвует в экспедиции за Кубанью и в боях с горцами, в 1854 г.

в подкреплении 5 и 6 частей Черноморской кордонной линии. С 28 марта 1854 г. по 1 марта 1855 г. с вверенным ему полком находился в резерве сил подкрепления Черноморской кордонной линии, и по 1 июня 1856 г. состоял на пограничной кордонной службе во 2-й части кордонной линии. В этот период своей службы подполковник Гусаров участвовал в самых разных боевых сражениях с горцами. Его полк часто принимал участие в отражении нападений горцев на окрестности Екатеринодара, участвовал в рубке леса за Кубанью, чтобы лишить горцев возможности безнаказанно укрываться в лесу. Чтобы предупредить вражеские нападения казаки полка Гусарова нередко сами переходили за Кубань и громили неприятельские отряды на их же территории, как это имело место 23–25 августа 1855 г. в окрестностях аула Шенджи. В декабре 1855 г. полк подполковника Гусарова активно участвовал в отражении нападения на окрестности Екатеринодара. За отличие, оказанное в разных боевых делах с горцами в 1855 г. был Всемилоостивейше награждён 31 июля 1856 г. орденом Святого Станислава 2-й степени с Императорскою короною и с мечами, о чём объявлено в приказе по отдельному Кавказскому корпусу 3-го сентября 1856 г. за № 513. После окончания Крымской войны он участвует в завершающей стадии Кавказской войны.

Так с 27 января по 23 февраля 1857 г. он находился в подкреплении границы, с 25 сентября по 1 декабря того же года в Адагумском отряде. Подполковник Гусаров участвовал в боевых действиях в Адагумском отряде в ноябре 1857 г.

Боевые действия против адыгов в этот период начались с нападения на большой аул Зачертук колонною под его командованием. Аул этот находился на р. Антхыре, в 20-ти километрах от Новоеерковской и Суровской переправ и мешал сообщениям Нижне-адагумского укрепления. 1 ноября колонна Гусарова беспрепятственно достигла Кубани и, переправив обозы на другой берег, остановилась для отдыха. Ночью колонна двинулась к Зачертуку и подошла к нему на рассвете, но была обнаружена; жители аула рассеялись по примыкавшим к реке лесам. Подполковник Гусаров не счел нужным разорять аул, а ограничился только отбитием небольшого числа крупного рогатого скота и сжег до 4000 сто-

гов сена, которое составляло для горцев важный элемент в хозяйстве. Горцы, преследовали отступавший отряд, но безрезультатно, русские войска потерь не понесли.

10-го ноября полковник П.Д. Бабич произвел усиленную рекогносцировку путей, ведущих к тому месту, где предполагено было заложить центральное Адагумское укрепление. Рекогносцировочные войска были разделены на две колонны. Правая колонна под начальством подполковника Гусарова состояла из 2-х батальонов пехоты, 2-х сотен Черноморского конного полка, полусотни Донского 75 полка, 8-ми станков конно-ракетной команды, 75-ти всадников Анапского горского полуэскадрона, всадников Гривенских и Джерлиевских адыгов и дивизиона казачьей конной артиллерии. Имевшая преобладание в кавалерии, колонна быстро двинулась по прямой дороге, обошла завал и без единого выстрела достигла аула Адагум, самого большого во всей окрестности. Неприятель приготовился к борьбе и занял довольно сильную позицию, но кавалерия зашла ему в тыл и он поспешно отступил, оставив в руках российских войск девять тел, четыре из которых были мюридами с характерными белыми повязками на папахах, в том числе одного из владетельной фамилии Шеретлук [8]. В этом бою подполковник Гусаров выступил и как командир приверженных России адыгов, сражавшихся в составе Анапского горского полуэскадрона и команд Гривенских и Джерлиевских всадников.

С 15 мая 1858 г. подполковник Гусаров состоял на службе в 1-м участке Черноморской кордонной линии [9]. В 1859 г. на кордонной службе в охране границы [10]. За службу России подполковник Гусаров был награждён орденами: Святого Владимира 4-й степени с бантом, Святой Анны 2-й степени с Императорскою короною, Святого Станислава 2-й степени с Императорскою короною и с мечами, Знак отличия Военного ордена Святого Георгия под № 58.288 и Серебряной медалью за Русско-турецкую войну 1828–1829 гг.

В станице Медвёдовской в период Кавказской войны этот офицер имел дом с пристройками и крестьян мужского и женского пола по 2 души. Был грамотен, хотя и не оканчивал Российских учебных заведений, дослужившись в период Кавказской войны до подполковника. Женат Б.-Ш. Гусаров был на

дочери подпоручика Убыха из известного шапсугского рода Абатовых – Амид. В браке у них родились две дочери [11].

Приказом по Кубанскому казачьему войску от 16 июня 1865 г. № 53 подполковник Бейслан Шаган-Гереев Гусаров перестал командовать 7-м конным полком [12]. На этом боевая служба России этого славного офицера была завершена. Особо нужно отметить, что во время своей службы этот офицер, как и его братья, исповедовал мусульманскую веру, не испытывая никакой «дискриминации».

Последние годы жизни он жил близ станицы Ясенской, недалеко от г. Ейска. Умер Б. Ш-Г. Гусаров 10 мая 1867 г. [13].

Представители адыгского офицерского рода Гусаровых служили в Черноморском казачьем войске и в гвардейских подразделениях Российской армии, занимая высокие военно-административные должности. Их служение в Российской Императорской армии и в Кубанском казачьем войске открывает перед нами ещё одну страницу славных традиций боевого содружества наших народов.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф.774. Оп.1. Д.330. Л. 2.

2. Аудиокассета № 687. Кубанская фольклорно-этнографическая экспедиция -1995. Краснодарский край, Калининский район, ст. Гривенская. Инф-т: Калугин С.И. 1907 г.р. местный, иногородний.

3. Летопись Кубанского казачьего войска: 1696–2006 / под общ. ред. проф. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2006. С.73.

4. Вершигора А.Д. Горские офицеры и полные Георгиевские кавалеры Кубанского казачьего войска и территории Кубанской области на службе России (конец XVIII – начало XX в.) // Казачество и народы России: пути сотрудничества и службы России: материалы заочной научно-практической конференции. Краснодар, 2008. С. 250.

5. *Покровский М.В.* Из истории адыгов в конце XVIII – первой половине XIX века. Социально-экономические очерки. Краснодар, 1989. С.201.

6. ГАКК.Ф.396. Оп.2. Д. 162. Л. 203-209.

7. ГАКК.Ф.720.Оп.2.Д.67.Л.3. – 3 об.

8. *Рукевич М.* Адагумский отряд. // Восточная литература [сайт] URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Kavkaz/XIX/1840-1860/Rukevic_M/text1.htm (дата обращения: 15.08.2014).

9. ГАКК.Ф.396. Оп.2. Д. 162. Л. 208.

10. ГАКК.Ф.396. Оп.2.Д.185. Л.227.

11. Там же.

12. Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1865 г.

13. ГАКК.Ф.774. Оп.1.Д.330. Л.10.

А.Б. Веригин
(г. Краснодар, Россия)

Великий князь Михаил Романов и боевой путь Дикой дивизии в годы Первой мировой войны

Великая война навсегда изменила судьбы десятков миллионов подданных Российской империи и огненной колесницей пронеслась по истории нашей страны. В годы Советской власти ее было принято называть империалистической, захватнической, враждебной интересам пролетариата, но в памяти нашего народа она есть и будет Второй Отечественной войной. Именно в эти годы добровольцы всех возрастов и сословий десятками тысяч уходили на фронт, показывая своим поведением пример служению Отчизне и защиты нашего государства от внешнего врага.

Данная работа посвящена личности Великого князя Михаила Александровича Романова, который так же, как и многие другие представители Венценосной фамилии, участвовал в боевых действиях. Он командовал Дикой дивизией, сформированной 23 августа 1914 года и состоявшей на 90% из добровольцев-мусульман. Последние не подлежали призыву на воинскую службу, но исполнили свой долг перед Царем и Отечеством полностью.

Младший брат Государя Николая II получил блестящее воспитание под руководством своего наставника генерал-

адъютанта Григория Григорьевича Даниловича, а общий план занятий был рассчитан на двенадцать лет. Видные научные светила и авторитетные преподаватели обучали Михаила Александровича языкам, географии, высшим и военным наукам, государственному хозяйству, истории и ряду других дисциплин. Данилович отмечал «дарования Великого князя и его отношение к учебным занятиям, которые позволяют надеяться, что весь разносторонний учебный материал может быть проработан в течение четырех лет – к осени 1900 года» [1]. Даже Император Вильгельм II был очарован Михаилом Александровичем и после его посещения с официальным визитом Германии написал Государю Николаю II следующее: «Мы очень жалеем, что твой дорогой брат Миша уезжает. Он очаровательный и необыкновенно милый молодой человек, пленивший здесь всех и даже мою дочь. Он очень хорошо стрелял и молодецом выполнил все официальные «повинности». Вообще он имел большой успех» [2].

Прошли годы, Великий князь стал молодым человеком ростом в 180 сантиметров, крепкого телосложения, с благородными суждениями и манерами, который совершенно не пил вина и не курил, в отличие от многих гвардейских офицеров. Он был примером простоты, здравого смысла, сметливости и отваги, что отмечал в своих мемуарах адъютант Михаила Александровича, полковник Анатолий Мордвинов. М. Романов исправно нес все тяготы воинской службы, успешно повышал свою военную выучку и подготовку, продвигался по ступеням офицерской карьеры, но не слишком был удачлив в семейных делах, выбрав в спутницы жизни Наталью Сергеевну Вульферт. Великий князь за границей втайне заключил с ней морганатический брак, вопреки мнению своих Венценосных родственников. Гнев Государя Николая II вылился в запрещении въезда в Россию «своевольному брату», и новый 1914 год, а так же начало Великой войны Михаил Александрович встретил в Лондоне как частное лицо. Сохранились его письма, в которых Великий князь обращается с просьбой к Императору вернуться в Россию и в действующую армию для участия в войне. В итоге прошение было удовлетворено, и 23 августа 1914 года Михаил Александрович получил оче-

редное воинское звание генерал-майора, а также назначение командующим Кавказской туземной конной дивизией на Юго-Западном фронте.

Полковник Николай Александрович Бигаев в своих эмигрантских воспоминаниях рассказывал: «Формирование этой дивизии, составившейся из Черкесского, Кабардинского, Ингушского, Чеченского, 2-го Дагестанского и Татарского полков происходило на Кавказе. Великий князь приехал, чтобы лично наблюдать за этим. Жил он в одном из флигелей дворца как обыкновенный гость, где проявил удивительную простоту и естественность» [3]. Среди офицеров «Дикой дивизии» было немало русских гвардейцев из аристократических родов и представителей родовитых фамилий кавказских народов. Начальником штаба стал Яков Давидович Юзифович, позже в годы Гражданской войны сражавшийся в Добровольческой армии и руководивший работами по укреплению Перекопа в Вооруженных Силах Юга России. Военный доктор Кавказской туземной конной дивизии Ю.И. Лодыженский вспоминал: «Назначение командующим дивизией брата Государя толковалось, как особая честь и знак Высочайшего доверия по отношению к воинам Кавказа» [4].

Великий князь никогда не прятался за спинами других и уже свой 36-й день рождения 22 ноября 1914 года отметил в бивуачной обстановке Второй Отечественной войны. В тот день вдовствующая Императрица Мария Федоровна записала в своем дневнике: «Господи, огради моего дорогого Мишу» [5]. После взятия русскими войсками Львова конные полки Дикой дивизии совершили семидесятиверстный переход по территории Австро-Венгрии, где включились в боевую работу с 12-ой кавалерийской дивизией генерала Каледина. В это же время в Петрограде жена Великого князя Наталья Сергеевна, которой был присвоен титул графини, переделала особняк под госпиталь, где находилось до 125 солдат и офицеров, а в Гатчине оборудовала еще один небольшой лазарет на 30 мест, куда привлекла работать сестрами милосердия и врачами своих друзей и знакомых. Выезжала графиня и со своим мужем во Львов, там она находилась в прифронтовой зоне, занимаясь различными организационными делами и

поддерживая Великого князя в его делах и начинаниях. Уже в январе 1915 года русские войска вели тяжелые бои в районе Перемышля, а на долю Дикой дивизии под командованием Михаила Александровича легла тяжелая ответственность задержать наступавшего противника. С этой задачей брат Государя справился с честью, а командир корпуса Хан Нахичеванский представил его к Георгиевскому кресту. Представление к ордену не было утверждено Императором и лишь после того, как вмешался командующий 8-ой армией генерал А.А. Брусиллов, Великий князь получил орден Святого Георгия 4-ой степени. В письме к Государыне Александре Федоровне Император Николай II так описывал «блестящие действия Мишиной дивизии»: «Вчера Н. (великий князь Николай Николаевич) принес мне донесение Иванова от Брусиллова и Хана Нахичеванского о превосходном поведении Мишиной дивизии в февральских боях, когда их атаквали в Карпатах две австрийские дивизии. Кавказцы не только отразили неприятеля, но и атаквали его и первым вошли в Станислав, причем сам Миша все время находился на линии огня. Все они просят меня дать ему Георгиевский крест, что я и сделаю... Я рад за Мишу, ибо думаю, что эта военная награда действительно заслужена им на этот раз» [6].

В периодическом издании «Летопись войны» за 28 марта 1915 года имеется описание подвига Великого князя: «За то, что командуя отрядом в период январских боев – за обладание проходами в Карпатах, подвергая свою жизнь явной опасности и, будучи под шрапнельным огнем противника, примером личной храбрости и мужества воодушевлял и ободрял войска своего отряда, причем выдержал с 14 по 25-е января натиск превосходящих сил противника, прикрыв весьма важное направление на Ломна – Старое место, а затем, при переходе в наступление, активными действиями содействовал успешному его развитию..» [7]. Сослуживец Михаила Александровича, капитан Борис Никитин говорил о душевном внимании, невероятной простоте и деликатности Великого князя. В своих воспоминаниях гвардейский офицер неоднократно приводил примеры храбрости М.А. Романова и отмечал, что тот обходил позиции и высоты Дикой дивизии

под обстрелами, даже не наклоняя головы под пролетающими рядом пулями. Доблестные воины Кавказской туземной конной дивизии на фронте сражались чрезвычайно смело, многие из них получили самые высокие награды и всегда своей отвагой подавали пример другим. Единение горцев и русских чувствовалось во всем. Еще с 1844 года в России ордена для офицеров, а также и Георгиевские кресты для нижних чинов – тех, кто исповедовал ислам – «магометанство», выдавались не с изображениями святого, а с Государственным гербом – двуглавым орлом. «Были случаи, когда кавказские всадники-мусульмане даже отказывались принять Георгиевские кресты, на которых вместо Святого Георгия был выбит Государственный герб, как вначале это делалось для лиц нехристианского вероисповедания. К счастью, скоро правительство отменило это правило и все Георгиевские кавалеры стали награждаться одинаковыми для всех знаками отличия Военного ордена», – напишет в воспоминаниях «В Ингушском конном полку» бывший корнет Ингушского полка Анатолий Марков.

Зачастую сражалась дивизия даже более успешно, чем остальные, но потери несла менее ощутимые. Так, Великий князь сообщает в письме своей жене 20 января 1915 года: «Мы имеем теперь дело, большей частью, с венгерскими войсками, которые дерутся очень упорно. За вчерашний день наша пехота (на нашем правом фланге) потеряла около 100 человек убитыми и ранеными, но в моей дивизии потери совсем небольшие. Вероятно, завтра будет преследование австрийцев» [8].

На фоне военных действий в Галиции, интересно понаблюдать и за личностью Великого князя, его привычками и увлечениями. Графиня Л.Н. Воронцова-Дашкова описывала сцены и эпизоды из фронтовой жизни Великого князя: «В его характере было много прирожденного умения очаровывать людей. Но в отличие от некоторых других членов династии, в Михаиле Александровиче, прежде всего, резко бросались в глаза его простота и какая-то особая скромность. Всего, что было связано с пышностью, парадностью, этикетом, Великий князь избегал. Он был всегда ровен, спокоен, уравновешен. Любил искусство, музыку (которую даже сам немного сочинял), спорт, животных,

цветы, был блестящим наездником и прекрасно правил автомобилем, занимался гимнастикой на приборах и физическим трудом» [9]. Интересный факт: Его Высочество обладал феноменальной физической силой пальцев, а колоду карт мог разорвать на четыре части пополам и каждую половину еще надвое. Считалось, что эта сила наследственная, и Великий князь пошел ей в Императора Александра III, который мог сплющивать в трубку серебряные тарелки, разрывать медные пятаки.

Участие в тяжелых боях родного брата Русского Государя привлекало и иностранных корреспондентов. В феврале 1915 года в штабе дивизии при Великом князе состоял английский капитан Симпсон, делавший фронтовые фотографии, а так же корреспондент лондонского новостного журнала Сепинг Райт, делавший зарисовки бытовой и военной жизни. В это же время 12-ая и Кавказская Туземная дивизии были переброшены в предгорья Карпат, где взяли несколько населенных пунктов, а корпус Хана Нахичеванского был атакован тремя австрийскими дивизиями. Русские войска отразили наступление и оттеснили противника. «Туземная дивизия первой вошла в город Станиславов. Великий князь Михаил Александрович, постоянно находившийся на линии огня, был представлен ханом к ордену Святого Георгия» [10]. Тогда в Галиции сражались войска под командованием храбрых генералов Каледина, Лечицкого, Маннергейма, Брусилова, Келлера, Деникина, но даже на этом фоне горцы-добровольцы вселяли ужас в ряды противника. Неустрашимая отвага, наслаждение лихими кавалерийскими атаками и рукопашными боями – этим запомнились воины Дикой дивизии. Стоит отметить, что у всадников было одно правило: не бросать раненых и убитых на поле битвы. «Вид несущейся в атаку конницы поднимал дух не только в частях пехоты, но и раненые поднимались и готовы были с конницей бежать на противника» [11]. В дневниковых записях Великого князя Михаила Александровича в это время имеется ряд описаний военных столкновений с противником, читая которые чувствуется атмосфера напряженных кровопролитных боев.

Несмотря на отчаянную храбрость русских войск, бесстрашие и ряд крупных успехов, начавшийся в 1915 году

«снарядный голод» и недостаток ружейных патронов привели к великому отступлению. 9 июня 1915 года был оставлен Львов, далее наши войска отступили за Днестр, оставили врагу Польшу и Галицию. Этот период ознаменован большими потерями Русской армии, а Дикую дивизию под командованием Великого князя перебрасывали в разные участки фронта, пытаясь выправить положение и заткнуть провалы, куда со всеми силами рвался неприятель. Генерал Петр Николаевич Краснов позднее в эмиграции вспоминал то время: «Ясною майскою ночью кавказцы отходили от Прута. Отступательный марш является одной из самых тяжелых операций. Психика бойца подавлена, ему все кажется потерянным, а для самолюбивых горцев это было особенно тяжело. Дни сменялись ночами, и все было одно и то же. Днем дрались, ночью шли медленно, понуро, неохотно отдавая завоеванную землю» [12]. Начиналась позиционная война, от фронта до фронта войска буквально зарывались в окопы, готовили оборонительные сооружения. Но даже на этом фоне горцы Дикой дивизии провели несколько запоминающихся рейдов, что отразилось в воспоминаниях генерала Маннергейма: «Атаки, во время которых было взято несколько тысяч пленных и ценное вооружение, имели, кроме этого, еще один положительный момент: неприятель уже не помышлял о продвижении вперед» [13]. Успехи дивизии под командованием Великого князя не остались в стороне и от периодической печати того времени, которая подробно освещала всю войну, победы и поражения русского оружия. «Горцы, высоко ценящие личную отвагу, с каким-то беззаветным, чисто мусульманским фанатизмом боготворят своего вождя. И когда перед сотнями появляется Великий князь, смуглые, горбоносые лица как-то просветляются вдруг под косматыми, ужас наводящими на врага, папахами» [14]. Сохранились воспоминания соратников Михаила Александровича и упоминания в прессе того времени о том, что его любовно называли «наш Михайло». Множество восторженных писем уходило в далекие горские аулы, в которых воины дивизии писали, что им выпало великое счастье сражаться под командованием родного брата Государя. «Слава и благослове-

ние Аллаха великому джигиту», – говорили уже поседевшие абреки. И это было, безусловно, высокой похвалой. Данные сведения интересны еще и в контексте надежд Императора Вильгельма II «поднять» против России мусульманское население Кавказа. И то, что во многом получилось у немцев в годы Второй мировой войны, никак не могло произойти в годы Второй Отечественной, когда горцы единым фронтом выступали за Россию и своего Государя. Столь обожаемый своими подчиненными Великий князь тоже от всей души любил Отчизну и все, что с ней связано. Как и все представители династии, Михаил Александрович был очень религиозным человеком – даже в действующей армии он не пропускал обеденных служб. Гостивший в дивизии известный тогда корреспондент Николай Николаевич Брешко-Брешковский, чью мать А.Ф. Керенский называл «бабушкой русской революции», уже в эмиграции написал роман о Дикой дивизии, причем подвергся критике со стороны демократов и социалистов за светлый образ Великого князя. Журналист на страницах своего произведения сказал весьма примечательную фразу: «Такой кавалерийской дивизии никогда еще не было и никогда, вероятно, не будет» [15]. «Стихийной, бешеной лавиной кидаются они, артистически работая острым, как бритва, кинжалом против штыков и прикладов... и об этих атаках рассказывают чудеса. Австрийцы давно прозвали кавказских орлов «дьяволами в мохнатых шапках», – писал Брешко-Брешковский. Там же встречается весьма любопытное утверждение, что если бы личный конвой Государя Николая II в феврале 1917 года состоял из кавказцев, как во времена Императора Александра II, то отречения от престола они бы не допустили.

В августе 1915 года Государь Николай II взял на себя тяжелое бремя Верховного Главнокомандующего Русской Армией и Флотом. Этот акт вдохновил войска, фронт вскоре стабилизировался, во много раз улучшилось снабжение различными видами вооружений. Царь активно ездил по стране, постоянно бывал на фронте и вскоре один из смотров пришелся на Кавказскую Туземную Конную дивизию, где Государь поблагодарил горцев Кавказа за службу, а те на непонятном языке вос-

торженно отвечали на Царскую милость. В начале 1916 года Михаил Александрович покинул Дикую дивизию, получив пост командира Второго кавалерийского корпуса. В своем обращении к воинам Великий князь сказал: «Господа офицеры и всадники, я с грустью прощаюсь сегодня с вами, но всегда буду помнить то время, когда я командовал Кавказской Туземной Конной дивизией и вашу беззаветную службу Родине и Царю. Георгиевским крестом и оружием, которым я был удостоен, я всецело обязан вашей доблестной работе. Господа офицеры, сердечно благодарю вас за честно исполненный долг, а вам, мои храбрые всадники, спасибо за вашу отличную боевую службу» [16]. С этого момента боевые пути Михаила Александровича и Дикой дивизии разошлись навсегда. На фронте, как всей Российской армии, так и горцам сопутствовали успехи, а Великому князю 2 июля 1916 года было присвоено очередное звание генерал-лейтенанта. Вскоре брат Государя стал Генерал-адъютантом с зачислением в Свиту Императора. Это звание присваивалось лично Императором Николаем II только генерал-лейтенантам и полным генералам за особые заслуги.

Осенью 1916 года у Михаила Александровича вновь появились признаки обострения язвы желудка, но он оставался в строю, иногда обращаясь к врачам за помощью и консультациями. Незадолго до злополучной Февральской революции Великий князь получил должность генерала-инспектора кавалерии, а Дикая дивизия в то время находилась на своем боевом посту на позициях Западного фронта и наравне с другими сынами Великой России защищала общую Родину от внешнего врага. Отречение Государя Николая II и Великого князя Михаила Александровича потрясло всех, в том числе горцев. Корнет Кабардинского полка Алексей Арсеньев о тех днях напишет: «Того «энтузиазма», с которым все население, по утверждению творцов революции, «встретило ее», не было; была общая растерянность. Всюду развевались красные флаги, пестрели красные банты. В Дикой Дивизии их не надели – кроме обозников и матросов-пулеметчиков...». Несмотря на утрату боеспособности многими воинскими формированиями, Кавказская Туземная Конная дивизия находилась в боевом состоянии и полной готовности вести военные действия. В июне 1917 года генерал

Л.Г. Корнилов проводил смотр горцам и обратился со следующей речью: «Орлы Кавказа! Я не ожидал, но счастлив, видеть вас в таком изумительном порядке. В вас сохранился еще тот дух, который начинают терять наши войска. Когда вернетесь к себе на Кавказ, передайте от меня поклон и большое спасибо вашим отцам, что сумели воспитать и вдохнуть в вас ту внутреннюю дисциплину, что предохраняет вас от развала. Сейчас я зову вас на ратный подвиг и убежден, что славная история вашей дивизии обогатится еще многими страницами. Еще раз спасибо вам, славные горцы, за службу!».

Приказом ставшего Верховным главнокомандующим генерала от инфантерии Лавра Корнилова 21 августа 1917 года дивизия была переформирована в Кавказский Туземный конный корпус. В те окаянные дни на фоне развала действующей армии и дезертирства, кавказские полки обеспечивали порядок среди отступающих войск, а всадники-горцы вместе с сохранившими боеспособность частями вступали в периодические бои с немцами и австрийцами. Двадцать шестого сентября 1917 года газета «Терский вестник» передала сообщение Военного министра, по которому Дикая дивизия получила приказ возвращаться на Кавказ в родные края.

Так закончился боевой путь горских добровольческих формирований в Российской Императорской армии. В наше время это пример не только храбрости, но и воинского братства, межнационального согласия, когда русские и представители других народов Кавказа вместе отважно защищали свою Родину. Великий князь Михаил Александрович был арестован 7 марта 1918 года в Петрограде и выслан в Пермь. Вскоре все его имущество было национализировано в пользу советской власти, а сам Михаил Александрович был расстрелян большевиками в ночь с 12 на 13 июня 1918 года. Волею судьбы и злого рока ему не дано было войти в число триумфаторов Первой мировой войны и закончить свой боевой путь с верными полками в Берлине.

Примечания

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 2125. Л. 14.

2. Переписка Вильгельма II с Николаем II. 1894-1914 гг. М. – Пг., 1923. С. 37.

3. *Бигаев Н.А.* Последний наместник Кавказа (в свете личных воспоминаний) (1902–1917). Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов-Дашков. Наместник Кавказский. М. 2005. С. 426–427.

4. *Лодыженский Ю.И.* От Красного Креста к борьбе с Коминтерном. М., 2013. С. 81-83.

5. Дневники Императрицы Марии Федоровны (1914-1920, 1923 годы). М. 2005. С. 73

6. Переписка Николая и Александры. М., 2013. С. 106.

7. Летопись войны 1914– 1915 гг. 1915. 28 марта № 32. С. 64

8. ГАРФ. Ф. 622. Оп. 1. Д. 20. Л. 7-9.

9. ГАРФ. Ф. 6501. Оп. 1. Д. 203. Л. 20.

10. *Нагдалиев Ф.Ф.* Ханы Нахичеванские в Российской Империи. М., 2006. С. 274-275.

11. *Гордеев А.А.* История казаков. Великая война 1914-1918 гг. М., 1993. С. 71

12. *Краснов П.Н.* Воспоминания о Русской Императорской армии. М., 2006. С. 475

13. *Маннергейм К.Г.* Воспоминания. Мн., 2004. С. 54.

14. ГАРФ. Ф. 668. Оп. 1. Д. 108. Л. 1-3.

15. *Брешко-Брешковский Н.Н.* Дикая дивизия. Екатеринбург, 1994. С. 12.

16. Дневники и переписка Великого князя Михаила Александровича: 1915–1918. М., 2012. С. 242.

В.В. Слободенюк
(г. Краснодар, Россия)

**Кавалер Георгиевского оружия, участник
1-го Кубанского («Ледяного») похода
Константин Гаврилович Непокупной**

XX век – время кардинальных перемен, век исканий, противоречий. Для многих он стал испытанием силы духа, испытанием на прочность собственных ценностей и идеалов. Рушились империи, ломались годами сформированные

взгляды и идеи, менялись судьбы достойнейших личностей эпохи, и кто, как не многострадальная Россия, стала сосредоточением всех этих катаклизмов человеческого бытия. Самым страшным испытанием, безусловно, оказалась Гражданская война, время, когда кипели необузданные страсти и миллионы людей готовы были жертвовать своими жизнями ради торжества своих идей и принципов. Это было характерно и для красных, и для белых, и для крестьян-повстанцев. Их всех, яростно враждующих между собой, сближали эмоциональный порыв и непримиримость. Такое время вызывало не только величайшие подвиги, но и величайшие преступления.

В ряду личностей, делавших историю в те страшные годы, хочется отметить человека, казалось бы, непримечательного. Речь пойдет о Константине Гавриловиче Непокупном.

Константин Гаврилович родился 4 июня 1892 года в городе Кизил-Арват Закаспийской области в семье потомственных дворян станицы Петровской Кубанской области Кубанского казачьего войска. Семья Непокупных была православного вероисповедания. В 1910 году К. Непокупной окончил Владикавказский кадетский корпус, а в 1913 году – Тверское кавалерийское училище. Военную службу начал нижним чином 1 сентября 1910 года [1]. Высочайшим приказом от 6 августа 1913 года по окончании Тверского кавалерийского училища юнкер К. Непокупной был произведен в хорунжие и назначен в 1-й Линейный генерала Вельяминова полк. 9 сентября 1913 года хорунжий Непокупной прибыл в полк, а 8 октября он был назначен младшим офицером 1-й сотни [2].

1-й Линейный генерала Вельяминова полк в то время был расквартирован в городе Каменец-Подольске и располагался в казармах инженерного ведомства [3]. Младший офицер 1-й сотни хорунжий К. Непокупной в составе 1-го Линейного генерала Вельяминова полка участвовал в боях против Австро-Венгрии с 29 июля 1914 года [4]. В кампанию 1914 года 1-й Линейный генерала Вельяминова полк входил в состав армейской конницы 8-й армии войск Юго-Западного фронта [5].

За бой у местечка Черткова 9 августа 1914 года хорунжий Непокупной получил свою первую награду – орден Святой

Анны 4-й степени с надписью «За храбрость» [6]. «Находясь в боевом разъезде с двумя казаками 10 августа 1914 года, в бою у деревни Джурин при городе Бучаче и увидев, что полк пошел в атаку на неприятельскую батарею, хорунжий Непокупной кинулся с двумя казаками вперед, ворвался на батарею, перебил прислугу как у орудий, так и у зарядных ящиков, числом до 9 человек, чем много способствовал своей беззаветной храбростью захвату батареи и уничтожению ее прислуги», за что был награжден Георгиевским оружием [7].

Утром 10 августа 2-я Сводная казачья дивизия выступила из местечка Черткова по направлению к местечку Бучачу. В авангарде шел 1-й Волгский конный полк. В голове колонны главных сил был 1-й Линейный конный полк, вслед за ними – артиллерия и донцы. Пройдя деревню Джурин, передовые части дивизии были встречены артиллерийским огнем. Терцы вынуждены были спешиться, и повели наступление вдоль шоссе под прикрытием Оренбургского артдивизиона. Вскоре подтянулись и основные силы казачьей дивизии.

Разведывательные разъезды 1-го Линейного полка выяснили, что казакам противостоит кавалерийская дивизия австрийцев с тремя артиллерийскими батареями и небольшими частями пехоты и жандармерии. Бой начался с артиллерийской перестрелки, которая длилась около трех часов. Оренбургский артдивизион заставил замолчать одну из батарей противника, стоявшую на открытой позиции перед селом Пышковцы. Однако артиллерийская прислуга, оставившая свои орудия, не теряла надежды вернуть их обратно. Тем временем, казаки 1-го Волгского полка потеснили правый фланг противника. Чтобы спасти положение австрийцы решают предпринять контратаку на левом фланге. В таких условиях оставленная ими батарея могла бы сыграть немаловажную роль. Видя концентрацию неприятельской кавалерии, генерал Павлов отдал приказ 1-му Линейному полку захватить конной атакой эту батарею. Эта задача была возложена на 2-ю сотню подъесаула Тихоцкого, 4-ю сотню подъесаула Арканова и 6-ю сотню подъесаула Ткачева.

Прикрываясь складками местности и огнем оренбургских батарей, казачьи сотни стали выдвигаться на рубеж ата-

ки. Однако артиллерийская прислуга заметила продвижение линейцев и, заняв батарею, открыла огонь. Продвижение казачьей лавы было приостановлено естественной преградой – болотистой речкой. Быстро отыскав броды, линейцы под ураганным артобстрелом форсировали реку и, перегруппировавшись в лощине, возобновили атаку. Австрийская батарея была почти в упор. Казаки, рассыпавшись, стали охватывать неприятельские позиции с флангов. Непосредственно саму батарею атаковали 2-я сотня подъесаула Тихоцкого. В этой атаке особенно отличился хорунжий К. Непокупной, который с тремя казаками первым ворвался на батарею. 6-я сотня, обходившая батарею с фланга, атаковала орудийное прикрытие. Часть сотни, возглавляемая хорунжими Посевиным и Булавиновым, ударила по окопам противника с фронта, а подъесаул Ткачев с полусотней обошел неприятельские позиции с левого фланга [8].

6 сентября 1914 года за успешную разведку у города Стрий (Галиция) К. Непокупной был награжден орденом Святого Станислава 3-й степени с мечами и бантом. 10 сентября 1914 года он был награжден орденом Святой Анны 3-й степени с мечами и бантом за взятие Ужокского (Ужоцкого) перевала. А 16 января 1915 года, за храбрость, показанную в бою у села Ясёнка, К. Непокупной был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами и бантом. В мае 1915 года он был награжден орденом Святой Анны 2-й степени с мечами и бантом за участие в боях с 4 августа 1914 года по 1 мая 1915 года. 29 июля 1915 года за год пребывания на войне он был произведен в чин сотника.

16 августа 1915 года за отличие в делах против неприятеля у деревни Пашковка (Галиция) хорунжий Непокупной был награжден орденом Святого Равноапостольного князя Владимира 4-й степени с мечами и бантом. 21 сентября 1915 года он был награжден Английским военным крестом «М.С.». 8 марта 1916 года К. Непокупной получил Высочайшее благоволение за разведку у села Черевеице. 29 марта 1916 года он был назначен командиром 1-й сотни 1-го Линейного генерала Вельяминова полка. За проявленную в боевых схватках с противником храбрость и смелость К. Непокупной был назначен

начальником Партизанского отряда полка. 18 июля 1916 года за удачную разведку и захват пленных у селения Кухоцкая Воля К. Непокупной производится в чин подьесаула [9].

1-й Линейный генерала Вельяминова полк участвовал в Луцком прорыве, впоследствии получившем название Брусиловский прорыв [10]. Подьесаул К. Непокупной участвовал в боях против неприятеля на Австро-венгерском и Германском фронтах в составе 1-го Линейного генерала Вельяминова полка с 29 июля 1914 года по (6) 15 декабря 1917 года [11].

В декабре 1917 года, когда Россию охватил революционный пожар и перестала существовать Великая Русская Армия, 1-й Линейный полк с другими частями 2-й Сводной казачьей дивизии пробивался на родную Кубань.

1 и 2 января 1918 года в городе Майкопе и окрестностях началось движение большевиков. Штаб полка расположился в городе Майкопе [12]. В связи с захватом Майкопа большевиками 19 января 1918 года К. Непокупной оставил свой полк [13]. 9 февраля 1918 года, вступив в 1-й Национальный Кубанский казачий отряд (1-й Кубанский казачий отряд защиты казачества) полковника С.Г. Улагая, К. Непокупной начал борьбу против большевиков в рядах Добровольческой Армии [14]. Отряд, начавший формирование 29 ноября 1917 года и окончательно сформированный в середине января 1918 года, после соединения его с Добровольческой армией вошел в состав 1-й бригады как пластунский батальон (Кубанский пластунский батальон). С 28 февраля по 1 мая 1918 года подьесаул Непокупной участвовал в 1-м Кубанском («Ледяном») походе [15]. Улагаевский добровольческий отряд, в котором служил К. Непокупной, в составе вооруженного отряда Кубанской Рады генерала В.Л. Покровского выступил из города Екатеринодара 11 марта 1918 года.

Ключевым в истории похода стал день 15 марта, когда у станицы Ново-Дмитриевской под командованием Л. Г. Корнилова объединились его добровольческие части и отряд Кубанской Рады В. Л. Покровского. События этого дня дали название «Ледяного» всему походу: «Всю ночь накануне лил дождь, не прекратившийся и утром. Армия шла по сплошным пространствам воды и жидкой грязи, по дорогам и без

дорог, заплывших и пропадавших в густом тумане, славшемся над землею. Холодная вода пропитывала насквозь все платье. Текла острыми, пронизывающими струйками за воротник. Люди шли медленно, вздрагивая от холода и тяжело волоча ноги в разбухших, налитых водою сапогах. К полудню пошли густые хлопья липкого снега и подул ветер. Застилает глаза, нос, уши, захватывает дыхание, и лицо колет словно острыми иглами. Началась томительно долгая переправа; глубина – в полкорпуса лошади... Новая задержка, а в это время переправу начала громить неприятельская артиллерия.

...Между тем погода вновь переменилась: неожиданно грянул мороз, ветер усилился, началась снежная пурга. Люди и лошади быстро обросли ледяной корой; казалось все промерзло до самых костей; покоробившаяся, будто деревянная одежда сковала тело; трудно повернуть голову, трудно поднять ногу в стремя». 27 марта 1918 года начались тяжелые бои за город Екатеринодар [16]. 31 марта 1918 года в одном из боев за Екатеринодар К.Г. Непокупной был тяжело ранен, но остался в строю, о чем указано в перевязочном свидетельстве и в приказе по Кубанскому пластунскому батальону [17].

В этот же день от осколка снаряда погиб генерал Л.Г. Корнилов. После его гибели командование Добровольческой Армией принял генерал А.И. Деникин [18].

10 июня 1918 года К. Непокупной был назначен командиром сотни, а уже 17 июля он был назначен помощником командира батальона по строевой части [19]. 19 сентября 1918 года приказом по Добровольческой армии от 1918 года № 144 пластунский батальон был переименован в Особый Кубанский пластунский батальон [20]. Батальоном по-прежнему командовал полковник С.Г. Улагай. Подъесаул К. Непокупной продолжал участвовать в боях с большевиками.

17 октября 1918 года в бою под железнодорожной станцией Овечка(на Ставрополье) он был ранен и эвакуирован. 9 декабря 1918 года возвратился в батальон и вновь приступил к исполнению своих должностных обязанностей помощника командира батальона по строевой части. 19 декабря 1918 года в бою под железнодорожной станцией Курсавка подъесаул

К. Непокупной был ранен и эвакуирован с поля боя [21]. На этом его участие в боевых действиях в составе Добровольческого отряда полковника Улагая закончилось. 11 февраля 1919 года, ввиду двухмесячного отсутствия в батальоне, как не прибывшего к месту службы после эвакуации и излечения после ранения, он был исключен из списков батальона [22].

22 марта 1919 года начальником войскового штаба Кубанского казачьего войска подьесаул К. Непокупной был назначен в распоряжение начальника штаба 2-го Кубанского корпуса, а 3 апреля 1919 года по прибытии он был назначен личным ординарцем командира корпуса. 17 апреля 1919 года на основании приказа по Кубанскому казачьему войску от 1918 года № 568 К. Непокупной был произведен в чин есаула, а 9 мая он был утвержден в этом чине [23].

В рапортах за август и сентябрь 1919 года характеризует своего бывшего подчиненного полковник С.Г. Улагай: «Представляю при этом наградной лист на есаула Непокупного, ходатайствую о производстве его в полковники, по преимуществу согласно приказа Главнокомандующего Добровольческой армией от 19 ноября 1918 года № 176, приказа по Военному Ведомству № 681 ст. 4, приказа по Добровольческой Армии от 12 августа 1918 года № 415.

Представление это исходит от меня потому, что есаул Непокупной, в бытность мою командиром Особого пластунского батальона, служил в этом батальоне со дня его формирования и в рядах его с честью и блестяще нес свою боевую выдающуюся службу, причем в бою под Екатеринодаром был ранен тяжело и остался в строю; под станцией Овечка был ранен в правую руку и под станцией Курсавка тяжело ранен, опять в правую руку. После моего ухода с должности командира батальона, последующие командиры менялись очень часто, а поэтому представление есаула Непокупного в полковники вполне заслуженное за боевые отличия, должно было состояться еще в прошлом году, до сих пор никем не возбуждалось. Есаул Непокупной стоит позади своих сверстников, но и других многих моложе его. Лично знаю боевые качества есаула Непокупного и его славную боевую работу. Я и вхожу с ходатайством перед Вами, прошу скорейшего про-

ведения в жизнь приказа о производстве есаула Непокупного в полковники, дабы этим хоть немного вознаградить потерянное есаулом Непокупным и вполне справедливо с честью им заслуженное» [24].

7 октября 1919 года за героизм, мужество и храбрость, проявленные во время 1-го Кубанского («Ледяного») похода, есаул К. Непокупной получил Знак Отличия Первого Кубанского похода 1-й степени № 3404 [25].

В приказе по Войсковому штабу Кубанского казачьего войска от 19 октября 1919 года № 1163 сообщалось, что есаул штаба 2-го Кубанского корпуса К. Непокупной на основании приказа по Кубанскому казачьему войску от 1919 года № 505 был произведен в войсковые старшины [26].

В приказе по Войсковому штабу Кубанского казачьего войска от 31 октября 1919 года № 1181 сообщалось, что войсковой старшина штаба 2-го Кубанского корпуса К. Непокупной на основании приказа по Кубанскому казачьему войску от 1919 года № 505 был произведен в полковники [27].

Осенью 1919 года он, уже будучи полковником, командовал 2-м Черноморским полком, который входил в состав 1-й Кубанской казачьей дивизии 1-го Кубанского корпуса Вооруженных сил Юга России [28].

Весной 1920 года, когда власть на Кубани и в Черномории захватили большевики, с войсками генерала Врангеля из Новороссийска в Крым эвакуировался и полковник К. Непокупной. Оттуда 31 октября 1920 года он в числе других казаков был перевезен на корабле на остров Лемнос. После острова Лемнос он проживал в Сербии [29].

30 мая 1921 года К. Непокупной прибыл в Чехословакию и уже 5 июля 1921 года в возрасте 29 лет он был зарегистрирован в городе Праге в объединении Российских Земских и Городских деятелей в Чехословацкой Республике [30]. В 1935 году К. Непокупной состоял на службе в Чехословацкой кавалерии [31].

На 1942 год штабс-капитан от кавалерии бывшей Чехословацкой армии Константин Гаврилович Непокупной находился на пенсии и проживал в городе Оломоуце (Чехословакия) [32]. В 1944 год он также проживал в городе Оломоуце и писал статьи [33].

К глубокому сожалению, оказалось невозможным проследить дальнейший, почти тридцатилетний жизненный путь К.Г. Непокупного. Известно, что после проживания в Чехословакии, К. Непокупной перебрался в Соединенные Штаты Америки. Проживал в Лос-Анджелесе (штат Калифорния), где и скончался 9 января 1972 года [34].

Имя Константина Гавриловича Непокупного не стоит в ряду лидеров Белого движения, о которых пишут в школьных учебниках, дискутируют историки. Но несмотря на это, он был достойный сыном своего Отечества, отстаивающим честь и достоинство офицера Российской империи, принципы и ценности казачьего сословия, собственные взгляды на непростые повороты судьбы, которые ему пришлось пережить.

Примечания

1. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 396. Оп. 1. Д. 11168. Л. 47 об. 48; Оп. 5. Д. 360. Л. 19, 22 об.; Д. 856. Л. 23.

2. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 10447. Л. 339, 395, 440; Д. 11168. Л. 47 об. 48; Оп. 5. Д. 360. Л. 23; Науменко В.Г. Кубанский исторический и литературный сборник. 1961, ноябрь-декабрь. № 13 (Блаувелт, США). С. 20.

3. *Тихоцкий Е.* Памятка 1-го Линейного генерала Вельяминова полка Кубанского казачьего войска. Белград, 1938. С. 10.

4. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 20, 25.

5. *Бурмагин А. Г., Бузун Ю. Г.* Кубанское казачество на рубеже веков (1860-1917 гг.). К 150-летию образования Кубанского казачьего войска. Краснодар, 2010. С. 331-332.

6. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11168. Л. 47 об. 48; Оп. 5. Д. 360. Л. 19 об., 22 об., 23.

7. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11168. Л. 47 об. 48; Оп. 5. Д. 360. Л. 19 об., 22 об., 23; Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1914 год; Альбом кавалеров ордена Святого Великомученика и Победоносца Георгия и Георгиевского оружия. Белград, 1935. С. 152; Хорунжий Непокупной // Иллюстрированный художественно-литературный журнал «ИСКРЫ». 1914. № 47, Воскресенье. 30 ноября. С. 370.

8. *Тихоцкий Е.* Памятка 1-го Линейного генерала Вельяминова полка Кубанского казачьего войска. Белград, 1938. С. 12-13; Тихоцкий Е. Атака 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска в боях под гор. Чертков 22/9 и Бучач 23/10 августа 1914 г. и гибель 1-ой Австро-Венгерской батареи 7-го конно-артиллерийского дивизиона. Белград, 1935. С. 18-39; Сборник славы кубанцев: повести, рассказы, стихотворения, статьи, письма и заметки / Под ред. И.И. Борца. Т. 1. Краснодар, 2010. С. 48-55; Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г. Указ. соч. С. 337-339; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. В вечное сохранение и напоминание славных имен (к 100-летию пожалования Вечных шефов первоочередным полкам Кубанского казачьего войска). Краснодар, 2005. С. 198–200; Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Страницы военной истории кубанского казачества: к 310-летию служения кубанского казачества Российскому государству. Краснодар, 2007. С. 352–353.

9. ГАКК. Ф. 396. Оп. 1. Д. 11168. Л. 47 об. 48; Оп. 5. Д. 360. Л. 9 об., 14 об., 17 об., 19, 19 об., 22 об., 23; Д. 856. Л. 23; Приказы по Кубанскому казачьему войску за 1915 год; Стрелянов (Кулабухов) П.Н. Кубанские офицеры в Луцком прорыве и летнем наступлении Юго-Западного фронта 1916 года // Кубанский сборник. Т. 2 (23) / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев. Краснодар, 2007. С. 212; Стрелянов (Кулабухов) П.Н., Киреев Ф.С., Каргагузов С.В. Кубанские, терские и уральские казаки в наступлении Юго-Западного фронта 1916 г. М., 2007. С. 13.

10. *Стрелянов (Кулабухов) П.Н.* Кубанские офицеры в Луцком прорыве и летнем наступлении Юго-Западного фронта 1916 года. С. 207.

11. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 20, 25.

12. *Тихоцкий Е.* Памятка 1-го Линейного генерала Вельяминова полка Кубанского казачьего войска. С. 19.

13. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 23.

14. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 9 об., 14 об., 17 об., 19 об., 23, 25; Трут В.П. Дорогой славы и утрат. Казачьи войска в период войн и революций. М., 2003. С. 341.

15. ГАКК. Оп. 5. Д. 360. Л. 9, 9 об., 14 об., 17 об., 20, 21.

16. *Гуль Р.Б.* Ледяной поход, Деникин А.И. Поход и

смерть генерала Корнилова. Будберг А.П. Дневник. 1918-1919 годы. М., 1990. С. 148-149; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 1996. С. 521.

17. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 11, 13, 20, 23, 25; Д. 856. Л. 23 об.

18. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. С. 522.

19. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 19 об., 23.

20. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 23.

21. ГАКК. Ф. 360. Оп. 5. Д. 360. Л. 20, 23, 25.

22. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 23.

23. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 23 об.

24. ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 10, 11-11 об., 13-13 об., 15, 18.

25. Горб Е.П. Кубанский список. Краснодар, 2013. С. 35, 51.

26. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 172. Л. 358, 358 об., 359.

27. ГАКК. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 172. Л. 428, 428 об.

28. Цветков В.Ж. Белые армии Юга России. М., 2000. С. 61, 74; Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 633.

29. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3996. Л. 6; ГАКК. Ф. 396. Оп. 5. Д. 360. Л. 17; Елисеев Ф.И. С Корниловским конным. М., 2003. С. 633.

30. ГАРФ. Ф. Р-5764. Оп. 3. Д. 3996. Л. 6.

31. Тихоцкий Е. Атака 1-го Линейного полка Кубанского казачьего войска в боях под гор. Чертков 22/9 и Бучач 23/10 августа 1914 г. и гибель 1-ой Австро-Венгерской батареи 7-го конно-артиллерийского дивизиона. С. 38.

32. ГАРФ. Ф. Р-5761. Оп. 1. Д. 6. Л. 112.

33. ГАРФ. Ф. Р-5762. Оп. 1. Д. 104. Л. 244.

34. Скорбный листок // Первопоходник. 1972. № 5, февраль. С. 48; Чуваков В.Н. Незабытые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917–1997. Т. 5. С. 82.

И. Т. Марзоев
(г. Владикавказ, Россия)

Родословная баделят Дзайнуковых

Обществами с наиболее выраженными феодальными отношениями в Северной Осетии считаются Тагаурское и Дигорское. Как и в Тагаурском, так и в Дигорском обществе привилегированные фамилии ведут свое происхождение от своих единых родоначальников. Высшее сословие Дигории состояло из трех родственных союзов фамилий, разделивших Западную Осетию на сферы влияния. В Тапан-Дигории и Уаллагкоме правили баделята, в Стур-Дигории – царгасата, в Донифарсе – гагуата.

У истоков родословного древа баделят стоит их общий прародитель Бадели. Трое его сыновей дали начало фамилиям дигорских баделят Абисаловых, Тугановых и Кубатиевых.

По своему сословному статусу баделята равнялись с аристократией других осетинских обществ, а также феодальными сословиями соседних народов. В 1889 г. присяжными депутатами, избранными от всех сословий Большой и Малой Кабарды, а также из сословия таубий горских обществ Георгиевского округа признали совершенно равными сословию тлекотлеш в Кабарде баделят, саргасат и гагуат Дигорского общества. Такое же заключение дали о них и присяжные депутаты, вызванные в Комитет, учрежденный для разбора личных и поземельных прав туземцев левого крыла Кавказской линии. «На основании всего вышеупомянутого Комиссия мнением своим полагает: лица, принадлежащие к существующим в Дигории привилегированным сословиям: баделят, саргасат и гагуат, по народному убеждению совершенно равноправным с кабардинским сословием тлекотлеш и издавна причисляемым правительством к благородным родам туземцев Северного Кавказа, признать в потомственном дворянстве» [1].

Свое достоинство баделята передавали по наследству. В 1812 году А.М. Буцковский, характеризуя сословный строй

Дигорского общества, отмечал, что власть баделят «подобна княжеской в Кабарде» [2].

Многочисленные устные и письменные источники говорят об иноземном происхождении Бадели. В произведенном в 1847 г. полковником Шостаком и штабс-капитаном генерального штаба Радичем следствии из показаний «простого вольного народа Дигории» следует, что: «За 200 лет до настоящего времени выходец из Венгрии, по имени Бадыль (маджар, т.е. дворянин), из племени аваров, – вместе с братом, оставив свое отечество, пришел на Кавказ. ...Они именуются старшинами, бадилатами или алдарами» [3].

В 1816 г. представители от всего дигорского народа обратились с письмом к главнокомандующему войсками в Грузии генералу от инфантерии Н.Ф. Ртищеву о принятии ими присяги на верность России, в котором говорилось: «В прошлом 1815 году посланные от вас всего дигорского народа доверенные старшины наши Али Кантимуров, Заур-бек и Давлетук Абисаловы, явсь к вашему высокопревосходительству в Кутаис, имели счастье видиться и объясниться с Вами на счет желания нашего вступить в подданство Российской империи и дали обещание, по которому и мы здесь учинили присягу, обстоятельства ж буде угодно вам знать, то оно происходило следующим образом: по возвращении от вас вышесказанных наших старшин, доставивших нам милостивое письмо ваше, мы оное вручили кабардинскому князю российскому подполковнику Кучук-беку Джанхотову, а другое предписание ваше доставили начальствующему здесь г. генерал майору Дельпоцо, с воли которого Кучук-бек Джанхотов был назначен и при нем моздокский городской команды хорунжий Медведов, прибыл к нам и собрали в одно место всех старших жителей и даже малолетних детей наших и объявили нам вступить в подданство российской империи, на что мы охотно согласились, учинили в присутствии подполковника Джанхотова и Медведова присягу на верность подданства его императорскому величеству и с того времени пребудем верноподданными вашими, таки и кабардинскими народами прекращена будто совершенно, тем более что мы с кабардинцами имеем родство и соседи, выгодною же для нас будет то, чтоб по бумагам подполковни-

ка Джанхотова были мы безопасно впускаемы в Кавказскую губернию и Кабарду по торговому промыслу. Желание наше которое полезно как для нас самих, так и для службы его императорского величества и послужит ко спокойствию горцев, удовлетворено по милости вашей и надеемся, что ваше высокопревосходительство не оставите сделать своего распоряжения по сему предмету, так как мы уже учинились подданными России против неприятелей ее. Неприятели и с доброжелателями доброжелатели, впрочем о надобностях и просьбах наших донесут вам старшины наши Девлетук Абисалов, Али Кантемуров, Эйпануко Кубатов и Кази Туганов» [4].

Ветвью старинного княжеского рода Кубатиевых являются Дзайнуковы. Свое наименование фамилия получила от Дзайнука, внука Кубади и правнука Бадели. Мать Дзайнука происходила из балкарского княжеского рода Женоковых (Дзаниуковых), в честь которого он и был так назван.

О происхождении таубиев Женоковых (Дзаниуковых) известно, что их родоначальник прибыл в Черекское ущелье Балкарии из «Борагана» и обосновался в местности Зылги.

В документе от 24 февраля 1872 г. сами Женоковы объясняют свое происхождение следующим образом: «Происходя из Горских Таубиев и в давнее время переселились из Балкарии в Кабарду и, хотя по переселении нашем мы считались наравне узденей Тамбиевых, Куденетовых и Анзоровых брат же наш Алибек Женоков и родственники Мисаковы проживают в Балкарии и считаются Таубиями...» [5].

Тамга дигорских баделят Дзайнуковых-Кубатиевых

В документах Комитета для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа за 1859 г. фамилия Дзайнуковых-Кубатиевых была представлена двумя семьями:

1) штабс-капитана Асланбека и брата его Муссы Кубатиевых;

2) братьев Касай и База Кубатиевых.

Родословная дигорских баделят Дзайнуковых демонстрирует наличие родственных связей со многими княжескими и дворянскими родами Осетии и народов Кавказа: баделятами Абисаловыми, Тугановыми, Каражаевыми и Кабановыми, царгасатами Карабугаевыми и Кантемировыми, гагуатами Асеевыми и Хорановыми, куртатинскими таубиями Боговыми, Гуриевыми, Сокаевыми и Схановыми, алагирскими узданами Карсановыми, балкарскими таубиями Абаевыми, Амирхановыми, Баевыми, Бикановыми, Боташевыми, Женоковыми, Мисаковыми и Темиркановыми.

Одним из известных представителей фамилии в XIX в. был штабс-капитан Асланбек Азнаурович Дзайнуков (1810–1860). В этом звании он значится в «Списке штаб, обер-офицеров и юнкеров Военно-Осетинского округа» от 27 сентября 1860 г. [6]. Служил в I-м Владикавказском казачьем полку. По данным первой переписи дигорского народа за 1847 г. в деревне Бейбулата Кубатиева, состоящими за ним значилось 89 семей, в том числе старшины: Бейбулат Кубатиев, Марзабек Текаев, Асланбек Дзайнуков, Аслануко Кантемиров [7]. В 1850 г. в числе Дигорских чиновников и старшин поручик А. Кубатиев был представлен на встрече с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем [8]. А. Кубатиев подал в Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа родословную своей ветви. В 1859 г. Комитет признал привилегированное происхождение дигорского баделята штабс-капитана А. Кубатиева и его сыновей [9]. Согласно «Списку членам бадилатских, царгасатских и гагуатских фамилий Дигорского общества» от 28 июня 1860 г, штабс-капитан Асланбек Кубатиев и его сыновья: Абисал и Кургок, племянники, сыновья умершего брата Муссы Кубатиева: Кубади и Амурхан «по происхождению и поведению со стороны депутатов от народа признаны достойными» [10]. В 1860 г. за участие в боевых действиях штабс-капитан А. Кубатиев был награжден орденом Св. Станислава II ст. [11]. Значится в «Посемейном списке Дигорского участ-

ка» за 1864 г., как проживающий в ауле Урсдон и имеющий кавдасардов три души женского пола [12]. Умер Асланбек Азнаурович 25 февраля 1860 г.

В 1850 г. в числе дигорских чиновников и старшин Мусса Азнаурович Дзайнуков (род. в 1821 г.) был представлен на встрече с Его Высочеством Наследником Александром Николаевичем [13].

В 1859 г. в Комитет для разбора личных и поземельных прав горцев Военно-Осетинского округа родословную своей ветви подал и Касай Азнаурович Дзайнуков (род. в 1796 г.). Комитет признал привилегированное происхождение дигорских баделят братьев Касая и База Кубатиевых [14]. Согласно «Списку членам бадилатских, царгасатских и гагуатских фамилий Дигорского общества» от 28 июня 1860 г. Касай Кубатиев, его сын Элькан, брат База с сыном Туганом «по происхождению и поведению со стороны депутатов от народа признаны достойными» [15]. Он значится в «Посемейном списке Дигорского участка» за 1864 г., как проживающий в ауле Махческ и имеющий кавдасардов две души мужского пола и три женского [16].

Кубади Муссаевич Дзайнуков (род. в 1844 г.) окончил Кабардинскую школу в г. Нальчик, открытую 1 января 1851 г. [17].

В 1884 г. в Турцию эмигрировал с женой и сыном Омарбеком Амурхан Муссаевич Дзайнуков (род. в 1853 г.)

В Первой мировой войне участвовал Тазрет Туганович Дзайнуков (род. в 1898 г.). Погиб на фронте в 1914 г.

В сложные послереволюционные годы волна репрессий коснулась и представителей этой фамилии: 10 ноября 1937 г. Тройкой НКВД СОАССР Тотырбек Кургокович Дзайнуков (род. в 1898 г., уроженец с. Текаево) был приговорен к расстрелу [18]. 7 декабря 1937 г. по постановлению Тройки НКВД СОАССР «за контрреволюционную вредительскую и подрывную работу в колхозе» Бек-Мурза Кубадиевич Дзайнуков (род. в 1884 г.) также приговорен к высшей мере наказания – расстрелу [19]. Реабилитирован постановлением Президиума Верховного суда СОАССР от 15 июля 1988 г. и дело в отношении его прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления [20].

Примечания

1. Материалы по истории Осетии. Сборник документов // Известия СОНИИ. Т.3. 1950. С.216.

2. *Гутнов Ф.Х.* Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993. С.152.

3. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.29. Л.4.

4. Кавказский вектор российской политики / Сборник документов – Том II. Книга 2: 1796-1864 гг. Составители: М.А. Волхонский, В.М. Муханов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2014. – 696 с. С.430.

5. *Баразбиев М.И.* Генеалогические предания о происхождении фамилий высшего сословия Балкарии и Карачая // Материалы международной научно-практической конференции «Генеалогия народов Кавказа. Традиции и современность. Владикавказ, 2009. С.38.

6. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30. Л.54-66.

7. *Мамхегов А.Б.* Первая перепись Дигорского народа. Живущие на плоскости // Архивы и общество. № 9, 2009. С.62-64.

8. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.2. Д.124. Л.5.

9. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.11. Л.31-32.

10. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30. Л.18-27 об.

11. *Кубатиев Б.А.* Баделиата Кубатиевы в осетинской историографии. Владикавказ, 2010. С.272.

12. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.77. Л.148 об.

13. ЦГА КБР. Ф.16. Оп.2. Д.124. Л.5.

14. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.11. Л.47-48.

15. ЦГА РСО-А. Ф.291. Оп.1. Д.30. Л.18-27 об.

16. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.77. Л.155.

17. ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.1. Л.176.

18. Список лиц, незаконно репрессированных в 30-40-х и начале 50-х годов // Газ. Северная Осетия, № 158 (23215), 23 августа 2000 г.

19. Список лиц, незаконно репрессированных в 30-40-х и начале 50-х годов // Газ. Северная Осетия, № 158 (23215), 23 августа 2000 г.

20. Справка, выданная Верховным судом СОАССР 30 марта 1993 г.

*А.И. Селицкий
(г. Краснодар, Россия)*

Происхождение рода Мордмилловичей

Имя товарища председателя Екатеринодарского окружного суда Якова Александровича Мордмилловича (1839–1916) хорошо известно всем, кто интересуется прошлым Северо-Западного Кавказа. Я.А. Мордмиллович оказался в Кубанской области в 1873 г. и остался здесь до конца своих дней. Помимо успешной профессиональной карьеры, он прославился как крупный общественно-политический деятель. В разные годы Я.А. Мордмиллович был членом постоянной ревизионной комиссии Екатеринодарского город-

ского управления, членом финансовой комиссии при Екатеринодарской городской думе, депутатом совета Екатеринодарского общества взаимного кредита, членом правления Екатеринодарского мужского благотворительного общества, членом ревизионной комиссии Екатеринодарского благотворительного общества, действительным членом Кубанского экономического общества, действительным членом Общества любителей изучения Кубанской области, председателем попечительного совета Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии, а также гласным Екатеринодарской городской думы. С 1905 г. он член Конституционно-демократической партии, товарищ председателя областного комитета партии.

Кроме того, Я.А. Мордмиллович долгое время был неофициальным лидером римско-католической и польской общин Екатеринодара. В 1904 г. он выступил одним из учредителей, членом правления и товарищем председателя Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным. Долгие годы был почётным блюстителем местной римско-католической приходской школы, организатором благотворительных «польских балов» в пользу этой школы [1].

В личном деле Я.А. Мордмилловича, хранящимся в фонде Екатеринодарского окружного суда Государственного архива Краснодарского края, указывается, что он происходит из дворян Витебской губернии, а с того времени, как он стал действительным статским советником (1896 г.), он становится потомственным дворянином [2].

Дворянское происхождение Я.А. Мордмилловича и этимология его фамилии представляет особый интерес. В фондах Российского государственного исторического архива сохранилось дело о сопричислении к дворянскому состоянию представителей рода Мордмилловичей. В документе сообщается, что в 1804 г. в ответ на представленные доказательства о благородном происхождении дворянина Суражского уезда Витебской губернии Андрея Фёдоровича Мордмиллиовича, Витебское Дворянское депутатское собрание признало их и внесло просителя и его род в 1-ю часть родословной книги Витебской губернии [3]. Доказательная часть дворянского происхождения Мордмилловичей (Мордмиллиовичей) довольно оригинальна и нуждается в дополнительном анализе. Приведём её основные тезисы: «Сия фамилия быв из предков удостоена привилегиею Дворянства и числясь между знатными обывателями княжества Семигальского употребляла герб через тех же предков под названием Пятыр или Пятырог и что Фамилия Мильлов в княжестве Семигальском, т.е. в Инфлянтах, от дальних времён размножилась по всём том Княжестве, что она разделилась на три уезда, т.е. Мордву, Чухну и Корелию, и во всех тех уездах довольно в большом количестве была распространена, а потому для различия, Мильловы приняли придомки (от польского przydomek «отличительное имя одной из ветвей рода». – А.С.) от названий уездов, таким образом фамилия

Миллов живущая в уезде Мордва, с которой выводящиеся происходят прибавила к родительскому названию слог Морд и началась называться Мордвилами, но тогда как княжество Семигальское неприятельскими войсками занятое искало защиты у польского Короля Сигизмунда 1-го с высланными от себя уполномоченными, и когда Великий Магистр Кетлер с Командорами в Кракове Королю и Республике Польской дал присягу, тогда по присоединении Инфлянт к Польше как занятые от противного могущества города и подданные убытки не хотел по доброй воле возратить, войною был принуждён. Почему негодовав сторона противная на Сигизмунда 1-го подговорила турков и татар к разрушению мира, которые нападши на Подолию большие делали опустошения, и Король имея немного войск противу многочисленного скопища турков дал повеление Великому Магистру как своему Даннику, чтобы он с войском своим поспешил на помощь, который с оным и не замедлил, в числе Командоров бывших с войском находился один фон Мильлов с уезда Мордва, который для разницы между прочими именовался Мордмилло, и тот хотя с малым числом воинов, когда началось с турками сражение, сделал большую услугу войску Польскому; ибо с помощью мужества его, разбили на голову турков, а сам Командор Мордмилло один напав на пять турецких воинов полонил оных и привёл к Королю, который в награду того мужества между прочим к первому ей фамилии гербу, которым печаталась, т.е. к золотому кресту в голубом поле, а сверху оного белой лилии переменяв голубое поле на красное прибавил пятиугольные узлы и наименовав оный Петяж или Пятырог, и что сия фамилия находилась в воеводстве Брасловском, что Марек и Мишко Мармилловы прежде от Короля Сигизмунда 1-го, а после от Сигизмунда Августа в 1542 году прежних своих прав получили утверждение, что и соглашается с выше прописанным. Даниил, Константин и Роман Мормилловы люди рыцарские под Хмельныкем сражаясь противу Татаров, ссыскали большую славу, Богдан Мормильло владелец на Кузминце оставил сына Михаила» [4].

Анализ данного текста позволяет сразу заметить противоречия, фактические ошибки и заимствования:

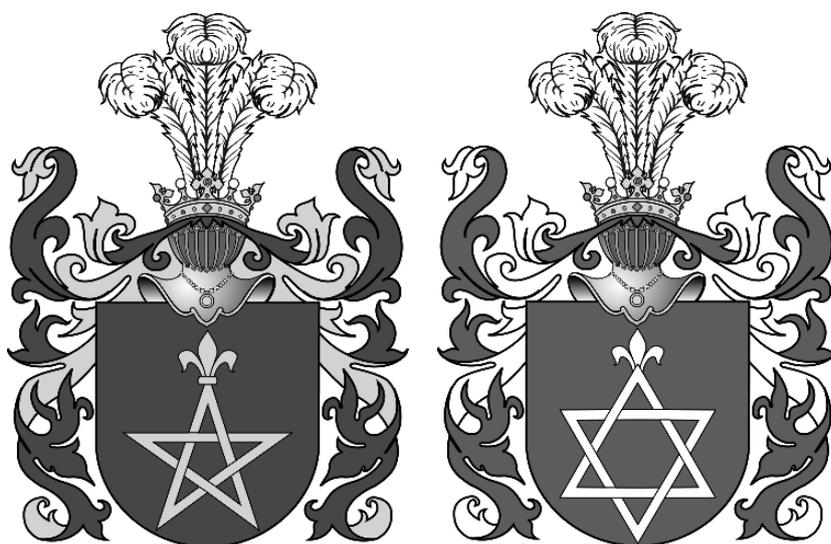
1) княжество Семигальское появилось как составная часть герцогства Курляндия и Семигалия в 1561 г., а до этого историческая область Семигалия (Земгале) входила в состав Ливонского ордена. Семигалия никогда не делилась на уезды Мордва, Чухна и Корелия. Данные названия явно отсылают к этнонимам трёх финно-угорских народов (мордва, финны, карелы) и, скорее всего, приписаны в документ для попытки объяснения этимологии фамилии Мордмилловичей;

2) последний магистр Ливонского ордена (ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии) в 1559–1561 гг. Готхард Кетлер не мог быть данником польского короля Сигизмунда I, правившего в 1506–1548 гг. Только в 1561 г. Г. Кетлер принял лютеранство и вступил в военно-политический союз с Польско-литовским государством, а в 1562 г. в Риге принес ленную присягу Сигизмунду II Августу;

3) начиная от упоминания о Мареке и Мишко Мормиловых и до Богдана Мормильо и его сына Михаила автор разбираемого текста практически слово в слово берёт информацию из знаменитого гербовника польского генеалога, геральдиста, иезуита Каспера Несецкого (1682–1744) «Korona Polska», впервые изданного в четырёх томах во Львове в 1728–1743 гг. Так, у К. Несецкого в статье «Мормило герба Пятыр» (Mormiło herbu Piatyr) говорится, что род этот известен в Брацлавском воеводстве. Марек и Мишко Мормило получили в 1542 г. от Сигизмунда I, а потом и от Сигизмунда II Августа подтверждение своих давних прав на имения Дизентковице и Федроновице. Представители этого рода Даниель, Константин и Роман славно сражались под Хмельником против татар. Богдан Мормило был владельцем на Кузьминце, оставил сына Михала и дочь Евдоксию, ставшую супругой Мачея Чечеля [5]. Характерно, что К. Несецкий не датирует битву при Хмельнике. С одной стороны, сразу вспоминается знаменитая битва при Хмельнике 1241 г. против монголо-татар, окончившаяся поражением поляков и последующим разграблением Кракова степными завоевателями. С другой стороны, автор более позднего гербовника «Rodzina» граф Северин Урусский (1817–1890), уточняя данные К. Несецкого, более осторожно сообщает, что Даниель, Констан-

тин и Роман сражались против татар в 1602 г., но уже не упоминает Хмельник как место битвы [6].

4) оригинальной частью доказательства о дворянском происхождении Мордмилловичей является описание герба и его название. Обычно герб Пятирог (польские варианты написания: Piatyr, Piatyróg, Piatyroch, Piętyróg) имеет два варианта изображения на щите: А. В лазуревом (голубом) поле золотой пятиугольник (звезда), увенчанный половиной золотой (или серебряной) лилии; Б. В червлёном (красном) поле серебряный шестиугольник (звезда Давида), увенчанный серебряной лилией [7]. В то же время в документе Мордмилловичей мы видим попытку показать свой оригинальный переход от лазуревоего (голубого) поля щита герба к червлёному (красному), а также от фигуры золотого креста, увенчанного серебряной лилией, к своеобразной фигуре пятиугольной звезды. Оригинальным является и встречающееся в документе название герба Петяж, что явно продолжает обыгрывать изображение на щите.

Всё это позволяет сделать предположение, что представители рода Мордмилловичей в начале XIX в. оказались перед сложной задачей доказательства своего дворянского происхождения. Им пришлось пойти по пути сочинительства, приписывая свой род к другому (Мормилло/Мормол/Мормидло), более известному и нашедшему своё подтверждение на страницах авторитетного печатного издания (гербовник

К. Несецкого). Отсюда и попытка объяснить довольно странную метаморфозу фамилии от Милловы до Мордвилы или Мордмилло с добавлением якобы «придомка» Мордва.

Характерно, что в определении Витебского депутатского собрания от 1804 г. есть попытка другого рационального объяснения изменения фамилии. В документе написано, что «сия перемена в названии могла случиться ошибкою типографскою» [8].

Кроме того, проситель А.Ф. Мордмиллиович привёл данные о своих ближайших предках и засвидетельствования ряда дворян, которые подтвердили благородное происхождение его рода и тот факт, что документы, говорящие об этом происхождении сгорели. Приведём некоторые моменты из архивного источника: «После такового объяснения касательно Герба и названия, относительно происхождения Проситель следующим образом изъяснил, что предок выводящихся Густав фон Мордмиллов обыватель Княжества Семигальского хотя из давней и знатной фамилии происходит, но обедневшей через разные приключения в имении, на котором оставаясь имел сына Адольфа, сей пример до взрослых лет и хозяйнича в оставленном после отца его том малом имении оставил наследником по себе сына Фёдора. Тот по прошествии в полные лета желая улучшить своё положение продал то маленькое отцовское имение и сам переселился в Белоруссию подле староства Усвятского с женою своею Магдаленою фон Дреумар, а там живя не малое время имел двух сыновей, Андрея и Генриха выводящихся ... а как сказанный Фёдор Адольфович проживал в земле к Литве принадлежащей, где прозвание найчаще кончается на вич то соглашаясь до сего обыкновения отбросил на начальный слог фон и прибавив на конец вич начал именоваться Мордмилльовичем, между тем земля Белорусская с Княжеством Инфлянтским доставил в 1772 году под Скипетр Державы Российской и пресветлейшая Державнейшая Императрица Екатерина II, награждая заслуги своих генералов Крузову отдала в награду Староства Усвятского хутор, по названию Вышедки, который как с одной земли с Мордмилльовичами, взял его к себе с выше сказанными сыновьями, и назначил управителем имения

Вышедок, которую управляя жизнь свою окончил, а генерал Круз место отца ныне выводящихся препоручил старшему сыну т.е. Андрею Фёдоровичу и когда он управлял представленными ему именьями Генерал Круз помер, по его же смерти когда тоже имение между оставшимися дочерьми разделилось и часть оногo называемого Вышедки досталась на сторону Генеральши Берхмановой, она видя хозяйственное управление Андрея Мордмилльовича полезным удержала его на будущее время, препоручив ему полное распорядительство над всем имением на её часть пришедшую, а меньшему его брату Генриху препоручила управление провиантскими магазейнами в том же имении, где и до сих пор оба они остаются. После того Андрей Фёдорович взяв в супружество девицу Екатерину де Витте, имеет от неё сына Александра, о чём удостоверяет 1796 года Октября 22 метрика о его крещении, но как документы служащее в доказательство происхождения Дворянского, какие только находились, по случаю огня сгорели, и когда отдалённость лет от родных и обязанности службы препятствовали ему искать прав своих, просили почётных обывателей Чиновников и Дворянства Витебской Губернии достоверно знающих знатное их рождение и их поведение как и истинному прилично Дворянству, о выдаче согласно 92 пункта 12 параграф Высочайшей Дворянства Грамоты засвидетельствования, которые и получили 1802 года Декабря 5 данное, а 1803 года Марта 24 числа в Суде Земском Витебского Уезда чрез Капитана Франца Манковского с согласия подписавшихся усвершенное в словах: что выводящиеся происходят от древних Дворянских предков Мордмилловичов Герба Пятърь или Пятърог, и что давно в сию землю прибыли, как равно и документы их сгорели каковое засвидетельствование при собственных печатях подписали: Ксаверий Лускина, бригадир войск литовских и кавалер, Казимир Беликович, судья земский Лепельского уезда, Иосиф Лускина, шамбелан Двора Польского, Пётр Коссов, подсудок Земский Витебский, Иосиф Шаверновский, подсудок Земский Витебский, Иван Периашко Селянка, бывший землемер Могилёвского Уезда, Маврици Антон Родкевич, коллежский секретарь, Станислав Зарвецкий, писарь Зем-

ский Витебского уезда, Франц Манковский, земский цивун Витебского уезда, Каспер Зброжек, ассессор Витебского нижнего Земского Суда и Михаил Жегота, ассессор Витебского Нижнего Земского Суда. Проситель представляя сие доказательств для удостоверения дворянского происхождения своей фамилии просил зачислить себя между обывателями и дворянством Витебской Губернии, выдать Ему диплому на имя Его с Экстрактом декрета выводowego и родословные линии пометить в следствие чего на основании выше прописанных доказательств оное Дворянское Д. Собрание заключило род Мордмилиовичев признать в Дворянском достоинстве и внести в 1-ю часть Дворянской родословной книги оной Губернии» [9].

Таким образом, Витебской депутатское собрание признало представленные доказательства о дворянском происхождении удовлетворительными. При этом, следует отметить, что отсутствие документов, подтверждающих благородные корни просителя, не позволили записать его род в 6-ю часть родословной книги, то есть туда, куда вносились древние роды, которые могли доказать свою принадлежность к дворянскому сословию в течение ста лет до момента издания «Жалованной грамоты дворянству» Императрицы Екатерины II (1785 г.). Мордмилловичи оказались в 1-й части родословной книги, как род, пожалованный дворянством Российским монархом.

Примечания

1. Подробнее о жизни и деятельности Я.А. Мордмилловича см.: Селицкий А.И. Поляки на Кубани. Краснодар, 2008. С. 85–86, 98–100; Он же. Общественно-культурные организации поляков Кубанской области и Черноморской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Поляки в России: эпохи и судьбы. Краснодар, 2009. С. 181, 211–213.

2. ГАКК. Ф. 482. Оп. 2. Д. 774. Л. 3об., 11об., 21об., 102об., 149об., 209.

3. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5677. Л. 3об., 4.

4. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5677. Л. 4об. – 7.

5. *Niesiecki K.* Korona Polska. [Lwów], 1740. Т. III. S. 299; Он же. *Herbarz Polski.* Lipsk, 1841. Т. VI. S. 463.

6. *Uruski S. Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. Warszawa, 1914. T. XI. S. 267.*

7. *Szymański J. Herbarz rycerstwa polskiego z XVI wieku. Warszawa, 2001. S. 214, 235; Gajl T. Herbarz Polski od średniowiecza do XX wieku. Gdańsk, 2007. S. 265.*

8. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5677. Л. 7.

9. РГИА. Ф. 1343. Оп. 25. Д. 5677. Л. 7–11об.

*Н.В. Кияшко
(г. Краснодар, Россия)*

Кубанское духовенство после Февральской революции 1917 г.: трансформация института епархиальной власти в свете региональной истории

Февральская революция 1917 г. разрушила основы русского консервативного общества, столетиями формировавшегося под влиянием Православной культуры. Масштабный взрыв, повлекший за собой значительные и порой необратимые изменения социального и институционального порядка, затронул и одно из важнейших сословий в структуре российского общества – духовенство. Смена системы государственного управления и общественно-политических взглядов внесли разделение в духовном сословии. При этом, даже в условиях нестабильности государственного аппарата и социального кризиса, Церковь смогла объединиться и принять решение о своем дальнейшем пути.

Несмотря на существующие исследования [1], целый комплекс вопросов, связанных с различными аспектами церковной жизни на Кубани в период Гражданской войны, остается не изученным.

После перехода власти к Временному Правительству духовенство Ставропольской епархии во главе с архиепископом Агафодором (Преображенским) продемонстрировало свою готовность к единению с новым демократическим российским обществом. В опубликованном на страницах «Епар-

хиальных ведомостей» воззвании архиепископ обращался к пастве, призывая «ни малейшим образом не выходить из подчинения местным властям, являющимся исполнителями воли нового правительства, и тем избранникам народа». Особым образом он выделял необходимость мобилизации всех сил для победы над Германией и сохранения гражданского мира в стране. Подобным было и настроение Кубанского духовенства.

9 марта в Александро-Невском соборе г. Екатеринодара после торжественного чтения актов об отречении от престола Императора Николая Александровича и Великого князя Михаила Александровича епископ Иоанн совершил молебен, а 10 марта по случаю празднования дня свободы России было совершено молебствие о мире в стране и благоденствии Временного Правительства [2].

12 марта от лица духовенства Екатеринодара и всей области Преосвященный Иоанн направил телеграмму с приветствием и благословением в адрес Временного Правительства. Рапортуя в Святейший Синод, епископ отметил, что духовенство «выражает свою радость в наступлении новой эры в жизни Православной Церкви и изъявляет готовность трудиться с полным самоотвержением» [3].

С установлением новой власти Церковь оказалась подвержена бурной демократизации епархиальной и приходской жизни. В первую очередь началось реформирование органов управления на епархиальном и приходском уровнях по принципу советизации.

16 марта в г. Ставрополе открылся чрезвычайный съезд духовенства Ставропольской губернии. На его заседаниях в качестве делегатов для участия в будущем съезде Кубанского духовенства были избраны «принять самое деятельное участие в созидании новой жизни ради сохранения веры Христовой» [4].

В ближайшее время съезд духовенства, который должен был определить порядок управления и отношения к новой власти, не был созван. В статье «Голос приходского священника» благочинный 22-го округа Кубанской области священник ст. Брюховецкой Николай Карташов объяснял затрудне-

ние с организацией съезда занятостью духовенства продолжительными постовыми богослужениями и преподавательскими обязанностями в местных школах. Государственный переворот духовенство области, по его мнению, «принимает с радостью и благожелательно, считает согласным с благом народа, возлагает на него большие надежды в смысле развития просвещения, могущества и нравственного совершенствования населения» [5].

Из-за особых препятствий к сбору делегатов от всего духовенства 22-23 марта по предложению епископа в связи с изменением политического строя государства открылось только собрание благочинных. Оно установило необходимость срочного созыва в апреле после Пасхи чрезвычайного съезда делегатов от духовенства всей епископии, определило ряд вопросов к будущему обсуждению на нем: избрание делегатов для представительства в Кубанском областном исполнительном комитете, отношение к свершающимся событиям, определение возможного плана действий духовенства, суждение о партийности или беспартийности, рассмотрение устава союза Ставропольской епархии и выборного начала в церковной жизни. В телеграмме на имя обер-прокурора Святейшего Синода собрание благочинных просило «выразить Временному Правительству полное доверие, засвидетельствовать готовность оказывать ему всяческую поддержку во всех начинаниях» [6].

13 апреля в здании Екатеринодарского мужского духовного училища под председательством епископа Кубанского открылся чрезвычайный съезд делегатов от духовенства области. В своем выступлении Преосвященный сказал: «духовенство давно сознавало тяжелое порабощение народа и церкви сильными мира сего. Сознавало это и скорбело и, сколько могло, возвышало свой голос. Но голос его, как слабый, заглушался более сильными голосами и почти не достигал желанной цели. Теперь народ богатырь сбросил с себя оковы рабства, и Церковь вздохнула свободнее. Как узник, освобожденный из темницы, чувствует себя на вершине счастья, так и церковь в лице верных своих не может не радоваться своему освобождению от тех стеснений, которые давили самоопреде-

ляющуюся ее жизнедеятельность. Только свободная церковь в свободном государстве может свободно служить народному благу». Он выразил одобрение, что духовенство «в лице избранных священнослужителей будет делить труд управления Кубанскую Церковью в соборе Пресвитерского Совета, который так необходим мне при многотрудном служении» [7].

Для организации работы съезда на выборных началах было избрано управление в лице председателя священника Н. Карташова, товарища священника В. Парадиева, и членов: священника Г. Ломако и псаломщика Лопатина, а секретарями – священников В. Судницына, В. Жогина, Ф. Дейниковского, Н. Михайлова, Севериана Тохадзе и диакона Михаила Винникова. В работе съезда приняли участие 32 священника, 14 диаконов и 26 псаломщиков (всего 72 человека), делегированные от благочиннических округов епископии. Помимо представителей приходского духовенства на съезд с правом голоса были допущены насельницы Марие-Магдалининской женской пустыни.

Прибывшие на съезд представители Ставропольского Союза потребовали предоставить себе 14 голосов по числу благочиний губернии, но их просьба была отклонена. Не приняв предложение получить по одному голосу на каждого представителя, все делегаты, за исключением священника И. Гревцова, вскоре покинули собрание. Однако на следующем заседании 14 апреля съезд пересмотрел вопрос о допуске представителей Союза с полным числом голосов и «ввиду чрезвычайной важности объяснений по данному заявлению» нашел возможным предоставить 28 голосов по общепархиальным и церковно-государственным вопросам, а в остальных – по 1 голосу.

Представители региональной власти, учитывая значительный авторитет духовенства, считали нужным привлечь его к политическим мероприятиям. По просьбе комиссара Кубанской области решением чрезвычайного съезда 14 марта на совещание по популяризации «займа свободы» в качестве делегата был направлен священник Иоанн Николайченко.

Безусловно, важнейшей стороной деятельности выборных съездов явилось сохранение тесной канонической связи

между духовенством и епархиальным архиереем. Например, согласно постановлению чрезвычайного съезда духовенства Кубани решения по вопросам церковного устройства и о расходовании церковных сумм непременно должны были утверждаться правящим епископом.

Одновременно со съездом духовенства проходили заседания Кубанского областного съезда казачьего и иногороднего населения. Для ходатайства о допуске представителей духовенства к участию в работе областного гражданского комитета были уполномочены священники Н. Карташов, В. Парадиев, И. Гревцов и Руденко. Вскоре после разделения съезда была созвана Кубанская войсковая рада, для приветствия которой были направлены священник Виталий Климентов, Михаил Конограй, диакон Пелих и псаломщик Лопатин.

15 апреля заседания съезда посетил комиссар области Кондрат Лукич Бардиж. Приветствуя собравшихся, он выразил уверенность, что духовенство поможет Временному правительству в его мероприятиях, «направленных ко благу родины, достижению победы над врагом и закреплению свобод, добытых революцией» [8].

Важнейшими постановлениями съезда, безусловно, были заявления об отношении духовенства к политической ситуации. Делегаты единодушно высказались за готовность способствовать политике Временного правительства, «употреблять все силы к укреплению новых основных начал жизни Русского государства, направляя в частности свою деятельность на умиротворение страстей и водворение спокойствия и порядка среди пасомых, на содействие армии в ее усилиях победить врага» [9].

В отношении политической платформы духовенства делегаты приняли решение придавать важное значение надпартийности, которая позволила бы объективно оценивать положительные и отрицательные стороны и сохранять возможность «воздействия на православных членов каждой партии». Однако, при этом представителям церковного сословия оставлялось право участия в политической деятельности различных партий, не противоречащих интересам Церкви. Начавшаяся секуляризация общественного сознания отчасти

коснулась и духовенства. Делегаты съезда на одном из заседаний признали допустимым ношение светской одежды вне прихода в случаях, где она не вызовет соблазна в прихожанах, а также необязательность ношения длинных волос. Коснувшись богослужебной сферы, съезд признал «желательным применение русского языка в церковном богослужении, где это будет признано возможным и удобным» [10].

17 апреля на заседаниях съезда духовенство одобрило общим голосованием проект Устава Союза духовенства Кубанской области, учрежденный с целью объединения духовенства в прогрессивной и церковно-общественной деятельности. Состав Союза предполагал делегирование от благочиний по 1 представителю от священников и 1 от дьяконов и псаломщиков. Постоянным административным органом, осуществлявшим руководство деятельностью Союза в перерывах между собраниями его членов, являлся Совет. Председателем Совета Союза был избран священник Григорий Ломако, членами: священники Иоанн Николайченко, Александр Маков, Николай Михайлов, протоиерей Михаил Воскресенский, диакон Георгий Лукин и псаломщик Александр Погуляев. При Совете «в целях наибольшей сплоченности духовенства» было признано необходимым учредить Институт особых делегатов. В их функции входило решение проблем, связанных с несоответствием деятельности приходского духовенства началам нового строя. В число делегатов вошли священники С. Киреев, Н. Розанов, П. Федоров, Н. Чмутов, В. Климентов, Н. Глаголев и Б. Колесников [11]. Известны результаты деятельности этого института. На основании надписи Кубанского областного исполнительного комитета от 16 мая 1917 г. расследование недоразумений, возникших между причтом и гражданским исполнительным комитетом ст. Рязанской и «вызвавших возбуждение среди населения», было поручено священнику Н. Чмутову. При содействии делегата гражданский исполнительный комитет пошел на встречу священнику и особым приговором засвидетельствовал «о любви населения» к последнему [12].

Одновременно с реформированием епархиальных органов управления произошли кардинальные административ-

ные перемены на уровне благочиний. Руководствуясь принципом выборности, Союз духовенства постановил на окружных съездах избрать благочинных, духовников, депутатов на съезды. Вновь образованы благочиннические советы, в состав которых входили благочинный и избранные от духовенства округа священник, диакон и псаломщик. Ряд перемен коснулся и территориально-административного деления епархии. Решением депутатов Баталпашинское благочиние, состоящее из двух храмов, было упразднено, а его причты вошли в состав 9 округа Кубанской области; соборное благочиние г. Ейска решено соединить с городским.

В целях объединения деятельности для принятия решений по общепархиальным вопросам был создан Комитет объединенных Советов Кубанского и Ставропольского Союзов духовенства в составе 6 человек (по 3 от каждого Союза).

В последние дни апреля Святейший Синод своим решением восстановил в сани всех гонимых прежде за политические убеждения священнослужителей и заявил о «восстановлении древнего принципа выборности епископата». Согласно этому решению Чрезвычайный съезд духовенства Кубанской епископии 21 апреля принял постановление об амнистии духовенства и восстановлении прав воспитанников Ставропольской духовной семинарии, уволенных в 1905-1907 гг., допустив их к продолжению обучения. В этот день делегаты завершили свою работу, назначив созыв предстоящего общего Епархиального съезда на май-июнь [13].

30 апреля в Ставропольских епархиальных ведомостях была опубликована резолюция архиепископа Ставропольского и Кавказского Агафодора от 27 апреля о назначении Общепархиального съезда депутатов от духовенства и старост храмов Ставропольско-Кубанской епархии на 1 июня 1917 г. [14].

Стремление духовенства способствовать сохранению гражданского мира в стране выражалось в поддержке курса Временного правительства и в препятствии появлению очагов социального напряжения. Так, 14 июня 1917 г. Совет Союза духовенства Кубанской области направил в Кубанский областной исполнительный комитет брошюру «Народ! Ты

должен это знать!», изданную в в Армавирской типографии Управления Лабинского отдела, очевидно, комитетом социалистов-революционеров. Совет обращался с просьбой принять меры против распространения этой погромной литературы «во избежание могущих возникнуть под ее влиянием» волнений. В брошюре критиковалось религиозное учение Церкви, извращались евангельские тексты, в ложной форме сообщалось о деятельности духовенства. «Теперь надо особенно бояться разных «благодетелей», которые сатанинские дела проделывают «во имя Отца и Сына и Святого Духа» и для своей выгоды пугают темный народ обычным враньем об антихристе и страшном суде», – советовали в книжке. Составители призывали: «Долой обманщиков! Долой казенных попов! А кому нужны попы, так пусть прихожане выбирают сами... Поповский «Закон Божий» подстроен так, чтобы люди верили во всякую чепуху без доказательств, без проверки, на слово. Поповские науки выдуманы попами в старые времена, чтобы запугать народ и жить поборами. Попы распяли Христа, попы пожгли на кострах много передовых людей, попы проклинали Толстого, попы вечный тормоз народного просвещения». Совершенное извращение Евангельского текста ставило своей целью обольщение простого народа и укрепление его веры в лживость духовенства. Более того, пытаюсь привлечь к себе консервативно настроенное население, авторы текста пишут: «Ведь Христос тоже был революционером: отвергал старые, негодные порядки жизни и заменял их новыми, более совершенными, за что и был распят теми, кому по старому жилось хорошо. Христос... не сказал ни одного слова ни о рае, ни об аде, ни о загробной жизни, а требовал только любви друг к другу. Читайте революционные газеты, сочинения графа Толстого, который рассказал народу, как попы обманывают его» [15]. Стоит заметить, что подобные провокационные издания лишь усугубляли без того накалявшиеся отношения между казачьими и иногородними жителями области, способствовали эскалации локальных конфликтов.

Однако, несмотря на сложившиеся социальные противоречия, в некоторых населенных пунктах подавляющее большинство населения продолжало придерживаться старых

традиций и систем взглядов. Эту тенденцию характеризует избрание 4 апреля 1917 г. председателем схода жителей слободки Григорьевской Екатеринодарского отдела по выбору делегата на Областной съезд казачьего и иногороднего населения священника Петра Танцюры [16]. Доверие жителей к представителю Церкви иллюстрирует еще не подверженное секуляризации народное сознание, которое вскоре, к сожалению, кардинальным образом изменилось.

Для учреждения органов епархиальной власти, устройства приходской жизни и решения различных вопросов 16 июня в г. Ставрополе начал свою работу съезд депутатов от духовенства, церковных старост и мирян благочиний Ставропольской губернии и Кубанской области. Председателем съезда был избран священник Николай Карташов, а товарищем – законоучитель Екатеринодарской войсковой мужской гимназии священник Григорий Петрович Ломако. Именно этим съездом было предпринято реформирование структуры епархиального управления. Постановлением 23 июня была утверждена реформа института благочинных. Одним из самых значимых изменений было упразднение духовной консистории, признание законодательным органом Епархиального собора духовенства и мирян, созываемым не менее раза в год. В его состав от каждого округа вводились представители в лице одного священника, диакона, псаломщика и 3 мирян. Но как исполнительный орган консистория временно сохранялась «до создания нового строя церковной жизни».

Исполнительным органом Собора явился учрежденный на постоянной основе церковно-епархиальный Совет Кубанской епископии. Не нарушая канонического единства с викарным епископом, съезд духовенства признал председателем церковно-епархиального Совета епископа Иоанна. Так же в состав Совета на постоянной основе входили 4 священника, диакон, псаломщик и 4 мирянина. 27 июня товарищем председателя был избран протоиерей Александро-Невского собора г. Екатеринодара М. Воскресенский, а членами законоучитель гимназии священник Григорий Ломако, священник Дмитриевского храма г. Екатеринодара Иоанн Максимов, заведующий хозяйственной частью Екатеринодарского епар-

хиального училища священник И. Николайченко, диакон ст. Пашковской Г. Лукин, псаломщик Бойко и от мирян: полковник А.П. Филимонов, войсковой старшина Гаденко, директор Кубанской учительской семинарии Крыжановский, староста Покровского храма г. Екатеринодара Мирошников, войсковой старшина Головки и урядник ст. Платнировской Степура. Подобный Совет был создан и в Ставропольской епархии.

Однако, секуляризационные тенденции не могли не коснуться традиционных канонических основ церковного управления. Признавая право на поставление епископа только за собором епископов, члены съезда все же ввели выборное начало при избрании епископа. Более того теперь епископ мог быть избран из лиц белого духовенства (вдовых или неженатых) без обязательного принятия монашества. В целях регулирования управления Ставропольской и Кубанской епархиями учреждался Областной церковный собор, в который входили от каждой епархии епископ, священник, диакон, псаломщик, представители монашествующих и 4 мирянина. Этот собор становился связующей инстанцией между епархиальной и высшей церковной властью.

В связи с организацией собственной канцелярии при Кубанском и Екатеринодарском епископе депутаты съезда утвердили смету на ее содержание в размере 9520 рублей. 28 июня общий епархиальный съезд завершил свою работу [17]. Определением Ставропольской духовной консистории от 10–12 июля 1917 г. духовенству Кубанской области было объявлено об открытии Кубанской епархиальной канцелярии и рекомендовано по всем вопросам, касающимся ведения епископа Иоанна, обращаться в епархиальную канцелярию, а не в духовную консисторию. Организацией собственной канцелярии и выделением делопроизводства из ведения Ставропольской духовной консистории был сделан определенный шаг к самостоятельности Кубанской епископии, которая была получена окончательно лишь в 1919 г. с санкции Временного Высшего Церковного управления на Юго-Востоке России.

Таким образом, проведя анализ воздействия секуляризационных и деструктивных последствий политического кризиса февраля 1917 г., можно увидеть ряд закономерных

изменений в среде духовенства Кубанской области. Его подавляющее большинство поддержало Временное Правительство, направив свои силы на сохранение гражданского мира в стране. Тенденции «советизации» привели к трансформации института епархиальной власти и изменениям в управлении на уровне благочиний и приходов.

Примечания

1. *Горожанина М.Ю.* Православное духовенство Кубани в начале XX века // Государство, общество, Церковь в истории России XX века. Материалы VIII Международной научной конференции. – Иваново, 2009. – С. 69-74; Рыбко С.Н. Развитие православной церковной жизни на Кубани в советский период. К вопросу о церковно-государственных отношениях // Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов XIII научно-практической конференции «Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность», г. Краснодар, 22 февраля 2013 г. – Краснодар: ИМСИТ, 2013. – С. 238-247.

2. Ставропольские епархиальные ведомости (СЕВ). 1917. № 11. С. 335–336.

3. СЕВ. 1917. № 12. С. 358.

4. СЕВ. 1917. № 13-14. С. 396, 429, 442-444.

5. СЕВ. 1917. № 13-14. С. 490-492.

6. Православная церковь на Кубани (конец XVIII – начало XX в.). Сборник документов (К 2000-летию христианства). Краснодар, 2001. – С. 145-146.

7. СЕВ. 1917. № 19–20. С. 551-583.

8. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 60. Л. 5-5об.

9. СЕВ. 1917. № 19-20. С. 551-561.

10. Там же. С. 562.

11. Там же. С. 563, 576.

12. СЕВ. 1917. № 20. С. 597-599.

13. СЕВ. 1917. № 19-20. С. 551-583.

14. СЕВ. 1917. № 18. С. 513-514.

15. ГАКК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 42. Л. 493-497об.

16. ГАКК. Ф. Р-1259. Оп. 1. Д. 36. Л. 286-287.

17. СЕВ. 1917. № 29. С. 982-995; № 31-32. С. 1007-1042.

*А.А. Небавский
(г. Краснодар, Россия)*

Из истории репрессий против духовенства в годы Гражданской войны на Кубани

Время классовых и идеологических подходов к оценке исторического прошлого давно позади. Представители власти перестали диктовать научной общественности, что и как стоит писать или говорить. Свобода собственного мышления и научной концепции сегодня является необходимым условием объективного изучения исторического процесса. Новым выражением интенции исторической науки стал объективизм и беспристрастный личностный подход исследователя к анализу событий. Изменение методологического принципа от макроуровня до нового масштаба познания – микроанализа, акцентирующего внимание исследователя на человеке и его личности, обуславливает персонафикацию и конкретизацию локальной истории.

Социальный взрыв и масштабные институциональные перемены, возникшие в результате февральского переворота 1917 г., кардинальным образом изменили российское общество. Сложившаяся дихотомия общественно-политических взглядов явилась катализатором социальных проблем, накопленных в течении столетий. Особенно болезненно происходила смена власти на Кубани – регионе, где значительную роль в сознании жителей занимал консервативный уклад, основанный на православной культуре. Жесточайшая борьба за власть, вылившаяся в Гражданскую войну, затронула не только гражданское население, но и Церковь. Представители православного духовенства, являясь индифферентными к политической борьбе, в своей деятельности стремились призвать враждующих к миру и любви по заповеди Христа «да любите друг друга; как Я возлюбил вас» (Ин. 13:34).

По данным протопресвитера М. Польского только в 1918 г. в Кубанской области было убито 43 священника [1]. Однако, эту цифру должно считать неточной. В своем исследовании отец М. Польский, видимо, не владея достаточным объ-

емом информации, о некоторых священниках привел лишь самые краткие данные, упомянув только имена.

Этот список священников на долгие годы вошел в региональную историографию, и, к сожалению, никто из исследователей не предпринимал попытки более широкого изучения этого вопроса с привлечением новых архивных документов [2]. В настоящей статье автором будут раскрыты подробности жизни и кончины некоторых представителей духовенства, убитых в 1918 г.

Священник Александр Косьмич Флегинский служил на момент своей смерти в станице Георгие-Афипской Екатеринодарского отдела Кубанской области. Интересна жизнь этого человека, отдавшего свою жизнь за Христа и Веру. Он родился 19 февраля 1861 г. в семье священника. Окончив в 1883 г. Ставропольскую духовную семинарию, он получил назначение на должность сверхштатного псаломщика при Казанском соборе г. Ставрополя. В этом же году в его жизни произошла перемена – он женится на девице Марии, впоследствии у них рождаются дети Владимир и Ольга. 26 августа епископ Кавказский и Екатеринодарский Герман (Осецкий) рукоположил Александра во диакона, а 28 августа – в священника, и назначил в станицу Ключевую. Вскоре после прибытия в станицу о. Александр получил место преподавателя Закона Божия в одноклассном министерском училище.

Спустя два года отец Александр по собственному прошению был переведен в станицу Красногорскую, с которой на долгое время будет связано его служение. 11 марта 1892 г. с формулировкой «за усердную службу» он получил первую церковно-богослужебную награду – право ношения набедренника.

Являясь хорошим проповедником, о. Александр 19 февраля 1894 г. по благословению епископа Ставропольского и Екатеринодарского Агафодора (Преображенского) принял на себя обязанности окружного миссионера 11-го благочиннического округа. Стоит отметить, что именно в период управления епархией епископа Агафодора миссионерской деятельности стало придаваться особое значение: миссионерами начали назначать особенно талантливых священников,

организовано специальное издание – «Миссионерские известия», была учреждена миссия среди калмыков.

31 марта 1900 г. отец Александр получил в награду бархатную фиолетовую скуфью, а через год удостоен благодарности от Баталпашинского отделения Ставропольского епархиального Училищного Совета «за отлично-усердную деятельность на пользу церковно-приходской школы станицы Красногорской».

12 мая 1903 г., оставив должность окружного миссионера, он был избран действительным членом Ставропольского церковно-археологического общества, а год спустя – духовником 11 округа.

В 1908 г. оказалась свободной должность благочинного 17 округа. Находя отца Александра достойным этого места, архиепископ Агафодор 4 февраля перевел его в ст. Георгие-Афипскую и назначил благочинным округа. Спустя три месяца, по решению Святейшего Синода он был награжден камилавкой [2]. Одновременно произошло его назначение законоучителем в Георгие-Афипское двухклассное смешанное начальное училище [3]. 9 марта 1910 г. состоялось избрание благочинного депутатом от округа на епархиальные и окружные съезды на три года.

10 ноября 1911 г. семью священника А. Флегинского постигло несчастье – скончалась его жена Мария Николаевна. Ее погребение, которое совершили настоятель Александроневского войскового собора г. Екатеринодара протоиерей Созонт Мищенко с диаконом Константином Подольским, состоялось на Всесвятском кладбище [4].

Активная деятельность отца Александра не ограничивалась только на уровне благочиния, но и продолжалась на епархиальных съездах. В 1912 г. на Екатеринодарском окружном съезде духовенства он вошел в состав ревизионной комиссии по хозяйственной части Екатеринодарского духовного училища. Такие съезды духовенства проходили каждый год, на них решались различные административно-хозяйственные вопросы духовного училища, да и вообще духовенства округа. От благочиний на них направлялись депутаты, в основном ими были либо благочинные, либо особо

уважаемые и заслуженные священники. На съезде в августе 1915 г. отец Александр также присутствовал. Это было обозначено в журнале заседаний съезда, о первых действиях которого читаем: «собравшись в городе Екатеринодаре... в первом своем заседании, под председательством старейшего из своей среды священника Александра Флегинского» состоялись выборы председателя и членов комиссий съезда [5].

6 мая 1915 г. он получил право ношения наперстного золотого креста.

В марте 1918 г. неизвестные отряды большевистских войск захватили ст. Георгие-Афипскую. По станции прокатилась волна безудержного насилия, начались расправы с представителями «царского режима, угнетавшими трудовой народ». Был схвачен и казнен красноармейцами без объяснения причин и отец Александр. В «Обращении Церкви Екатеринодарской к христианским Церквям всего мира», опубликованном 7 апреля 1919 года в газете «Вольная Кубань», о случившейся трагедии кратко сообщается следующее: «в станице Георгие-Афипской священник отец Александр Флегинский был изрублен в куски» [6]. Однако Р.Б. Хаджиев, описывая прибытие в ст. Георгие-Афипскую генерала Л.Г. Корнилова, говорит, что генерал поселился в отведенный ему под квартиру дом бывшего священника, «которого большевики за кадетские убеждения повесили до прихода нашей армии» [7].

После освобождения Кубанской области от большевиков началось расследование обстоятельств гибели отца Александра Особой следственной комиссией по расследованию злодеяний большевиков, состоящей при Главнокомандующем вооруженными силами на Юге России. 26 марта 1919 г. члены особой комиссии в помещении Кубанского епархиального совета произвели осмотр документов, находящихся в делах совета. В протоколе осмотра следователь указал, что в шестнадцати рапортах на имя епископа Кубанского и Екатеринодарского Иоанна (Левицкого), «об убийствах большевиками лиц духовного звания не содержится описания обстоятельств, при которых произошли эти убийства» [8].

Имена убитых священников из обнаруженных документов следователь расположил в сквозной буквенной нумерации,

где под буквой «з») указан рапорт благочинного семнадцатого округа от 17 декабря 1918 г. за № 261 об убийстве священников ст. Ключевой Моисея Тырышкина и ст. Георгие-Афипской Александра Флегинского. В заключение протокола сказано, что «при некоторых из этих рапортов представляются ставленические грамоты убитых, во многих же указывается, что все документы порваны или сожжены при разгроме большевиками квартир убитых. Больше ничего, относящегося к делу в этих рапортах не содержится» [9]. Сведения о дате смерти можно получить из рапорта инспектора Георгие-Афипского училища А. Бельского, который 27 октября 1918 г. сообщал: «законоучитель священник Александр Флегинский скончался в марте месяце 1918 года» [10].

Впоследствии члены Особой комиссии в одном из следственных документов об обстоятельствах смерти отца Александра в краткой и скупой форме написали: «Флегинский Александр священник станицы Георгие-Афипской Кубанской Области. Избит с бесконечными глумлениями, выведен был за станицу и убит. Тело его было найдено много времени спустя» [11].

После освобождения ст. Георгие-Афипской от большевиков Добровольческой армией в сентябре 1918 г. растерзанное тело отца Александра было обнаружено за пределами станицы спустя семь месяцев после убийства. Эти данные подтверждает следственная комиссия и метрическая запись об отпевании отца Александра в Александро-Невском соборе города Екатеринодара, где датой смерти является 24 марта, а датой отпевания и погребения 18 сентября 1918 года [12].

После того, как тело священника было найдено, вероятно, его сын Владимир, занимавший должность судебного следователя 2-го участка Сальского округа Новочеркасского окружного суда, вывез в г. Екатеринодар, где приготовил к христианскому отпеванию и погребению. Отпевание состоялось 18 сентября 1918 г. в Александро-Невском соборе при стечении большого количества священников 17 благочиния. Сохранившаяся метрическая запись гласит: «Благочинный 17-го округа Священник станицы Георгия-Афипской Кубанской Области, Александр Косьмич Флегинский, убит боль-

шевиками 24 марта 1918 года в возрасте 56 лет. Погребение совершенно 18 сентября 1918 года Священниками его Благочиния и предано земле на Екатеринодарском общем кладбище» [13]. Удивителен тот факт, что по прошествии 7 месяцев тело убитого священника оставалось непогребенным и при этом не подверглось тлению.

Страшная участь постигла священника ст. Усть-Лабинской Михаила Михайловича Лисицына, арестованного 22 февраля 1918 г. По свидетельству Особой комиссии священник «с накинутой на шею петлею был долго водим по станице, глумились и били его так, что под конец он сам, падая на колени, умолял мучителей скорей его прикончить» [14]. 26 февраля священника убили. Остановимся подробно на его жизни.

Священник Михаил Михайлович Лисицын родился 19 октября 1862 г. в селе Ешкур Рязанского уезда Рязанской губернии в семье священника Михаила Кондратьевича и Ксении Петровны, дочери священника Павла Мизерова. Детство Михаила проходило в бедной сельской среде, отличительной чертой которой являлась глубокая христианская вера. Отец Михаила служил в небольшом сельском приходе и воспитывал сына в науке христианского благочестия, с ранних лет прививая любовь к чтению Священного Писания, молитве и храму Божию. 19 января 1870 г. в возрасте 35 лет скоропостижно скончался Михаил Кондратьевич. Михаил остался сиротой, и заботу о его воспитании взял на себя дядя, священник Павел Крылов. В 1873 г. Михаил поступил в Рязанское духовное училище, которое успешно окончил в 1877 г. и поступил в духовную семинарию. По окончании семинарии в 1883 г. он поступил на службу преподавателя в сельскую Задне-Пилевскую школу. В 1884 г. он женился на Евдокии Ивановне Гиляровой, дочери умершего священника с. Прудки Касимовского уезда.

Уже в следующем 1885 г. он был рукоположен архиепископом Рязанским и Зарайским Феокистом (Поповым) в сан священника и определен к Троицкому храму с. Катино Скопинского уезда [15]. Однако со временем здоровье его жены ухудшилось, понадобился теплый климат. В конце декабря 1894 г. отец Михаил обратился к епископу Владикавказско-

му и Моздокскому Владимиру (Сеньковскому) с просьбой принять его во Владикавказскую епархию. 8 февраля 1895 г. резолюцией епископа он был определен в ст. Кисловодскую.

Прибыв к месту служения, отец Михаил принял дела прихода и сразу же решил благоустроить и расширить храм. В короткие сроки причтом и священником были собраны деньги для этого благого дела и осуществлено задуманное предприятие [16]. Имея богатый педагогический опыт, он вскоре был назначен в станичную школу, где начал активную работу по просвещению подрастающего поколения. За ревностную деятельность 22 августа 1899 г. ему была выражена благодарность и архипастырское благословение. 11 мая 1902 г. за ревностные труды и заботы о воспитании детей был награжден Библией от Святейшего Синода, а 6 мая 1906 г. - камилавкой.

Следует отметить, что обладая высокими духовными качествами и богатым пастырским опытом, отец Михаил выделялся из среды духовенства, и неслучайно именно он был избран председателем благочиннического совета 2-го округа по Пятигорскому благочинию, что свидетельствует о доверии к нему местного духовенства [17].

В 1906 г. священник М. Лисицын получил назначение в с. Орбелиановское Владикавказской епархии. Одновременно с этим событием связано его горячее желание послужить Церкви в качестве военного священника. 16 мая того же года он написал прошение протопресвитеру военного и морского духовенства А.А. Желобовскому следующего содержания: «Осмеливаюсь покорнейше просить... принять меня в число военного духовенства и предоставить мне место священника» [18]. В ожидании назначения в ноябре 1907 г. священник обратился к архиепископу Ставропольскому и Екатеринодарскому с просьбой о переводе в Ставропольскую епархию. 10 декабря он получил указ о назначении третьим священником в с. Александровское Ставропольской губернии.

На новом месте служения о. Михаил активно продолжал церковно-общественную деятельность: преподает Закон Божий в министерских школах, являлся делопроизводителем и казначеем Александровского отделения Епархиального

училищного совета. Вскоре за такое усердное ревностное служение он был награжден скуфьей. Почти одновременно с назначением в Ставропольскую епархию отец Михаил получил назначение в храм при Управлении Ура-Тюбинского воинского начальника, от которого 10 декабря отказался, ввиду состоявшегося назначения на приход [19].

25 июня 1912 г. согласно прошению отец Михаил был переведен в Николаевский храм ст. Усть-Лабинской Кубанской области. Назначение законоучителем в высшее начальное училище последовало 15 октября 1913 г. [20]. В новых условиях служения священник проводил активную миссионерскую деятельность среди казачьего населения станицы. Еще в бытность его служения во Владикавказской епархии в епархиальных ведомостях в 1898 г. священник А. Малиновский благосклонно отзывался о миссионерской деятельности М. Лисицына: «В тетради священника Лисицына – 14 бесед, из них в десяти идет изъяснение молитвы Господней, две общего характера – о почитании святых икон и об ангелах, и две последние представляют собою вступительные беседы к объяснению Символа Веры – о религиозных заблуждениях и о законных пастырях, как богопоставленных учителей.

Каждая беседа проповедника состоит из двух частей, – объяснение прошений молитвы Господней и затем нравственного наставления. Применительно к пониманию и потребностям слушателей; здесь проповедник пользуется случаем обратить внимание слушателей на замечаемые у них недостатки (по этому плану составлены и остальные поучения). Такой план бесед находит свое полное оправдание в цели пастырской проповеди и потому является совершенно правильным. Прощения изъяснены согласно с учением Православной Церкви; содержание их раскрыто по возможности со стороны тех потребностей и нужд, какие являются наиболее общими и понятными для жителей станицы; благодаря этому, поучения являются жизненными и должны оказать доброе влияние на слушателей» [21].

С началом Первой мировой войны все общество активизировалось для помощи фронту. В 1915 г. от М. Лисицына в епархиальный склад для воинов действующей армии были от-

правлены 96 рубашек, 65 кальсон, 6 пар перчаток, наволочки, 7 полотенец, 41 пара носков, 3 пары портянок, пара валенок, 54 штуки носовых платков, 6 кисетов с табаком и черкеска [22].

Революционный переворот и приход к власти большевиков ознаменовал начало новой трагической страницы в жизни Русской Церкви. Начавшаяся Гражданская война и гонения не обошли стороной и Кубанский край. В январе 1918 г. в Усть-Лабинской начались революционные волнения, подогреваемые местными большевиками. Государственная власть в лице казачьего станичного правления постепенно перестала существовать, этого активно добивались вернувшиеся с Кавказского и Западного фронтов казаки, зараженные идеями большевизма. Возник конфликт на почве идей большевизма между казаками-фронтниками и представителями старого казачьего населения [23].

Дальнейшей эскалации напряжения способствовало опубликованное воззвание большевиков под названием «Чего хотят Кубанские большевики» от 20 января 1918 г. в газете «Вольная Кубань». В этом воззвании содержались открытые призывы к гражданской войне. 27 января 1918 года начались первые боевые столкновения между казачьими частями и большевиками [24].

Вооруженное противостояние между казаками и большевиками продолжалось весь февраль 1918 года. Окончилось оно 22 февраля захватом большевиками станицы Усть-Лабинской. Начались скорые расправы с негодными новой власти людьми, офицерами царской армии, казаками, служащими и простыми жителями. В этот же день без объяснения причин был арестован отец Михаил. Подробности ареста неизвестны, но сохранились документальные свидетельства о том, что происходило в первые дни после ареста отца Михаила.

В прошении матушки Евдокии Ивановны Лисицыной в Совет Кубанского краевого правительства от 3 февраля 1919 г. говорится следующее: «22-го февраля 1918-го года, в день вступления в нашу станицу большевистских войск, был арестован мой муж священник отец Михаил Лисицын, а 25-го того же февраля был убит ими. В первую же ночь после ареста мужа в мой дом ворвалась толпа солдат и разграбила всё,

что только можно было унести: деньги, одежда, обувь, бельё носильное и постельное, одеяла, серебряные вещи, съестные припасы, одним словом всё, кроме мебели, бесследно исчезло. В один день я лишилась мужа и всего, что было приобретено многолетним трудом. Я осталась нищей с двумя дочерями – ученицами. Работа грабителей была настолько аккуратна, что на другой день, выходя из дому, я вынуждена была прикрыться случайно уцелевшей ветхой рясою мужа, а платок дала мне соседка...» [25].

В подтверждение своих слов матушка Евдокия приложила удостоверение, выданное ей Усть-Лабинским станичным правлением от 23 сентября 1918 г. за № 374, в котором говорилось: «Дано сие вдове священника Евдокии Ивановне Лисицыной, проживающей в сей станице, в том, что муж ее 25 февраля сего года казнен вступившими в станицу большевиками, а также и разграблено почти все движимое имущество» [26].

Подтверждает случившуюся трагедию «Обращение Церкви Екатеринодарской к христианским Церквям всего мира», опубликованное 7 апреля 1919 г. в газете «Вольная Кубань». В частности, в нем сообщалось, что «в станице Усть-Лабинской священник отец Михаил Лисицын был мучим в течение трех дней – с пятницы до воскресенья. Убили его 22 февраля 1918 года. Когда тело его было найдено, то на нем оказалось более 10 ран, голова была изрублена в куски» [27]. Согласно данным Особой комиссии после смерти священника красноармейцы препятствовали родственникам и жителям станицы совершить погребение убитого, и лишь затребовав от жены священника выкуп 600 рублей, отдали тело [28].

Существующая разница в датах смерти священника М. Лисицына порождает неопределенность в этом вопросе. Действительной датой смерти следует считать 25 февраля. Эту дату упоминает в своем прошении жена священника Евдокия Ивановна Лисицына, свидетельство доминантным источником. Однако, в метрической книге Николаевского храма ст. Усть-Лабинской указано, что священник был казнен 26 февраля 1918 г., а погребение совершено 28 февраля священниками Алексеем Богдановым, Иоанном Сальским, диаконом Аркадием Кононовым, псаломщиками Иоанном Струковым и Стефаном Воликом [29].

Таким образом, уже на примере жизни и деятельности упомянутых священников видно, что причиной их смерти стал образ деятельности и приверженность Вере. Представители духовенства рассматривались большевиками как классовые враги, подлежащие беспощадному уничтожению, о чем свидетельствует сама история.

Главной задачей, стоящей сегодня перед представителями научного и церковного сообщества, является изучение и популяризация материалов о духовенстве, ставшем жертвой Гражданской войны. Сохранение памяти об этих людях, о нашей истории во всех ее проявлениях позволит преодолеть те разрушительные и деструктивные тенденции, которые негативно воздействуют на современное российское общество.

Примечания

1. *Польский М.*, протопресв. Новые мученики Российские. Т. I. Jordanville, 1949. С. 207-208.

2. *Рыбко С.Н.* Развитие православной церковной жизни на Кубани в советский период. К вопросу о церковно-государственных отношениях // Научное наследие Федора Андреевича Щербины и современность: сборник материалов материалов XIII научно– практической конференции «Научное наследие Фёдора Андреевича Щербины и современность», г. Краснодар, 22 февраля 2013 г. – Краснодар: ИМСИТ, 2013. – С. 238-247; Горожанина М.Ю. Православное духовенство Кубани в годы политических репрессий // Материалы X Международной научной конференции «Государство, Общество, Церковь в истории России XX века». – Иваново, 2011. – С. 132 -139.

3. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). Ф. 135. Оп. 72. Д. 1727. Л. 4об-5об.

4. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). Ф. 470. Оп. 1. Д. 32. Л. 75-76об. Российский государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 438. Д. 4479. Л. 6-11об.

5. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 38. Л. 135об-136.

6. Ставропольские епархиальные ведомости (СЕВ). 1915. № 39. С. 1231.

7. Вольная Кубань. 7 апреля 1919 г. № 76.

8. *Хаджиев Р.Б.* Жизнь и смерть генерала Корнилова. М., 2014. С. 428.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 470. Оп. 2. Д. 25. Л. 52-53; Д. 10. Л. 226.
10. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 25. Л. 53.
11. ГАКК. Ф. 470. Оп. 2. Д. 2126. Л. 6
12. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 239; Д. 25. Л. 20.
13. ГАКК. Ф. 801. Оп. 1. Д. 45. Л. 139.
14. Там же.
15. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 233.
16. Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 627. Оп. 249. Д. 275. Л. 33об-34; Ф. 1280. Оп. 1. Д. 490. Л. 34; Ф. 634. Оп. 1. Д. 78. Л. 334об.; Ф. 627. Оп. 261. Д. 30. Л. 71-72; Оп. 240. Д. 40. Л. 208-210; ГАСК. Ф. 135. Оп. 70. Д. 863. Л. 5об;
17. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГАРСОА). Ф. 143. Оп. 1. Д. 62. Л. 1; Оп. 2. Д. 73. Л. 2-8об.
18. ГАСК. Ф. 135. Оп. 70. Д. 863. Л. 5об-6.
19. ЦГАРСОА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1492; Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 806. Оп. 4. Д. 5608. Л. 1, 9.
20. ЦГАРСОА. Ф. 143. Оп. 2. Д. 73. Л. 1, 2; ГАСК. Ф. 135. Оп. 70. Д. 863. Л. 5об; ЦГАРСОА. Ф. 143. Оп. 1. Д. 1260. Л. 6; РГИА. Ф. 806. Оп. 4. Д. 5608. Л. 12.
21. ГАСК. Ф. 135. Оп. 70. Д. 863. Л. 6об; ГАКК. Ф. Р-5. Оп. 1. Д. 207. Л. 39об.
22. СЕВ. 1914. № 1. С. 6; Владикавказские епархиальные ведомости. 1898. № 1. С. 15-19.
23. СЕВ. 1915. № 15. С. 443.
24. Вольная Кубань. 18 января 1918 г. № 11.
25. Вольная Кубань. 21 января 1918 г. № 14; 30 января 1918 г. № 21.
26. ГАКК. Ф. 394. Оп. 5. Д. 424. Л. 394-395.
27. Там же. Л. 396.
28. Вольная Кубань. 7 апреля 1919 г. № 76.
29. ГАРФ. Ф. 470. Оп. 2. Д. 10. Л. 233.
30. Архивный отдел Администрации МО Усть-Лабинский район Краснодарского края. Ф. 331. Д. 161. Л. 111.

Профессор Э.Э. Баллион в Новороссийске (1879 – 1901 гг.)

Сегодня имя профессора Э.Э. Баллиона (1816 – 1901) носят одна из улиц Новороссийска и публичная библиотека, открытая в 1894 г. на основе личного собрания книг и журналов Баллиона – ее пожизненного директора. Мотивом переселения профессора в Новороссийск из родного Петербурга обычно считают желание отдохнуть в старости у моря от столичной суеты («Последние годы жизни Э.Э. Баллион жил в отставке близ Новороссийска» [1], «Последние годы (он) провел в отставке и жил в Новороссийске» [2]). А датой переезда – конец 1880-х или даже начало 1890-х годов.

Но и то, и другое не соответствует фактам. Деятельность Э.Э. Баллиона, прожившего у Цемесской бухты более 20 лет, не сводилась к открытию здесь библиотеки. Ниже мы покажем, что в Новороссийске профессор продолжал заниматься наукой, поддерживая связи с коллегами и учениками.

Э.Э. Баллион вышел в отставку в Санкт-Петербургском земледельческом и лесном институте еще в 1877 г. С 1867 г. профессор (до этого – доцент) Баллион читал здесь зоологию на первом курсе – по 3 лекции в неделю, летом проводил со студентами экскурсии по 2 раза в неделю [3]. Среди его студентов было немало известных в будущем личностей – например, Алексей Сергеевич Ермолов (1847 – 1917), учившийся в институте в 1867 – 1870 гг., а в 1871 г. получивший здесь звание кандидата сельского хозяйства. Занимая посты министра земледелия и государственных имуществ, члена Государственного совета, статс-секретаря, А.С. Ермолов много сделал для развития Черноморского побережья Кавказа, не раз бывал проездом в Новороссийске, где жил его учитель.

Природа наградила Эрнеста Эрнестовича редким даром увлекать детей и юношей в мир науки. Так, летом 1877 г. он познакомился в Лесном под Петербургом с мальчиком-сиротой, жившим в семье дяди. Позже этот мальчик стал профес-

сором А.А. Силантьевым, биограф которого писал [4]: «Добрый старик много чудес показал любознательному мальчику и впервые приподнял перед ним уголок завесы, скрывавшей дивный мир науки. Баллион поразил Силантьева своим почтенным видом, обилием знания и всей необычной обстановкой жизни, всецело посвященной науке, и заронил в него мысль идти по его следам. Впоследствии Анатолий Алексеевич часто вспоминал старого профессора <...> и неизменно отмечал, что Баллион – его первый учитель энтомологии, сыгравший решающую роль в выборе им специальности».

Учитель помог Анатолию поступить в 1886 г. в Лесной институт, убедив дядю, что последний обеспечит племяннику надежный заработок. А.А. Силантьев (1868 – 1918) стал основоположником русской школы охотоведения. Работал ученый и на Черноморском побережье Кавказа, занимаясь организацией борьбы с вредителями винограда.

Вот и действительный статский советник Э.Э. Баллион выбрал Новороссийск не ради отдыха. По сообщению газеты «Кавказ» [5], в январе 1879 г. «возвратился из Петербурга г. Старк, назначенный управляющим имением Его Высочества Великого Князя Константина Николаевича. <...>. Г. Старк – пионер-земледелец Черноморского округа, владевший <...> участком в 50 десятин земли под самым Новороссийском, обработавший его, устроивший на нем усадьбу и затем продавший отставному профессору Бальёну, решившемуся окончательно основаться в здешнем крае для занятия хозяйством и ученых изысканий. <...> Г. Старк – даровитый и неутомимый энтомолог; составленная им энтомологическая коллекция здешнего побережья принесена в дар излюбленному краю и, за неимением местного музеума, хранится в канцелярии начальника Черноморского округа».

А.А. Старк (1849–1933), потомственный лесничий, автор воспоминаний «На русской Ривьере» (СПб., 1913), учился в столичном Земледельческом и лесном институте в 1868 – 1870 гг. Там Э.Э. Баллион и привил страсть к энтомологии своему ученику, а тот, в свою очередь, привлек учителя в Черноморский округ, богатый новыми видами насекомых. Жуки, собранные здесь Старком в 1870-е годы, и сегодня украшают сохранившиеся коллекции Э.Э. Баллиона (см. ниже).

Энтомологи высоко оценивают вклад А.А. Старка в изучение насекомых Западного Кавказа; им описано более 120 видов жуков, свойственных региону. Старк, после 1917 г. живший в Финляндии, завещал свою уникальную коллекцию университету в Хельсинки.

Но вернемся в Новороссийск. Уже в 1880 г. Э.Э. Баллион выслал отсюда столичным зоологам свои первые находки. На заседании Общества естествоиспытателей проф. О.А. Гримм (сменивший Баллиона в Лесном институте) демонстрировал «скелет ноги оленя (*Cervus elaphus*) с развитыми пятью пальцами и череп грызуна, вероятно крысы, с одним чрезвычайно развитым резцом, полученные из Новороссийска от г. Баллиона» [6].

А с 1881 г. Э.Э. Баллион вернулся к систематической научной работе по энтомологии. Ведь он приехал в Новороссийск не просто профессором, но автором многих ученых трудов, печатавшихся с середины 1850-х годов.

Путь в науку был для него нелегким. Окончив в 1833 г. столичное четырехклассное Училище при реформатских церквях, сын немца-переплетчика лишь через 13 лет поступил в Казанский университет. А до этого, по словам биографов, «занимался частной педагогической практикой».

В Казани Эрнест окончил со степенью кандидата (ее получили 3 из 19 выпускников) курс физико-математического факультета по разряду естественных наук. Согласно справочнику [7], Баллион (Бальён) Эрнест-Фердинанд Эрнестович учился здесь с 24.08.1846 г. по 4.06.1851 г.; по 5.08.1852 г. он состоял при университете, а затем поступил учителем естественной истории во 2-ю Казанскую гимназию. 4.06.1853 г. старший учитель Баллион был определен по совместительству хранителем музеев Казанского университета с оставлением при прежней должности. А 1.09.1855 г. он уволился с должности хранителя [8], поскольку начал преподавать естественную историю и в Казанском институте благородных девиц.

В гимназии Э.Э. Баллион организовал зоологический кабинет, проводил с учениками экскурсии, чем «способствовал пробуждению в них интереса к изучению фауны и флоры». Один из них вспоминал об учителе [9]: «В моем дневнике

вклеена газетная вырезка его некролога; он скончался глубоким старцем в Новороссийске, отдав все на пользу города, не понявшего доброты этого идеалиста. В некрологе Баллион рисуется в чрезвычайно симпатичных чертах, между прочим как поборник женского образования».

В Казани Э.Э. Баллион издал несколько учебных пособий [10]. Научной работой он занимался у проф. Э.А. Эверсмана (1794 – 1860), заведовавшего кафедрой зоологии и зоологическим кабинетом университета. Основным предметом исследований Эверсмана была энтомология: в кабинете хранились многие насекомые, собранные профессором в путешествиях.

В 1855 г. в «Бюллетене Императорского Московского общества испытателей природы» вышла статья Э.Э. Баллиона о водяных жуках [11]. С тех пор колеоптерология (наука о жесткокрылых насекомых – жуках) стала его любимой темой, хотя ученый уделял внимание и чешуекрылым – бабочкам. Все научные (не популярные) работы он писал на немецком языке.

Осенью 1859 г. Э.Э. Баллион получил назначение адъюнкт-профессором (доцентом) в Горы-Горецкий земледельческий институт – в местечке Горы-Горки Могилевской губернии. Здесь он читал зоологию, создавал зоологический кабинет, продолжал работу по энтомологии [12].

Когда в 1863 г. в западных губерниях вспыхнул мятеж, Горы-Горецкий земледельческий институт пришлось перевести в Петербург. Поляки, составлявшие большинство его студентов, и даже часть их наставников вступили в ряды мятежников. А в столицу переехали 6 оставшихся лояльными преподавателей, включая Э.Э. Баллиона, и 33 студента – из 219.

В Санкт-Петербургском земледельческом институте (где со временем открылось и лесное отделение) Эрнест Эрнестович получил всероссийскую известность. С одной стороны, он издал ряд статей и руководств по борьбе с насекомыми-вредителями [13]; популярностью у садоводов пользовался его перевод книги Э.Л. Ташенберга (1818 – 1898) [14]. Баллион снабдил перевод своими дополнениями, адаптировавшими текст немецкого энтомолога к русской действительности, и словарем русских названий насекомых.

Что касается научных публикаций, то после нескольких сообщений 1866 – 1867 годов о бабочках (пяденицах, березовом шелкопряде, зерновой моли и др.) Э.Э. Баллион сосредоточился на жуках [15]. Ему доверяли обработку материалов экспедиций в дальние уголки России многие путешественники – А.А. Кушакевич, А. Регель, Н.А. Северцев и др.

Уже тогда труды Э.Э. Баллиона и его коллекции оценивались высоко. К.Э. Линдеман (1843 – 1929) писал [16]: «В особенности обогатила меня фактами коллекция проф. Э.Э. Баллиона. <...> Все петербургские коллекции, не исключая и коллекции Академии Наук, имеют чисто систематический интерес, и каждый вид представлен в них в небольшом числе экземпляров, в коллекции же проф. Баллиона находится множество экземпляров каждого вида, и притом из самых разнообразных местностей России».

Еще в конце 1860-х гг. Э.Э. Баллион проявил интерес к начатым русскими учеными исследованиям флоры и фауны Черноморского побережья Кавказа и Крыма, в том числе Новороссийской бухты [17]. Председательствуя на секции зоологии II Съезда русских естествоиспытателей, профессор поддержал идею Н.Н. Миклухо-Маклая об учреждении биостанций и создал комиссию из «лиц, бывавших на берегах Черного моря» [18]. Она постановила добиваться открытия биостанций в Севастополе и в Сухуме.

А десять лет спустя профессор основал – пусть не *de jure*, но *de facto*, – биостанцию и в Новороссийске: Э.Э. Баллион перевез сюда из Петербурга необходимую для работы литературу (определители, монографии, периодику), основные коллекции и лабораторный инструментарий.

Из его статьи [19] видно, что перечисленные в ней 413 видов бабочек были пойманы автором в Новороссийске с лета 1881 г. по ноябрь 1885 г. По мнению Э.Э. Баллиона здешняя фауна чешуекрылых была богаче по меньшей мере втрое – ведь он довольствовался лишь бабочками, прилетавшими в его сад. Дело в том, что возраст уже не позволял ученому обходить окрестные ущелья, и, по словам Баллиона, риск встречи с волками, шакалами или дикими свиньями, был велик: в темное время эти животные «нагло заходили во дво-

ры, и лишь упорной стрельбой их удавалось удерживать по-дальше от жилья».

Посещали город и более редкие звери – например, гиена, шкура которой хранилась в доме профессора. Хищника убили возле городской церкви Новороссийска [20]. Полосатая гиена (*Нуаена нуаена*), достигавшая массы 30–40 кг, в XIX в. еще не стала редкостью в Закавказье, а изредка появлялась и к северу от Главного Кавказского хребта.

Охоту на насекомых Э.Э. Баллион чередовал с работами в саду и с частными уроками – зоолог продолжал готовить по зоологии местную молодежь к поступлению в гимназии и университеты других городов.

В Новороссийске профессор помогал и виноградарям. Из его заметки [21] видно, что по просьбе лесного ревизора Новороссийского округа Маркграфа и «полковника Reutschura» (по-видимому – предпринимателя и политика М.Ф. Пенчула), виноградарю которого появившийся вредитель нанес большой урон, Э.Э. Баллион впервые определил в Новороссийске турецкого скосаря (виноградного долгоносика). Позже на приоритет учителя указал А.А. Силантьев в работе «Турецкий скосарь или виноградный жук в Новороссийском округе и борьба с ним» [22].

Мы предполагаем, что вышеупомянутый кандидат агрономии Отто(н) Вильгельмович (Васильевич) Мар(к)граф (род. около 1850 г.) окончил столичный Земледельческий и лесной институт и тоже являлся учеником проф. Э.Э. Баллиона. С 1875 г. Маркграф работал агрономом Управления государственными имуществами и лесами в Тифлисе. Затем он переехал во Владикавказ, где служил лесным ревизором Войскового хозяйственного управления Терского казачьего войска. Одной из первых публикаций О.В. Маркграфа стал «Доклад об истреблении насекомых, вредящих культурным растениям Терской области» (Кавказ, №186 за 1880 г.). С его участием были изданы книги «Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска, составленные <...> О. Мар(к)графом, П. Линтваревым и др.» (Владикавказ: Войсковое хозяйственное правление, 1881.– 470 с.) и «Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства, составленный О.В. Мар(к)графом <...>» (М.: Изд. С.В. Лепешкина, 1882.– 288 с.).

Позже О.В. Маркграф – лесной ревизор Тифлисской губернии. С 1887 г. он был перемещен на аналогичную должность в Кубанское управление государственными имуществами и нередко бывал в Новороссийске, где жили родители его жены Марии – дочери военного врача А.А. Тихомирова [23].

После 1895 г. О.О. Маркграф перешел в Министерство земледелия вице-инспектором Корпуса лесничих, ездил в экспедиции на Европейский Север, в Сибирь и на Дальний Восток. Но не забывал и Кавказ, свидетельство чему – его «Предварительный отчет по земельно-переселенческому делу в Черноморской губернии и Бзыбском районе» (СПб., 1911).

В Новороссийск к Э.Э. Баллиону приезжали и энтомологи, не бывшие его учениками: собирая насекомых Западного Кавказа, они консультировались с профессором, пользовались его коллекцией и литературой. Следы таких приездов нашлись, например, в статьях О.Ф. Ретовского (1849 – 1925), в то время – заведующего Феодосийским музеем древностей [24].

Не раз бывал в Новороссийске у Э.Э. Баллиона и Е.Г. Кениг – с 1892 г. консерватор, хранитель и составитель коллекций Кавказского музея в Тифлисе. Ряд работ Е.Г. Кенига о жесткокрылых Кавказа [25], безусловно, не мог быть написан без детального изучения их автором коллекции Э.Э. Баллиона в Новороссийске.

Сам профессор, пополняя личную коллекцию местными видами жуков, занялся углубленным анализом собранных за много лет материалов по семейству чернотелок (Tenebrionidae) – его Э.Э. Баллион называл своим любимым, особенно род *Blaps* (жуки-«медляки»). Мыслями, рождавшимися в процессе работы, он делился с коллегами в статьях, посылаемых в зарубежные журналы и в московский «Бюллетень» [26]. Одновременно Э.Э. Баллион готовил в Новороссийске специальную «монографию по блаптидам» для издания в «Бюллетене», о чем сообщил осенью 1887 г. [27].

Однако эта монография так никогда и не увидела свет. Возможно, причиной тому была смена руководства в Московском обществе испытателей природы. После нее из «Бюллетеня» стали вытесняться немецкоязычные тексты, а в само общество привнесена политическая борьба, претившая Э.Э. Баллиону.

По этой причине с начала 1892 г. профессор переключился с научной работы на организацию в Новороссийске публичной библиотеки, значительную часть первоначального фонда которой составила его литература по зоологии (энтомологии). Э.Э. Баллион лично ездил в Екатеринодар, «пробирая» нужные решения в коридорах власти. Перипетии этого процесса подробно описаны в публикациях [28], поэтому мы не станем на них останавливаться.

В 1896 г. Эрнест Эрнестович завещал свою новороссийскую коллекцию жуков Новороссийскому университету (в Одессе), о чем авторы статьи [29] сообщают со ссылкой на Государственный архив Одесской области (Ф.45, Оп.8 (1901), Д.33, Л.47). После смерти Баллиона и завершения юридических формальностей с его коллекцией, начиная с 1907 г., работали и работают исследователи.

Баллионовская коллекция жуков пережила вместе с городом войну и перемены, и новые поколения ученых приезжают в Одессу ради нее и в XXI в. Считают, что основная и наиболее ценная часть коллекции сохранилась почти полностью в 240 авторских коробках. В работе [30] она оценивается как «обширная и старейшая <...>, имеющая большую историческую ценность и не потерявшая свое научное и образовательное значение в современный период». Автор этой статьи, в частности, пишет, что: «<...> в коллекции найдены жесткокрылые с названиями, данными Э.Э. Баллионом. В первую очередь это *Nalassus gloriosus* (Faldermann, 1837) из Душети с этикеткой «*Helops duscheticus* Ball.» и *Mycetochara* sp. (Alleculidae) из Новороссийска с этикеткой «*Helops reitteri* Ball.».

Довольно высокую оценку работам ученого в Черномории дают и современные специалисты по бабочкам [31]: «Сведения о лепидоптерологической деятельности на Кавказе во второй половине XIX в. будут неполными, если не упомянуть работы проф. Э.Э. Баллиона (1816 – 1901) по чешуекрылым окрестностей Новороссийска». В этих окрестностях и сегодня живет редкий шелкопряд, получивший имя ученого – лемония Баллиона (*Lemonia Ballioni* Christoph, 1888) [32]. Гусеницы этой ночной бабочки встречаются чаще всего на безлесных склонах хребта Маркотх.

Добавим к этому, что Новороссийск дал России по меньшей мере одного крупного энтомолога: здесь родился проф. Н.Н. Богданов-Катков (1894 – 1955). Он считается учеником А.А. Силантьева, но не исключено, что Николай Николаевич, сын служащего железной дороги, в раннем детстве бывал в Баллионовской библиотеке и видел коллекции старого профессора.

На наш взгляд, все вышеизложенное говорит о том, что вклад Э.Э. Баллиона, прямой и косвенный, в развитие культуры и науки Новороссийска был существенно бóльшим, чем считалось до сих пор.

Автор благодарен Л.А. Безверхой и С.А. Санееву (Новороссийск), В.Н. Костиникову (Сочи) за представленные материалы, а также сотрудникам Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина – за возможность ознакомиться с публикациями Э.Э. Баллиона.

Примечания

1. Семенов А.П. (Тян-Шанский) Памяти Э.Э. Баллиона // Русское энтомологическое обозрение. 1901. Т.1. № 6. С. 297–299.

2. Э.Э. Баллион (некролог) // Новое время. 1901. № 9. 18 сентября. С. 3.

3. Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия: страницы истории (1803–2003). СПб., 2003.

4. Егоров О.А. Анатолий Алексеевич Силантьев. М., 1990.

5. Петровский Н. Местные известия. Г. Новороссийск Черноморского округа // Кавказ. 1879. № 21. 27 января.

6. Протокол заседания зоологического отделения 22 ноября 1880 г. // Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей. 1881. Т.ХII. Вып.1. С.31–51.

7. Михайловский А.И. К столетней годовщине Казанского университета. Преподаватели, учащиеся и служившие в Императорском Казанском университете (1804–1904). Часть 1. Вып.1 (1804–1855 гг.). Казань, 1901.

8. Отчет Императорского Казанского университета за 1853–1854 acad. год. Казань, 1854; Отчет о состоянии Императорского Казанского университета за 1855–1856 уч. год Казань, 1856.

9. *Смоленский С.В.* Воспоминания: Казань, Москва, Петербург. М., 2002.

10. Это работы «Краткая ботаника, ч. 1» (Казань, 1857) и «Опыт исследования о русских названиях (простонародных и книжных) млекопитающих животных, водящихся в пределах Российской империи» (Казань, 1858. 92 с.). Версия последней была напечатана в 1856 г. в «Прибавлениях к Известиям Императорской академии наук по отделению русского языка и словесности. Материалы для словаря сравнительного и объяснительного» (Т.V, вып.22).

11. *Ballion E.* Verzeichniss der in der Wolga-Uralischen Fauna beobachteten Wasserkäfer // Bulletin Société Impériale des Naturalistes de Moscou. 1855. Т. 28, № 3. P.227–244. На с. 238 имеется авторское посвящение «моему учителю, знаменитому российскому энтомологу, профессору доктору Эверсману в знак моей благодарности и уважения».

12. *Ballion E.* Verzeichniss in der nächsten Umgegend von Gorki in den Jahren 1860–1863 gefundenen Schmetterlinge // Bulletin Société Impériale des Naturalistes de Moscou. 1864. Т.37, №2. P.349–382.

13. В «Земледельческой газете (1867, №№19, 20) Э.Э. Баллион опубликовал «Краткое наставление к собиранию и пересылке вредных насекомых», а в «Лесном журнале (1872, №6) – заметки «Новый снаряд для собирания яичек вредных шелкопрядов» и «О лубоеде зазубренном *Hylesinus crenatus* Fabr.».

14. Энтомология для садовников и любителей садоводства или естественная история вредных для садовых и огородных растений насекомых и червей, с указанием на средства к их истреблению. Соч. д-ра Ташенберга. Перевел с нем. с изменениями и дополнениями Э. Баллион. С 125 рис. С.Пб., 1871.

15. Эти работы Э.Э. Баллиона печатались в Bulletin de la Société impériale des Naturalistes de Moscou (Bemerkungen über einige Käfer-Arten des Catalogus Coleopterorum von Dr. Gemminger und B. von Harold. 1869. №1; Über *Tenthredo flavicornis* und *T. luteicornis*. 1869. №2; *Leptura Jageri* Humm. und *Stenura oxyptera* Fald. 1870. №3; Eine Centurie neuer Käfer aus der Fauna des russischen Reiches. 1870. №4; Catalogus Coleopterorum von Dr. Gemminger und B. von

Harold. Bemerkungen und Berichtigungen zu demselben. 1871. №1 и др.). Заключительной публикацией этой серии стала статья Verzeichniss der im Kreise Kuldsha gesammelten Käfer // Там же. 1878. Т.53. №2. Р. 253–291.

16. *Линдеман К.Э.* Обзор географического распространения жуков в Российской империи // Труды Русского энтомологического общества. 1871. Т.6. Ч. I. С.41–366.

17. *Русанов К.В.* Страницы истории исследований флоры и фауны Черного моря: Густав Шперк и Василий Ульянин в Новороссийской бухте // Морской экологический журнал. 2014. Т.ХIII. №2. С.102–108; Страницы истории исследований фауны беспозвоночных Черного моря: экспедиции Николая Кричагина на Восточный берег (1872, 1874 гг.) // Там же. №4. С.79–88.

18. Труды Второго съезда русских естествоиспытателей в Москве, происходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть II. Труды по отделам зоологии, анатомии и физиологии. М., 1870.

19. *Ballion E.* Vorläufiges Verzeichniss der Schmetterlinge auf der Umgegend von Novorossiisk am Schwarzen Meere im Caucasus // Bulletin Société Impériale des Naturalistes de Moscou. 1886. Bd.62. №2. S.241–290.

20. См. Интернет-ресурс [animaly.ru>chis-gien.php](http://animaly.ru/chis-gien.php).

21. *Ballion E.* Otiorhynchus turca Steven. Ein beshädiger des Weinstockes // Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. 1887. №3. P.813–814

22. Труды 3-го съезда виноградарей, виноделов и плодородов Черноморской губернии в г. Новороссийске в 1908 г. СПб., 1909.

23. *Русанов К.В.* А.А. Тихомиров: жизнь военного врача в контексте Кавказской войны // «Царствуй на славу, на славу нам!» (к 400-летию вступления на престол династии Романовых). Материалы IX Международных Дворянских чтений / Научн. ред., сост. О.В. Матвеев, отв. ред. Е.М. Сухачёва. Краснодар, 2013.С.214–221.

24. *Retowski O.* Neue Curculioniden aus der Krim und dem Kaukasus, nebst Bemerkungen über einige schon bekannte Arten // Wiener Entomologische Zeitung. 1887. Heft 4. S.130–

134; Retowski O. Beiträge zur Molleskenfauna des Kaukasus // Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. 1888. №2. С.277–288. В первой статье упомянуты виды долгоносиков (Curculionidae), обитающие в Новороссийске, а раздел второй называется: «Verzeichniss der von mir in der nachsten Umgebung von Novorossiisk gesammelten Mollusken».

25. *König E.* Coleoptera caucasica. Die Sammlungen des kaukasischen Museums, Tiflis, 1899, S.331–415; *König E.* Beiträge zur Coleopteren-Fauna des Kaukasus. Wien. Entomol. Zeit. 1904. Bd. XXIII. S.140-142.

26. *Ballion E.* Ueber Blaps armeniaca Faldermann und Blaps armeniaca Allard // Wiener Entomologische Zeitung. 1887. Heft 10. S.307–309; *Ballion E.* Kurze Notizen über einige russische Blaps-Arten // Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. 1887. №4. P. 900-923; Там же. 1888. №2. P.269–276; Там же. №4. P.694–704; *Ballion E.E.* Einiges aus meinen Notizblättern // Societas Entomologica. 1890. № 4, 5, 17, 19, 20, 21.

27. Протокол заседаний Императорского Московского общества испытателей природы 17.09.1887 г. // Bulletin Société Impériale des Naturalistes de Moscou. 1888. №4. P.42–44.

28. *Ланин Е.О.* Собрал все книги и пожертвовал // Новороссийский рабочий. 2014. 3 марта; Герасименко А.Б., Санеев С.А. Новороссийск – от укрепления к губернскому городу. Краснодар, 1998. С. 231–232, 234-237, 239-240; Санеев С.А. Новороссийская Баллионовская библиотека как социокультурный феномен // Итоги полевых фольклорно-этнографических исследований на Кубани. Краснодар, 2005. С.49-55; Он же. Баллионовская библиотека как один из центров либерализма в Новороссийске // Аргонавт. Черноморский исторический журнал. 2006. №1. С.21–25. См. также файлы «История библиотеки» в разделе «Страницы истории» на сайте arhiv.admnvrsk.ru.

29. *Блинштейн С.Я., Севастьянов В.Д. Э.Э.* Баллион и его коллекция жесткокрылых // Научные труды зоологического музея Одесского гос. унив. 1992. Т.1. С.6–8.

30. *Набоженко М.Б.* Жуки-чернотелки трибы Helopini (Coleoptera, Tenebrionidae) в коллекции Э.Э.Баллиона (со-

общение 1. Подтриба *Cylindronotina*) // Известия Музейного фонда им. А.А.Браунера. 2004. Т.1. №3–4. С.1–6.

31. *Некрутенко Ю.П.* Дневные бабочки Кавказа. Определитель. Киев, 1990.

32. *Щуров В.И.* Шелкопряд Баллиона // Красная книга Краснодарского края (животные). Краснодар, 2007. С.279–280.

Сведения об авторах

Абрамян Рафаэл Михайлович, кандидат педагогических наук, председатель Армянского историко-родословного общества, заместитель директора Департамента развития и регулирования внешнеэкономической деятельности Министерства экономического развития Российской Федерации (г. Москва, Россия)

Алявдин Виссарион Игоревич, президент Национального фонда «Возрождение русской усадьбы», директор Департамента мемориальных программ Российского Дворянского Собрания, потомок дворянского рода Ушаковых (г. Москва, Россия)

Бондарь Виталий Вячеславович, кандидат исторических наук, начальник отдела экспертно-консультативной деятельности Южного филиала ФГБНИУ Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева, государственный эксперт (г. Краснодар, Россия)

Брацун Егор Васильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры обществоведческих дисциплин и регионоведения ГБОУ «Институт развития образования» Краснодарского края. (г. Краснодар, Россия)

Вартаньян Эгнара Гайковна, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия)

Ващенко Иван Иванович, искусствовед, эксперт по художественным ценностям Министерства культуры России, заслуженный деятель искусств Кубани (г. Краснодар, Россия)

Веригин Андрей Борисович, кандидат философских наук, консультант отдела планирования и обеспечения основных мероприятий департамента управления делами Администрации Краснодарского края (г. Краснодар, Россия)

Геращенко Елена Касимовна, краевед, потомок дворянских родов Штейпов и Старков, член Дворянского Собрания Кубани (г. Краснодар, Россия)

Далгат Эльмира Муртазалиевна, доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук, заведующая отделом «Истории Дагестана XIX-начала XXI века» (г. Махачкала, Россия)

Кияшко Никита Витальевич, член Комиссии по канонизации святых Кубанской митрополии Русской Православной Церкви, член местного отделения Российского общества историков-архивистов Северского района (г. Краснодар, Россия)

Кондусов Владимир Сергеевич, аспирант кафедры исторических наук и археологии Института международного права, экономических и гуманитарных наук и управления им. К.В. Россинского (г. Краснодар, Россия)

Кудрявцев Александр Абакарович, доктор исторических наук, профессор Северо-Кавказского Федерального университета, Заслуженный деятель науки России и Республики Дагестан (г. Ставрополь, Россия)

Макаренко Юрий Анатольевич, председатель Краснодарского городского морского собрания, капитан 1-го ранга (г. Краснодар, Россия)

Марзоев Ислам-Бек Темурканович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНИЦ РАН и Правительства РСО-Алания, председатель Северо-Осетинского историко-родословного общества (г. Владикавказ, Россия)

Матвеев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия)

Небавский Андрей Александрович, доцент, преподаватель Екатеринодарской духовной семинарии, член Комиссии

по канонизации святых Кубанской митрополии, настоятель храма Благовещения Пресвятой Богородицы г. Краснодар (г. Краснодар, Россия)

Новиков Павел Васильевич, научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Россия)

Ратушняк Валерий Николаевич, доктор исторических наук, профессор Кубанского государственного университета, Заслуженный деятель науки России и Кубани (г. Краснодар, Россия)

Русанов Константин Викторович, научный сотрудник Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина (г. Харьков, Украина)

Сазонов Александр Алексеевич, директор ООО «Кубань Археология», главный эксперт-археолог Краснодарского краевого центра ЮНЕСКО, потомок дворянского рода Киборт, член Дворянского Собрания Кубани (г. Краснодар, Россия)

Самсонова Лариса Олеговна, кандидат исторических наук, доцент Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Россия)

Санеев Сергей Александрович, краевед, секретарь Новороссийского исторического общества (г. Новороссийск, Россия)

Селицкий Александр Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии, древней и средневековой истории Кубанского государственного университета, председатель Краснодарской региональной общественной организации Польский национально-культурный центр «Единство», главный редактор «Польских ведомостей», действительный член Российского Дворянского Собрания (г. Краснодар, Россия)

Слободенюк Виктор Викторович, ведущий специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края» (г. Краснодар, Россия)

Сухачева Елена Максимовна, предводитель Дворянского Собрания Кубани, член Совета Объединенного дворян-

ства Российского Дворянского Собрания, член Союза писателей Украины (г. Краснодар, Россия)

Третьяков Сергей Аркадьевич, председатель ККОО «Кадетский суворовско-нахимовский союз», организатор Всекубанских Суворовских чтений (г. Краснодар, Россия)

Ушаков Андрей Константинович, генеральный директор Единого экспертно-информационного центра Крыма и Севастополя, член рабочей группы ТПП РФ по развитию связей с Крымом, предводитель Дворянского Собрания Крыма, потомок дворянского рода Ушаковых (г. Симферополь, Россия)

Фролов Борис Ефимович, старший научный сотрудник отдела истории и этнографии КГИАМЗ им. Е.Д. Фелицына (г. Краснодар, Россия)

Шкуро Владимир Ильич, заслуженный работник Архивной службы Кубани, историограф Дворянского Собрания Кубани (г. Краснодар, Россия)

Раздел I.

Наследие великого русского полководца,
генералиссимуса Александра Васильевича
Суворова, князя Италийского, графа Рымникского,
и выдающегося русского флотоводца, Святого
праведного воина адмирала Фёдора Фёдоровича
Ушакова: история и современность

Е.М. Сухачёва

«Жизнь – Родине, душа – Богу»:
Святой праведный воин Фёдор Ушаков 3

А.А. Кудрявцев

Роль Александра Васильевича Суворова
в защите и укреплении южных рубежей России 11

В.Н. Ратушняк

Военный гений на берегах Кубани (1778 – 1779 гг.) 18

О.В. Матвеев

«Был мал, был велик...»:
Закубанский поход А.В. Суворова в исторических
судьбах ногайского народа 26

И.И. Ващенко

Из истории создания памятника
А.В. Суворову в Краснодаре 36

П.В. Новиков

Капитан Г.Г. Белли –
верный соратник адмирала Ф.Ф. Ушакова 40

В.В. Бондарь, Б.Е. Фролов

О соотношении основания Екатеринодара
с именем А.В. Суворова 47

В.И. Шкуро

Имя А.В. Суворова в памяти народов Кубани 52

Е.К. Геращенко

От рядового до коменданта крепости:

Иван Давыдович Старк 64

С.А. Санеев

Боевой путь Ф.Ф. Ушакова в творчестве

новороссийского художника В.И. Тихоновского 74

В.И. Алявдин, А.К. Ушаков

Командир Черниговского пехотного полка

Иван Михайлович Ушаков. Типология героизма 87

С.А. Третьяков

А.В. Суворов и суворовские традиции

в воспитании современной молодежи 95

Ю.А. Макаренко

Потомству в пример 101

Раздел II.

.....
**Страницы славы русского оружия,
мир служилого и духовного сословий
Российской империи: традиции и наследие**
.....

А.А. Сазонов

Леонтий Леонтьевич Киборт:

границы судьбы офицера

Российской Императорской армии 106

Э.М. Далгат

Военные в структуре городского

населения Дагестанской области

во второй половине XIX – начале XX в. 111

Л.О. Самсонова

Забытые герои военной истории XIX в.: И.И. Дибич 121

В.В. Кондусов

Военная и государственная деятельность

генерала Е.А. Головина 129

Э.Г. Вартаньян

Армянские офицеры на службе
Российской империи в XIX в. 141

Р.М. Абрамян

Из истории рода Мелик-Осиповых 152

Е.В. Брацун

Адыгский офицерский род
Гусаровых на воинской службе России в XIX веке 160

А.Б. Веригин

Великий князь Михаил Романов
и боевой путь Дикой дивизии
в годы Первой мировой войны 167

В.В. Слободенюк

Кавалер Георгиевского оружия, участник
1-го Кубанского («Ледяного») похода
Константин Гаврилович Непокупной 177

И.Т. Марзоев

Родословная баделят Дзайнуковых 188

А.И. Селицкий

Происхождение рода Мордмилловичей 194

Н.В. Кияшко

Кубанское духовенство после
Февральской революции 1917 г.:
трансформация института епархиальной власти
в свете региональной истории 202

А.А. Небавский

Из истории репрессий против духовенства
в годы Гражданской войны на Кубани 213

К.В. Русанов

Профессор Э.Э. Баллион
в Новороссийске (1879 – 1901 гг.) 225

ЭКОИНВЕСТ

Отпечатано в типографии издательства «Экоинвест»
350080, г. Краснодар, ул. Тюляева, 4/1
Тел./факс (861) 298-01-07

E-mail: ecoinvest@publishprint.ru
<http://publishprint.ru>

Подписано в печать 27.10.2015 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура SchoolBook.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 14,3 усл. печ. л. Тираж 200 экз.
Заказ № 1876.